

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОВЫМ-84

12 ДЕКАБРЬ

ДЛЯ ФРОНТА

НЕ ЖАЛЕЯ СИЛ...

Кирга — старинное село, таких немало на Урале. В годы Великой Отечественной войны добрая слава о маленькой школе из этого села разнеслась по всей стране.

Читайте на 2-й стр.

Константин Седых, секретарь Ирбитского райкома ВЛКСМ в годы Великой Отечественной войны. Фото 1942 года

Старая деревянная школа-семилетка в селе Кирга

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ-84

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

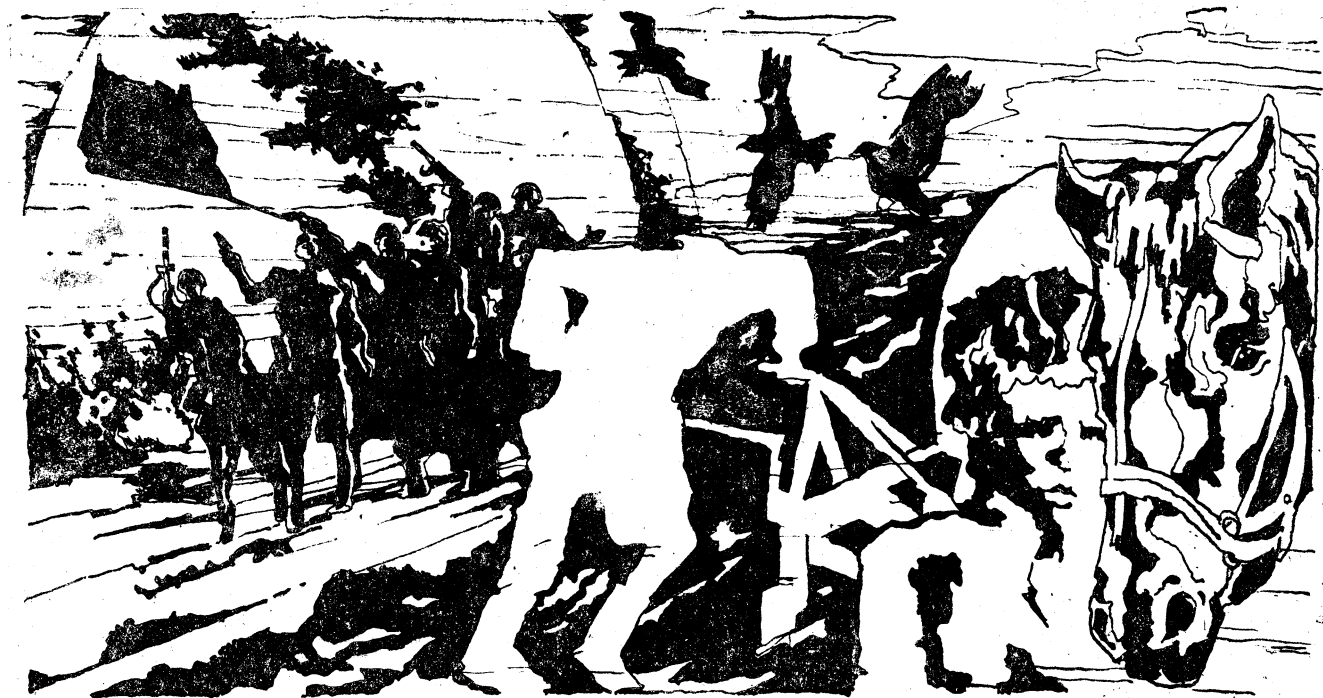
СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Главный редактор
Станислав МЕШАВКИН

Редакционная коллегия:

Муса ГАЛИ
Спартак КИПРИН
Владислав КРАПИВИН
Юрий КУРОЧКИН
Давид ЛИВШИЦ,
заместитель главного редактора
Геннадий МАШКИН
Николай НИКОНОВ
Анатолий ПОЛЯКОВ,
заведующий отделом краеведения
Лев РУМЯНЦЕВ,
заведующий отделом прозы и поэзии
Константин СКВОРЦОВ
Владимир СТАРИКОВ,
ответственный секретарь

№ 12 ДЕКАБРЬ

ДЛЯ ФРОНТА, НЕ ЖАЛЕЯ СИЛ...

**Борис
ИВАНОВ**

*Фото из архива автора
Рисунок Д. Букаева*

Кирга — старинное село, таких немало на Урале. В годы Великой Отечественной войны добрая слава о маленькой школе села разнеслась по всей стране. Миллионы советских ребят последовали тогда примеру киргинских патриотов. Центральный Комитет ВЛКСМ, Наркомат земледелия СССР три года подряд присуждали Киргинской неполной средней школе — неизменной победительнице во Всесоюзном социалистическом соревновании школьников — первое место с вручением переходящего Красного знамени!

О том, как это было, как совершили в глухом тылу свой подвиг киргинские ребята, помогая своему колхозу, — пойдет речь в этом очерке.

Над Киргой, отбежавшей от древнего Сибирского тракта в степь тремя прерывистыми улочками, стоямя тянулись к небу белые дымы от крестьянских изб. В заиндевелых окошках, рас-

писанных витиеватыми узорами, дробилось солнце...

Война перемешала, погоняя с родных мест, массу людей. По весне привезли в Киргу детей из осажденного Ленинграда. Худющие, посиневшие от холода, они отчужденно оглядывались, теснясь, возле высокого крыльца. Иные до того были истощены, что не могли подняться по ступенькам. Киргинские бабы, наглядявшись на чужое горе, наплакавшись, потащили крынки с молоком, сметаной — у кого что было.

Генка Корытов, выпросив у мамки, принес ленинградским с полведра картошки. Приглянулся ему глазастый малыш в натянутой на уши командирской пилотке. Он всех сторонился, взобрался на изгородь и вертел головой, как воробей.

Не умея завязать знакомства, Генка стащил с ленинградца пилотку с золотистыми крылышками, стал примерять.

— От-дай! Это папина!! — завопил мальчишка.

Звали его Игорь Каминов. Про него уже знали, что во время бомбежки убило мать, а отец, морской офицер, пропал без вести.

Через несколько дней Генка снова появился у детдомовской изгороди. Прихватил подарок — самую лучшую битую для игры в бабки. Маленький ленинградец не появлялся, ребятня доложила Генке, что Игорь в изоляторе. Со двора в него не попасть. Окно там высоко расположено. Но Генка придумал, как выйти из положения: поехав поить колхозных лошадей, он подкатил на Рыжухе к детдому с угла и, привстав на круп, заглянул. В изоляторе двое мальчишек ужинали. Игорь заметил его и удивленно приподнял белесые брови. Потом пришла уборщица с ведром, и Генке пришлось убраться.

При первой возможности спешил теперь Генка к дружку и, если удавалось передать в форточку пару морковок или горсть подсолнуховых семечек, сушеного гороха, Генка возвращался домой с довольной улыбкой на скуластом лице...

А в Киргу все прибывал народ. Приезжие, надсадно кашляя, сторбившись от навалившихся невзгод, молча протягивали председателю колхоза казенную бумагу с крючковой визой районного начальства на отпуск с колхозной фермы молока для семьи, просили мяса, хотя бы конины, шерсти овечьей, чтобы скатать валенки... Не мог председатель Федоров каждого удовлетворить, хотя сочувствовал всем, помогал по возможности остро нуждающимся. Все, буквально все — с полей, ферм, с пасеки — отправлялось на фронт и в живущие впроголодь промышленные города и поселки, ковавшие оружие. А с острой нуждой шел каждый.

Вот и нового директора школы встретили в правлении колхоза с почтением — все-таки раненый, фронтовик, — но и отказами. Протянул Федоров тяжелую руку, здороваясь, подвинул пачку «Беломора»:

— Помочь не могу. Сколь есть дровишек — для детского сада...

— За неделю — три простудных заболеваний, — уговаривал директор, — в классах чернила замерзают...

— Не могу, фронтовик! Нету... Думай сам, что можешь сделать.

— Лошадей дайте. Поеду с учениками в лес. Колхоз выделил школе трех лошадей.

Не уснул Николай Филиппович Киселев в ту памятную, наполненную глубокими раздумьями ночь. словно снова предстояло ему выйти на боевой рубеж... Думал школьный директор, как на мирном Киргинском плацдарме, из далекой уральской глубинки, нанести удар по ненавистному врагу...

О том, как киргинская «семилетка» была превращена весной сорок второго года в единый трудовой коллектив, ирбитский краевед И. Я. Антропов, бывший преподаватель этой школы, пи-

сал: «Без скидок на детские силы — такое было требование. Вечером колхозный бригадир давал рабочий наряд. Совет отряда тут же распределял работу по звеньям, звеньевые — каждому школьнику. Трудовое задание — боевой приказ: боец обязан его выполнить, как выполняет задание красноармеец на фронте. На уроках нужно было все понять и запомнить — дома готовиться некогда. Совет школьной бригады принял решение: отстающих в учебе быть не должно: отстал — значит, ослабил боеспособность отряда, помог врагу».

На утренних линейках директор, оглядев строгие пионерские шеренги, так и обращался: «Товарищи бойцы!..» Сдерживая волнение, докладывал о сводках Совинформбюро, о том, что надо сделать для колхоза.

Все свободное от занятий время ребята проводили на колхозных работах. Совет школьной трудовой бригады подводил первые итоги, принимал рапорты на линейке.

— Бойцы первого трудового отряда, — лояющимся голосом докладывал Алеша Фирсов, — выполнили весновспашки пятнадцать гектаров, бороновили сорок восемь... Отстающих в учебе нет.

За ним выступал на полшага вперед командир второго отряда Анатолий Устинов:

— На счету семнадцать гектаров вспашки, бороны — тридцать девять. Разбросано на поле двести пятьдесят возов удобрений. Вычистили от навоза два телятника...

— Третий отряд подготовил к посадке, перебрал в хранилище пять центнеров картофеля. Отправили на фронт семь писем... Отличников в отряде пять, двенадцать ударников...

— Шефствуем над семьями фронтовиков... Двум семьям помогли расколоть дрова. Починили бабке Лукерье огород, а то он совсем повалился...

Прозвенел последний звонок, и теперь киргинские ребята весь день от зари до зари проводили на колхозных полях.

Звено Валерки Коршунова поднимало за Карказовскими выселками пары под озимую пшеницу. Уставали порядком, исхаживая за плугом до сорока километров в день. На четвертый день остались в поле ночевать: чего зря коней маять, возвращаться в село.

Первым отказался ехать домой Алеша Фирсов:

— Поезжайте, ребята. Я огонь разожгу, веток нарублю — и на боковую, до рассвета...

— А волки?.. — тоненько спросил ленинградец Игорь Каминов.

— Волки? Они по логам рышут... Здесь место ровное, для волков неподходящее, — отвечал Алешка, по-хозяйски подбоченясь, расставив

ноги в кирзовых солдатских сапогах.— Проснетесь поутрянке, побежите на конный, да покуда приедете — я сколь сделаю!

— Я тоже остаюсь,— решил звеньевой Валерка, освобождая от сбруи своего коренника — приземистую кобылу в белых чулках.

У Генки хотя и было беспокойно на душе — мамка который день не подымалась с постели, но мысль, что и самые ранние часы можно использовать, пересилила. Тоже остался.

В село послали малолетку Игорька — с наказом побывать в каждой семье, чтоб не беспокоились за оставшихся в дальнем поле, взять харчей да еще заехать к колхозному бригадирю дяде Паше — сказать, чтоб подвезли для лошадей овса.

С зарею, когда солнце лишь взбиралось красным брюхом на зубчатую кромку поднятого пара, проснулся Генка Корытов. Зябко повел плечами в захудалой телогрейке со слежавшейся, как конский потник, ватой. Стреноженные кони, все восемь, паслись неподалеку, в луговине.

...Первым, как повелось в их звене, прокладывал борозду Алешка. Он пахал легко, как казалось наблюдательному Генке, словно играючи, властно, по-мужицки, облапив железные поручни. Если прошлогодняя стерня, задираясь под лемехом, перемешиваясь с влажной землей, начинала тащить за собой из борозды и тяжеленный плуг, Алешка единым махом выдергивал намотавшийся ком. Только потемневшие от пота темные пятна на лопатках свидетельствовали, что извечная мужицкая работа стоила и Алешке-крепышу немалых сил.

За ним — Валерка на тройке гнедых. У него не так ловко получалось с плугом. Но зато не нужно было понукать лошадей. Коренник, широкозадая Милка, тянула за троих. Она не пыталась при каждом удобном случае ухватить зубами ленивую пристяжную, как это было в Алешкиной упряжке, а топала и топала краешком поля с пожухлой прошлогодней стерней... Приседала с натуги, если попадался под лемех камень, напрягалась вся и, вытянув шею, ни на кого не надеясь, помахивая умной мордой в такт шагам, опять спешила, норовя догнать передних.

Валерка дышал с присвистом, запинался, но продолжал шагать, время от времени приподнимая тяжеленный плуг и стряхивая с лемехов набившуюся стерню.

Замыкающий Генка не отставал. Он тоже весь отдавался пахоте, несмотря на дрожь в коленях от худого питания, на колотье в боку. Трясая за каждую лишнюю сотку колхозного пара под будущий военный урожай. В животе бурчало, сосало под ложечкой. А он, повисая туловищем на железные поручни, пошатываясь, загребая обутками, пудовыми от налипшей земли, брел и брел за плугом. Солнце было в зени-

те, в небе — ни облачка. Страшно хотелось пить. Припасть бы запекшимися губами к крынке с прохладным квасом, как бывало при папане на покосе... Но мамка уже давно не ставила кваса, не парила в печи ячмень, не делала сладкого сусла...

Заканчивали уже третий гон, когда вернулся из села Игорек. Взявшись для страховки за гриву, осторожно спрыгнул с коня. Чьи-то руки помогли стащить притороченный к седлу мешок, и пахари, разобрав приготовленные матерями узелки, расселись у потухшего костра. Отпустив конька пастись, Игорь сыпал, как горох, сельские новости:

— У Ларионовых отца на фронте убили, похоронка пришла.. Тетя Настя, ихняя бабушка, ревет... Наши Севастополь немцам оставили.

Валерка, перестав жевать, нахмурился:

— Какой еще... Севастополь?

Игорек, вытаращив от удивления глаза — не ожидал по наивности от звеньевого такой дремучей неосведомленности, — пояснил:

— Город есть такой, в Крыму. Там наши военные корабли, подводные лодки стояли...

Повесили юные землепашцы головы. Присев на корточки, Валерка ковырял кнутовищем землю; Алешка, положив под кудлатую голову обнаженные по локоть руки, уставился, задумавшись, в бездонную синь неба...

Бригадир Вяткин подъехал, когда перевалило за полдень. Передав школьникам в мешке овса для лошадей и ведерко с пшенной кашей, прихваченное в колхозной столовой, он стал ругаться:

— И сколь вам, олухи, толочь, чтоб не лежали на траве, покуда земля не отошла...

Раскурив трубочку-носогрейку, дядя Паша направился в поле. Вымеривал кривыми шажками, мусолил огрызок химического карандаша — подсчитывал сделанное ребятами. Сказал одобрительно:

— Гектаров по тринадцать на плуг. Стараетесь, стало быть, и кони не захудали, — жалеете...

Узнав от дяди Паши, как идут дела на других полях, Валерка спросил:

— Это правда, что наши Севастополь сдали?..

Бригадир помрачнел, глаз не видать:

— Правда. Прет проклятый без останову...

Потом Вяткин снова шел следом за звеньевым, месил землю стоптанными солдатскими сапогами. Заговаривал с Валеркой раздумчиво:

— Наши скоро, видать, опять с силами соберутся... Под Харьковом, читал ноне в газетке, в наступ перешли? Выбирают, стало быть, с какого фланга лучше вдарить...

Припадая на раненую ногу, догнал Фирсова.

— Ты, Лексей, зря так-ту... брюхом норовишь. Коням лишняя нагрузка... Плуг сам... пахать должен... Твое дело — поддерживать.

— Выбрасывает, дядя Паша, из борозды! — оправдывался молодцеватый, с румянцем во всю щеку, крепыш, вытирая рукавом рубахи струившийся с высокого лба пот.

— Оно и будет вытряхивать! Глянь сюда — почему глядиль задран?!

Остановив упряжку, Вяткин достал из кармана армейского бушлата гаечный ключ. Прижавшись культей к железному корпусу, устранил неполадок. Затаял здоровой рукой плуг в борозду, разобрал вожжи и, глянув на притихшего впереди, на квелом мерине, Игорька, заподпрыгивал, неловко переваливаясь с боку на бок, за дружно взявшими лошадьми...

Так дядя Паша осмотрел все плуги. Перебрал, ощупал на конях (после контузии на фронте Вяткин плохо видел) упряжь, под хомутами — нет ли надиров, «ожогов» и, не оглянувшись более, повесил на культю порожнее ведерко, чтобы вернуть по пути артельной поварихе, потрусил в село.

Пошли в рост зерновые. После дождей еще быстрее полезли из почвы сорные травы: полыхающий зелеными кострами осот, синие островки васильков, желтел тут и там молочай, запестрела сурепка.

На другой же день, с самого утра гудел от ребячьих голосов школьный двор. Бойцы прознали, какая предстоит работа — пришли кто с тяпкой, кто с прибитой на палку железкой, чтобы подсекать сорную траву.

Разноголосозвучали команды звеньевых, политуков:

— Первый отряд — строиться!

— Второй отряд...

— Третий отряд, равняй-сь!..

Вначале длинная цепочка ребячьих спин продвигалась параллельно проселку, протянувшегося с краю поля. Но чем более пригревало солнышко, тем все более удалялась, уходила вперед по зеленому массиву, нарушив общий строй, группа пятиклассников, увлекаемая бойкой пионеркой Маргаритой Поповой и рослой не по летам Ангелиной Корытовой, отец которой, рядовой саперного батальона, находился на фронте, в действующей армии.

Мария Зиновьевна Пайвина, молодая учительница математики, трудилась в середине отрядной цепочки. Поучала ровным, как всегда, певучим голосом:

— Осот — стойкий сорняк, вырывайте с корнем! Иначе вырастет больше прежнего...

...Дальше подошла страда. Травы вымахали по пояс. Ребята из старших звеньев сели на косилки. Это, пожалуй, потруднее, чем за плугом ходить да сорняки дергать... Жара стояла несусветная. Пот заливал глаза. Рубахи на косарях — хоть выжимай. Комар, мошка... Чтобы

было легче лошадям, косили по росе, пока трава не огрубела.

Геннадий Корытов работал вместе с Валеркой Коршуновым. Если первый брал силой, выносливостью, то другой был половчее, посмекалистей. Они выкашивали за день до трех гектаров. У Алексея Фирсова результаты были еще лучше. Наловчившись управлять пароконной косилкой — от бабки, видать, унаследовал страсть к «железкам», — парнишка скашивал по два и более гектара. Полмок у Фирсова почти не случалось. Даже на засоренных, в кочках да муравейниках, местах. Сменить дергач, склепать, не отходя от косилки, лопнувшее пополам полотно не составляло для него труда.

Хлеба у колхозников своего уже не было. Не поспели и овощи в огородах. На обед — свекольный лист, залитый молоком, да мелко накрошенная крапива. Некоторые брали в поле вареную картошку и ели с «пиканами» — трава такая есть на Урале. У кого оказывалась лишь бутылка молока — забирались в лесную чащу, чтобы закусить черемуховой, смородиновой ягодой. То саранок где отыщут, откопают...

Семнадцатого июля «Пионерская правда» опубликовала условия Всесоюзного социалистического соревнования школьников, поддержав инициативу учителей и школьников Ирбитского района Свердловской области. Решающим показателем при подведении итогов было наибольшее количество трудодней на каждого ученика.

Принятые по отрядам обязательства киргинцы расписали на больших листах и вывесили на вид. Из-за нехватки рабочих рук правление решило не скашивать Мокрый луг. В ведро его обычно убирали машинами, а тут дожди прошли — с косилкой не захватить. Трава же на том лугу поднялась густоющая...

Школьники стали подговаривать колхозного бригадира:

— Можно, дядя Паша? За неделю управимся!

Понимали, стало быть, что зимой каждый навильник пригодится. Заручившись поддержкой бригадира, мальчишки, девчонки вышли на луг поутру. Встали в ряд с литовками в руках и давай намахивать!.. Было по колено черной болотной воды, а где и поглубже... Выкосили. Всю траву на себе повынесли, поделав из шестов и прутьев самодельные носилки. Добрый зарод получился!

Разве только киргинские ребята отличались на тяжелой артельной работе? В районе было создано на базе школ семьдесят отрядов, объединивших 1945 учащихся. Этими отрядами к посевной было собрано 720 центнеров золы, 269 — птичьего помета и других удобрений; скошено, сгребено и заготовлено сена с площади 4 852 гектара; из 19 000 гектаров зернобобовых очищено от сорняков 17 324 гектара... Иначе го-

Владимир Коршунов. Фото 1942 г.

Слесарь-аппаратчик Ирбитского мотоциклетного завода Владимир Семенович Коршунов

вора, почти девяносто процентов всех яровых и озимых хлебов прополото руками ребят!

В каждом, без исключения, артельном хозяйстве, колхозной бригаде школьники трудились наравне со взрослыми. В колхозе «Колос» трудился по-фронтовому отряд из семи подростков. Жили пионеры лагерем в лесу. Начинали работу с рассвета. За декаду скосили травы на площади 85 гектаров и заработали 196 трудодней. В колхозе имени Куйбышева предусматривалось заложить 250 тонн силоса. Чтобы зимовка колхозного стада была посытнее, пионеры местной школы перевыполнили этот план на 15 центнеров.

В колхозе «Пламя» второклассник Шура Волков отличился на бороновании. День-деньской не слезал мальчишка с коня в посевную и заработал 45 трудодней! Надя Васькова из деревни Волковой одна скосила вручную травы с 4,5 гектара. Каждый день, независимо от погоды, приходила она с литовкой на плече на отведенный колхозным бригадиром участок. В жару и под дождем не бросала работу до сумерек. Сама и косу отбивала... Когда подсчитали, оказалось, что пионерка заменила на покосе бригаду из пяти взрослых колхозников...

Принимая переходящее Красное знамя областного комитета партии и облисполкома, первый секретарь райкома А. П. Паршуков сказал на районном партийном активе:

— В одержанную нашим районом победу на севе, прополке зерновых и пропашных культур, на заготовке кормов внесли большой вклад и наши школьники, учителя, комсомолия.

Впервые в истории Ирбитского района, а может, и впервые на Урале, самые активные участники трудового патриотического движения были занесены на районную Доску почета.

Раздавались голоса, дескать, стоит ли оказывать такую большую честь лишь начавшим трудиться мальчишкам и девчонкам?.. И Паршуков, первый секретарь, резонно отвечал: «Еще как стоит!..» 19 августа имена лучших из лучших украсили районную Доску почета. За преподавателями шли имена учащихся: Фирсов Алеша — шестой класс, Киргинская школа; Пупышев Шура — седьмой класс, Волковская школа; Чашина Нина — пятый класс, Чашинская школа; Щапов Яша — четвертый класс, Ницинская школа; Паньков Ефим — третий класс, Ключевская школа...

«Из сельских школ впереди идет Киргинская, — сообщала читателям областная газета «Уральский рабочий». — Только два ее школьных отряда в колхозе «12 лет Октября» имеют уже около 3000 трудодней. Особенно хорошо трудится фронтовой отряд, руководит которым учительница, комсомолка М. К. Ардашева...»

...Приближалась гроза. Наступала стремительно. Враз потемнело все вокруг. После огневой вспышки в черном клубящемся небе громыхало так, будто невдалеке находились дальнбойные пушки. Лошади, запряженные в косилки, нервно вздрагивали при грохоте, храпели. Пристяжная у Валерки с испугу прыгала вперед, выгнув шею, или, присев, шарахалась в сторону — порвала постромки. Накрапывал дождь. Вот-вот должен был разразиться ливень.

Генка Корытов повертел головой в полинялой солдатской фуражке. Крикнул друзьям:

— Побежали к ним, а то не управятся!..

Неподалеку колхозники вершили большущий зарод. Торопились. Рудька Корытов и другой второклашка, сидя верхами, молотя босыми пятками по лошадиным бокам, лихо подвозили копны высушенного сена. Не пропадать же добру! Невысокая, но широкая в плечах колхозница, мать Шурки Зверевой, стояла у зарода и, помужски расставив для упора крепкие ноги, подавала тяжеленные навильники на самый верх, где в раздутых, как парус, рубахах трудились, укладывая сенные вороха, деда.

Завидев подбежавших подростков, Генку с подавалкой в руках (деревянные двурогие вилы), Ульяна Степановна только и проговорила сухими от жажды губами:

— Спасибо, помощничек!.. — Спросила сочувствующе: — Мамка все лежит или встала?

— Лежит, — ответил Генка. Мысли о матери, которая более месяца не поднимала головы с подушки, не давали ему покоя. Генка с трудом пересилил себя и начал орудовать подавалкой, ставшей почему-то, как пудовая гиря...

Только перекинули через зародище связанные в зеленых вершинках длинноствольные березки, чтобы не развалилось сено при ураганном ветре, — грянул ливень. Полосовал, как из ведра, по людям и лошадям...

Вечером, приняв от Генки запаренных лошадей, конюх дед Егор горько вымолвил:

— Поспешай домой. Мамка-то, Таисья Филимоновна, царство ей небесное, не иначе... преставилась...

Первое, что увидел Генка, переступив порог и прижав к себе испуганных, всхлипывающих брата с сестрой, — стоящий в переднем углу стол и мать, уже убранный соседками, лежавшую с заострившимся, желтым лицом. В черных провалах окон — градом выбило стекла — хлопали ситцевые, в голубой горошек занавески.

...Похоронили Корытовы мать. Генка собрал малышей, отвел в колхозный детсад. Взяли детей фронтовика на общественное довольствие.

Среди подростков Владимир Коршунов, пожалуй, более всех тяготел к технике. Еще когда был дома Семен Егорыч, мальчишку часто ви-

дели возле отцовского колесного трактора «СТЗ». Зимой отца взяли на фронт, и все заботы о семье, в которой росли девять братишек и сестренка — мал-мала меньше, — легли на четырнадцатилетнего подростка. Приходя из школы, Володька запрягал на колхозной конюшне коня и вез на скотный двор ящики с половой для дойного гурта. За это отмечали ему трудодень. Приходилось еще заботиться о семейной кормилице Зорьке, которая то ли от старости, то ли от сильного истощения совсем сбавила молоко. Его хватало лишь забелить морковный чай или сваренные мамкой на такую ораву кислые ши...

Весной Володька почернел с лица. Светлые глаза помутнели, ввалились на скуластом лице. Двигался он не спеша, как старик, шаркая по насту батькиными «бродяжками» с нашитыми поверх кирзовыми голенищами от старых сапог, в батькиной, без козырька, военной фуражке с малиновым околышем, в мамкиной, в заплатках, шубейке...

Правление колхоза, зная о большой нужде многодетной семьи фронтовика, доверило. Володьке в страду пароконную косилку. А как подошли колхозные хлеба — пересели они с напарником, одноклассником Васькой Григорьевым, на лобогрейку. Выехали убирать озимую рожь. Стеной, матушка, стояла, с любого края приступай!..

Пошло у них неплохо с первого дня. Работали парнишки дружно. То Владимир сидел за старшего, на переднем сиденье — управлял режущим аппаратом, платформой, за срезами следил, за чистотой жнива, а Василий, вооружась железными вилами, направлял срезанные горсть по платформе к устью и сбрасывал, как скапливалось на сноп. Устанет вилами так-то махать — на заднее сиденье перебирался Коршунов. Ездовым был Вовка Шушарин, второклассник. Шустрый мальчишка — любой бугорочек в ржаном поле высмотрит, любой холмик нарытой сусликами рыжей глины, камень на пути, подаст знак сидящему на жатке машинисту.

Тронется лобогрейка, завертится мотовило, пригибая деревянными планками длинные стебли к краю платформы, к стрекочущему ножу — тут поглядывай!.. Кони с утра идут ходко, и подгонять не нужно. Позади жатки вязальщицы — свои же девчонки, одноклассницы, торопятся, наступают на пятки. И громче всех слышен сквозь шум лобогрейки звонкий голос Шурки Зверевой:

— Эй, машинисты! Что вы, как не живые?!

Вскоре Владимира Коршунова с Вовкой-ездовым направили на Ключевские выселки убирать на жатке-самосброске ячмень. Вот там-то они и узнали, почем фунт лиха!

Управлять жаткой-самосброской посложнее. Здесь машинист один, без помощника. Не только за режущим аппаратом гляди в оба, но и за де-

ревянными — их четыре — граблями на длинных ножках, которые во время хода машут, что ветряная мельница крыльями... Нужно так отрегулировать, чтобы, скажем, вторые грабли пригибали хлеб к неподвижной платформе, третьи подталкивали к краю срезанные горстья, а четвертые, по мере накопления, сбрасывали их на жнитво.

Володя об этом имел весьма смутное представление. Уселся впереди, на железном сиденье, подложив под зад кошенины, взял в руки вожжи и, свистнув ездовому, погнал по полю. Как ни остерегался — на первом же круге поломал три ножовочных полотна, дергач... Что делать? Сложили с Вовкой поломанные детали, поехали в село, в колхозную кузницу.

Там хозяйничал присланный из города В. П. Березин. Добрый был мастер. А тут дело к ночи — пора и честь знать... Поглядев на сваленные подростком изуродованные «железки», кузнец сердито сказал:

— Что, ради вас, сопляков, я должен до утра в кузне находиться? Так, по-твоему?!

Раздул Василий Павлович опять огонь в горне. Схватив длинными клещами раскаленный докрасна дергач, шагнул к наковальне, взялся за молоток.

С утра мальчишки объехали на самосброске круг на поле, второй... Вдруг встала жатка, как вкопанная. Причину Володька сразу определил — забарахлил центрик, который, как ему показалось, был на резьбе. Попробовал снять. И так, и этак принаравливался, — без толку. Только пальцы посбивал до крови.

Подъехал на двуколке председатель Федоров. Хмурый, недовольный. Вызревший ячмень потек, стал осыпаться. Была дорога каждая минута.

— Что, Владимир... Семенч... заело?

Снял председатель пиджак, засучил у косоротки из черного сатина рукава и тоже принялся стаскивать злополучную деталь. Даже два раза стукнул по ней кувалдой.

— Проржавело, никак... — заключил председатель. Приказал вести самосброску в кузницу, в ремонт. Вязальщицам было велено убирать осыпающийся ячмень вручную, серпами.

На этот раз кузнец Березин, ни слова не говоря, подошел к жатке. Оглядел механизм, постучал по центрику и легонько, как по маслу, стацил. Резьбы, оказывается, и в помине не было... Посмотрел этак на юного машиниста, дескать: «Эх, ми-лай!..», взялся крепкой рукой, пропахшей углем и железом, за вылинявшую с малиновым околышем фуражку и натянул Володьке на уши...

Мало-помалу смышленный парнишка освоился на жатке-самосброске. В иной день сваливал хлеб на площади до 4—5 гектаров! Вязальщицы не успевали ставить суслоны...

Под конец жатвы члены правления уже ставили Володьку в пример взрослым колхозникам:

— Все бы так робили, как сынок Семена Егорыча, фронтовика, — давно бы отскірдовались!

10 августа в Ирбите открылся пионерский слет. Собрались юные полеводы, животноводы, механизаторы. Приехала из Кирги делегация. Алексея Фирсова посадили в президиум, а также избрали в комиссию, которой было поручено составить письмо всесоюзному старосте Калинину...

Повсюду на Урале сельские мальчишки и девчонки работали по-ударному рядом с колхозниками. Киргинская школа стала своего рода маяком.

...Первого сентября юные бойцы сели за парты. Многих было не узнать — настолько окрепли, возмужали. Но в сентябре снова пришлось выйти на поля — помогли колхозу убирать овощи и картофель. От частых дождей земля набухла, тащилась за обутками, налипала на лопату. Выкопанную картофелину от земляного кома было не отличить...

Закончив с картошкой, принялись за молотбу. А там подошло время везти хлеб в государственные закрома.

В пронизанные ноябрьскими холодными ветрами дни вся страна пристально следила за гигантской битвой на Волге. По селам и деревням, по колхозным бригадам, у сельских прилавков, в крестьянских избах все чаще повторялось с тревогой и беспокойством: «Сталинград...» В школьном коридоре повесили плакат из серых обоев: «Ученик! Учитель! Чем ты поможешь Сталинграду?» Доложив на школьном совете о сделанном за лето — в среднем на каждого ученика было выработано по 99,5 трудодня, — Н. Ф. Киселев говорил:

— Но и этого мало! Мало, если наши доблестные воины истекают кровью у стен Сталинграда.

Тогда на совете школьной трудовой бригады звеневая Маша Пахомова заявила при всех:

— Девочки из нашего звена помогут колхозу выращивать телят. Возьмем по теленку и будем растить для Красной Армии, как мальчишки — жеребят...

Этой же зимой в областном центре состоялся слет передовиков сельского хозяйства. Преподавательницу биологии, политрука фронтового пионерского отряда М. К. Ардашеву пригласили рассказать об успехах юных животноводов из Кирги. Сначала Мария Константиновна оробела, глядя с высокой трибуны в притихший зал, потом отложила в сторону тетрадки с докладом и принялась живо, звонко, словно это было на уро-

ке, рассказывать, как Валера Коршунов, Гена Корытов, Петр Федоров и другие пионеры выжили для Красной Армии резвых скакунов и какую высокую оценку получила их работа у приехавшего с фронта боевого командира с двумя звездочками на погонах...

Ей долго аплодировали, задавали вопросы. Седовласый старикан, с разбухшим кожаным портфелем под мышкой, разыскал молоденькую учительницу в перерыве и дотошно выпрашивал о рационах жеребят-двухлеток, да какие травы больше всего растут на их лугах. Даже про химический минеральный состав воды в реке пытал, на что она не знала, что и ответить...

Первым, кто поздравил Киргинскую школу с победой во Всесоюзном соревновании, был секретарь райкома партии А. П. Паршуков, он прислал телефонограмму. Вскоре и «Пионерская правда» прибыла с почтой в далекое село. На внутреннем развороте, под боевой шапкой «Они трудились для фронта, не жалея сил!», сообщалось о награждении.

От бравадного марша духового оркестра — пригласили с соседнего завода — приподнялся, казалось, потолок в школьном коридоре. На медных трубах выплясывали блики, гремели тарелки, бухал, что было мочи, большущий барабан.

Нет, не ожидал Генка Корытов, шагая день-деньской в мокрых обутках за пароконным плугом, таких почестей. Как не думала никогда о славе и Мария Пахомова, подбадривая уставших на вязке снопов девчонок... Не в одной ребячьей душе родилось в тот день желание отдать всего себя родной земле, ее благу, стать на ней хозяином. Киргинских школьников не нужно было обучать основам агрономии, пахоте...

Наступал 1944-й. Осенью многих бывших киргинских школьников призвали в армию. Ушедших заменили младшие братья и сестры.

С началом посевной ребята снова выехали вместе с колхозниками в поле...

В Ирбитском краеведческом музее хранится знамя — награда Центрального комитета комсомола Киргинской сельской школе за героический труд в годы Великой Отечественной войны. Оставлено школе навечно. Будто отблеск костра, будто горы пионерский поэт из давних военных лет...

Иных уже нет в живых. Весной сорок восьмого похоронили киргинские комсомолы Геннадия Корытова, которого унесла болезнь.

Нет Петра Федорова, Веры Григорьевой, Олега Славкова — сказались перенесенные в войну лишения, непосильный труд.

Вернувшись со службы во флоте, трудится по сей день в родном колхозе «Ленинский путь» Валерий Коршунов. Нина Бирюкова окончила Ирбитское медицинское училище и четвертый десяток лет трудится бессменно в Кирге фельдшером. Максим Григорьевич Комиссаров стал военным летчиком, вышел недавно в отставку, живет в Подмоскowie.

Прямодушной и скромной, какой была в пионерские годы, осталась и бывшая звеньевая юных бойцов Мария Пахомова: третий десяток дорабатывает Мария Филипповна на Ирбитском стекольном заводе. Анна Петровна Васькова, получив в молодости высокую награду ЦК ВЛКСМ — значок «Лучшей пионерской вожакой», и в пятьдесят лет осталась веселой затейницей. Под ее руководством создан ребячий оркестр, но самая большая ее гордость — ансамбль ложкарей. Побывав у родичей в средней России, она приобрела там дюжину деревянных ложек. Сама терпеливо постигала искусство старой игры на ложках и ребят обучила. Зато сейчас без ансамбля ложкарей не проходит ни один концерт! Бывшего юного бойца Владимира Семеновича Коршунова судьба всем наделила для счастья; в кислородном цехе Владимира Семеновича ценят, как знающего, высококвалифицированного рабочего, уважают за чуткость и доброту.

Ну, а боевые политруки школьных трудовых отрядов? Мария Константиновна Ардашева, Мария Зиновьевна Пайвина, Нина Алексеевна Скуряхина остались верны родной Киргинской школе надолго. Все трое награждены значками «Отличник народного образования».

Инвалид войны М. Ф. Киселев, основатель киргинской трудовой пионерской бригады, работал в райкоме партии, был переведен на административную работу в финансовые органы. В 1960-х годах по состоянию здоровья переехал на постоянное жительство в Молдавию.

Что касается «идейного вдохновителя» юных киргинских патриотов, бывшего секретаря райкома комсомола Леонида Седых, то его жизненный путь сложился не совсем обычно. Молодой коммунист пошел наперекор судьбе. Будучи с детства инвалидом (искривление позвоночника), он упорно добивался и добился — таки отправки на фронт. Был зачислен на офицерскую должность в эвакогоспиталь, осенью сорок третьего года выехал на Западный фронт, дошел с войсками до Берлина... Педагог по образованию, Леонид Степанович всю жизнь посвятил подготовке специалистов для сельского хозяйства — был директором Зайковского совхоза-техникума.

Так сложилась судьба киргинцев, вписавших героические страницы в историю уральской колхозной жизни, ставших в военную годину героями тыла.

Студент Уральского госуниверситета, он появился на областном совещании молодых писателей в еще добротной гимнастерке, хранящей следы погон.

Нам показалось, что и стихи его одеты в военную форму.

Немного нараспев Михаил Найдич читал о разведчиках, которым так не нужна луна, о том, что «только раз использовал все связи — чтобы попасть на фронт в шестнадцать лет».

Мы узнали, что он был на фронте с первых дней войны, что у него есть медали «За оборону Сталинграда» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», что он, такой худенький, не имеющий строевой выправки, служил в парашютно-десантной бригаде и в артиллерии. Был тяжело ранен в 1944 году и после этого поработал мастером производственного обучения в Западном Казахстане.

Но мы еще не знали, что военная тема станет для него главной. Это потом, в 1981 году, в книге «Чистый снег» Михаил Найдич признается, что военная тема кажется безграничной, что «она требует всей жизни поэта».

Но наши старшие товарищи — Николай Куштур, Лев Ошанин, Николай Старшинов — еще в конце пятидесятих годов предугадал это.

Лев Ошанин подметил то характерное, что стало для поэзии М. Найдича основой: «Жизнелюб и оптимист, в то же время умеющий видеть в жизни сложное и трудное и не боящийся говорить об этом».

С тех пор в Москве и Свердловске Михаил Найдич выпустил более десяти сборников стихов, но остался верен своей теме, своей солдатской закалке, стремлению вести бой со всем, что нам мешает в жизни.

Сегодня нет такого толстого журнала, который бы не печатал стихи Михаила Найдича. Мы читаем их в «Новом мире» и «Знамени», в «Неве» и «Авроре», в «Юности»...

Юбилейный возраст — это возраст зрелости, возраст вдохновения.

Лев СОРОКИН,
председатель правления
Свердловской областной
писательской организации

Михаил
НАЙДИЧ

Июнь

1.

Эти слезы, взгляды, слова,
Этот первый военный день.
А какая была трава,
А какая была сирень!..
Миг — и вот
Отцветает уже
В чистом поле и у реки.
А на смертном своем рубеже
Оставались роты, полки.
Заслоняя страну собой,
Улизнуть не пытаюсь в тыл,
Принимали свой первый бой —
Тот, который последним был.
В череде раскаленных дней,
В нескончаемом том дыму
Сколько было лихих парней,
Не понявших, что и к чему.
Понимали одно — есть долг.
Понимали — стоять до конца.
Пыль ладонью стирает полк
С окровавленного лица.
Не трубят его трубачи,
Губы, губы сухи, как жезл.
Нет полка, кричи не кричи.
Но Россия
Все-таки
Есть.

2.

Как же получилось это, как?
Мы же с вами собирались к морю.
Но не море перед нами —
Горе,
Задрожали степи от атак.
Ах, война, жестокая война,
Всех трагедий грозная примерка.
Вижу: будто в трауре луна —
Репродуктор. Черная тарелка.

3.

Мы навеки, считай, сохранили
Отраженный в озере лес
Или ландыш встающий, или
Заревую кромку небес,
Сохранили мы все навеки:
Бересклета косую тень,
Пенье птиц... Закрываю веки,
Вижу давний июньский день.
Ах, пора бесконечно летняя,
Сено свежее невдалеке.
На свидание шли (на последнее?)
Парни к девушкам в парк, к реке.
Сердце билось в груди, клокотало,
На аллеях слышался смех.
Солнце яркое (всем хватало!),
В небе радуга (тоже на всех!).
Летний пир!.. И в разгаре пира,
В свисте ветра и в тишине,
Все искало, жаждало мира,
Повернувшись лицом к войне.

4.

Вечер. Черных туч громада.
А у новеньких ворот,
У ворот военкомата
Не расходится народ.
У ворот военкомата
Мы толчемся, чуть дыша...
Замолчи, гармонь, не надо,
Без тебя горит душа.
Дай-ка людям передышку,
Ведь на лицах наших мам:
«Хоть не взяли б их, мальчишек,
Хоть погнали б по домам!»

5.

Мирной жизни обрывая
Нить,
Я шептал под раскаленным небом:
«Без меня

врага не победить!»

Хоть и знал,
Что думать так

нелепо...

Но такая мысль, в конце концов,
Правильной была тем страшным
летом,

Потому что

тысячи бойцов

Точно так же думали
Об этом!

6.

Июнь.

Строчит кузничек непрестанно,
От солнечных изнемогая брызг.
Здесь, в перелеске, у погранзаставы,
Как столбик света давний обелиск.
А рядом — человек.

Вздыхает тяжело,
Застывший в одиночестве своем.
На нем не пограничника фуражка —
Обычная, немодная притом.
Он внешне сдержан, он почти

спокоен,

Но выдает его бровей излом.
И видно — что-то знает он такое,
Такое что-то знает о былом.
Июнь... Но брови сдвинуты сурово,
А день, теплом пронизанный

насквозь,—

Такой же, как тогда, 22-го,
Когда все началось. Все началось.

7.

Вновь мирный день плывет степенно,
Входит в сердца, как в общий дом.
И лето, в травах по колено,
Вновь улыбается: «Живем!»
Гром в одеянии тяжелом
Ворочается высоко,
Но всем стрекозам, птицам, пчелам
Поется весело, легко.
Какое лето!.. Суматоха
Колосьев, листьев, ветра, трав.
И этот полдень тем уж прав,
Что он —
Как мирная эпоха.
И потому-то, потому-то
На сердце празднично, легко.
И вновь минута,
Вновь минута —
Ни выстрела,
Ни одного!

Свердловчанин, врач по профессии, Марк Николаевич Рыжков изучил армянский язык и освоил самую сложную работу — переводчика поэтических текстов. О качестве его переводов говорит хотя бы то, что М. Рыжков давно уже желанный гость в Армении, где республиканское телевидение предоставляет ему иногда целый час для выступления. Стихи армянских поэтов — классиков и современников — в его переводах публикуются в Москве, на Урале, в русских изданиях в Ереване.

Сегодня мы знакомим наших читателей со стихами известного армянского поэта Паруйра Севака (1924—1971) в переводе М. Рыжкова. В этом году П. Севаку исполнилось бы 60 лет. Лауреат Государственной литературной премии Армянской ССР, доктор филологических наук, П. Севак обладал обширными познаниями в истории и в то же время он удивительно современен. Поэзия его уходит корнями в традиции армянской и мировой классики и полна новаторства. Публикуемые стихи взяты переводчиком из разных сборников, в том числе и из шеститомного собрания сочинений П. Севака.

Паруйр СЕВАК

Золото

золотом осталось

Трепещут на устах моих слова,
Слова нелепые, утратившие смысл,
Смешные, устаревшие слова,
Оставшиеся только в словарях
Да на страницах самых древних книг.

Мне хочется их вслух произнести.
Послушайте и вы их странное звучанье:

— «Будь милосерд.
Будь милостив.
Да будет человеку человек
Всегда и всюду только человеком.
И если кто-нибудь,
еще не согрешив,
Придет к тебе просить
об отпущеньи
Ему греха, что он не совершил,
и о прощеньи...

То хоть тогда
Будь милосерд,
Будь милостив
И не косней в упрямом
бессердечьи...»

Трепещут на устах моих слова,
Слова нелепые, утратившие смысл,
Смешные устаревшие слова,
Оставшиеся только в словарях
Да на страницах самых древних книг.

Но золото не стало ржавой жостью
Из-за того, что из него теперь
Монеты звонкой больше не чеканят.
Оно, как было, золотом осталось.

Корни и пальцы

О, если б изучить,
О, если бы познать земные недра...
Не так, как познает геолог,
Прокалывая скважинами землю,
Не так, как археолог изучает,
Вооружившись острою лопатой...
О, если бы познать
земные недра лучше,
Чем я свои пять пальцев знаю.
О, если бы познать земные недра,
Как, видимо, познать их могут
Одни лишь корни...

Лицо и изнанка

Ивы, они для того и растут,
Чтобы с пути не сбивалась река.
Дым поднимается от очага,
Чтоб показать направление ветру,
И, несомненно, сверчки для того,
Чтоб темноту прочеканить
Молоточками тонких своих голосов.
Певчие пахи полей и лесов
Лишь для того и явились на свет,
Чтобы иней и росы на травах сушить
Горячею утренней песней своею.
А осень затем, утверждать я посмею,
Чтобы замедленным листопадом
Нам доказать расширение
пространства.
Ну, а поэты? Они для чего?
Не для того ли они рождены,
Чтобы вот так выворачивать
мир наизнанку?

Карусель

Чем заняты мы все? Вы знаете?
Скажите.
Вы скажете — живем.
А я скажу иное.
Скажу, что сели мы на карусель
И бесконечно кружим по орбите
Планеты маленькой, которую Землей
Премудрые назвали астрономы.
Скажите, вам от этого не дурно?
Вам голову не кружит?
В самом деле?
А я, сказать по правде,
очень часто
От этой бесконечной карусели
Страдаю странным головокруженьем.

Умоляю

Умоляю,
Не возмущайтесь,
Когда карьерист карьериста
Похвалит за скромность,
Когда жулика вор
Назовет благородным,
Когда совершенно чужие
О близости вдруг завопят...
Ну, а что им еще остается?

Умоляю,
Не надо бояться открытого слова,
Откровенность и искренность
не убивают.

Ими только вскрывают нарывы.
И не надо бояться,
Если плачет голодный ребенок.
Потому он и плачет,
что грудь ему не дают.
Надо просто его накормить.
И не надо бояться от ржавчины
Чистить посуду, чистотою ее
не испортишь.
И не надо бояться правду писать
о фальшивке,
Только правда ее обезвредит.

Умоляю,
Вы можете даже арифметикой
заниматься,
Но при одном лишь условии:
Нельзя заниматься сложением
правды и лжи,
Можно только из общего
ложь вычитать,
Нельзя на сочувствие

скорбь умножать,
Можно только сочувствием
скорбь разделить.
И не надо гордиться задачей,
Лишь решением можно гордиться,
Лишь открытием истины скрытой,
Суммой или произведением...
А бывает, даже остатком.
Умоляю,
Внимательны будьте,
Если сын в грустной песне
тоскует,

Что родители будут не вечно,
Умоляю, не прерывайте,
Пусть поет и тоскует, так надо.
Разве в этой печали не прав он?
Умоляю,
Такие вопросы, иль вопросы,
подобные этим,
Никогда мне не задавайте,
И не ждите, что я вам отвечу.
И не надо меня умолять.
* * *

По скалам медленно взбирается
дорога.
И наконец достигнув перевала,
Она, как путешественник усталая,
Ложится в тень кустов передохнуть
немного.

И открывается опять глазам моим
Внизу лежащее родимое селенье,
Как будто спит оно, и,
словно сновиденья,
Из труб над крышами струится
легкий дым.
Река — дочурка шалых родников —
В ущелье крутится, сверкая

на бегу,
Руины крепости стоят на берегу,
Припоминая дни осад и звон
клинков,
Вон стадо, о себе перечаем заявляя,
Речушку у садов пересекает вброд,
Калитка наша настежь, словно ждет...
И я в наш старый дом ребенком
вновь вступаю.

Перевел с армянского
Марк Рыжков

ЛЕСНАЯ ВСТРЕЧА

Василий
ЕЛОВСКИХ

Рисунок
В. Вельбоа

Младший лейтенант Николай Зайцев был единственным пассажиром, который сошел с поезда на этом глухом литовском полустанке, где стояло лишь несколько домов, два длинных не то сарая, не то склада и виднелись печальные следы недавно закончившейся войны: на избитой земле тут и там бесформенные кучи кирпича, поросшие буйной травой, застывшей и по-осеннему серой. Сыро, грязно, неуютно. Возле мрачного здания станционного здания стояли белобрысая девушка, почти девочка, в лице которой было что-то заметно нерусское, а что — Зайцев не смог бы сказать, и пожилая женщина с чемоданом, одетая по-зимнему — в пальто с меховым воротником. Он спросил у девушки, как ему пройти к реке, и та, тяжело, напряженно посмотрев на него, повернулась и, не отвечая, пошла.

— У тебя что, языка нету? — раздосадованно спросил Николай.

Женщина не по возрасту звонким голосом и с сильным акцентом сказала:

— Ре-ка? Да, да... — показала рукой на лес. Хотела еще что-то сказать, но, видно, не находила слов.

Сразу за полустанком начинался лес; сосны такие же, как на Урале, на родине Зайцева, так же пахнут и умиротворенно шумят, — они, наверное, везде одинаковы, сосны. Тут холоднее, чем в городе, жестко хрустит под ногами ледок; узкая проселочная дорога криво и немо тянется в глубину незнакомого леса.

Зайцев ехал к солдатам, охранявшим железнодорожный мост, который отстоял от полустанка километров на семь-восемь (так ему сказали в штабе), в обычный маленький гарнизон: колючая проволока, возле железнодорожной насыпи — огневые точки с ходами сообщения, и у речки наскоро срубленная из сосняка казарма. Гарнизон считался хорошим, и младший лейтенант получил задание написать о нем очерк или корреспонденцию, уж что получится, для дивизионной газеты. Николай уже продумал, с чего начнет очерк.

Зайцев недавно закончил краткосрочное (как и водилось в военное время) офицерское училище на Дальнем Востоке, и шел ему всего-навсего двадцать первый год. Розовые щечки, ребячьи пухлые губы, мальчишеский непокорный чубчик и тонкий, совсем детский голосок страшно (именно страшно!) молодили его, и Зайцев выглядел подростком, который вдруг ни с того ни с сего напялил на себя военную форму.

Редкие и мелкие, как манная крупа, снежинки, подгоняемые ветром, нелепо металась в воздухе. Он огорчился, глянув на сапоги, они были забрызганы грязью, где это он успел? А ведь перед отъездом так старательно надраивал их, готовясь в полном офицерском блеске предстать перед солдатами. Шел неторопко, все равно доберется до места еще засветло, заночует и утречком отправится восвояси.

Почему всякая незнакомая дорога кажется длинной? У него было такое чувство, будто он что-то недоработал, недоделал, пытался понять, что именно и не мог, — странное, тягостное чувство.

Дорога потянулась куда-то влево, и Николай начал тревожиться: а может, баба-то того... соврала, и он чешет совсем не туда. В штабе говорили: как сойдешь с поезда, поворачивай направо, на северо-запад. Да, он повернул направо. Но где этот северо-запад? Все небо в одинаковой облачной серости, мха на деревьях и муравьиных куч, по которым можно определить стороны горизонта, вроде бы нет, одинокая березка на поляне подозрительно густа со всех сторон, а не только с южной, как ей положено. Тихо кругом. Дремотно.

Они появились внезапно: справа послышался легкий неясный шум, и Зайцев, повернувшись, увидел на широкой тропинке, возле маленьких, густых елочек троих мужчин; один молодой (лет тридцати), здоровый такой дубина, с мрачной физиономией, другой пожилой, мужиковатый, с черной повязкой на левом глазу, и третий... У третьего было что-то интеллигентное в облике: тонкие, красивые черты лица и очки в золотой оправе. Все в темных демисезонных пальто и шапках — одежда потрепанная, грязная, и у всех заметная военная выправка, что насторожило младшего лейтенанта. Он прошел сколько-то шагов, чтобы быть от них подальше, и, остановившись, проговорил:

— Скажите, правильно ли я иду? Мне надо к реке.

— А зачем вам ее? — спросил очкастый хриплым, простуженным голосом. Он держал правую руку в кармане пальто.

— Ну... надо.

— К мосту? — голос у очкастого хотя и хриплый, но ласковый, а глаза за стеклами очков тяжелые, недобрые.

— Ну, положим... Вы — русские?

Не отвечая ему, очкастый что-то сказал своим

спутникам по-литовски. Они заговорили все враз, резкими, лающими голосами.

— Не знаете, — недовольно проговорил Зайцев и, махнув рукой, торопливо пошел.

Его недовольство было наигранным, он хотел собственным голосом подбодрить себя и быстрее уйти. Больно уж подозрительные люди. Подумал: надо бы сразу, как вошел в лес, расстегнуть кобуру нагана, мало ли...

— Стой! — грубо крикнул очкастый. В его руке был парабеллум. И уже негромко, небрежно, будто делая одолжение: — Руки вверх! — Видя, что Николай колеблется, опять грубо выкрикнул: — Руки!! Стреляю!

Зайцев прыгнул с дороги в кусты и оттуда за сосну, выхватывая из кобуры наган. Но уже в следующее мгновение молодой мужчина схватил его за руку, раздался выстрел, пуля улетела в сторону. Они все набросились на него, озлобленно дыша, закрутили руки назад, и молодой мужчина начал пинать в живот ногой в кованом сапоге, как-то по-особому пинать — сверху вниз.

— Что вам надо?! — закричал Зайцев, стибаясь от боли. — Кто вы такие? Отпустите меня. Слышите?!

Но он уже понял, кто перед ним: в ту пору в лесах Литвы пряталось много недобитых фашистов, которые не хотели или боялись сдаваться, строили землянки в глухих, отдаленных от жилья чащобах (трубу от печки обычно выводили к стволу лапистой ели, чтобы дым незаметно рассеивался в ее ветвях). Напялят на себя одежку крестьянина, и попробуй пойми, кто перед тобой. Ты в военной форме виден, а он-то нет, идет себе спокойноенько. Но в этих местах было вроде тихо, так сказали Зайцеву в редакции.

— Спокойно. Пойдешь с нами на хутор.

— Никуда я не пойду. Оставьте меня в покое, слышите? Я советский офицер.

— Вот потому-то ты нам и нужен.

...Они долго шли по густому сосновому лесу. На опушке, где начиналось длинное, заброшенное поле, показался одинокий хутор, и все бандиты враз заговорили. Николай уяснил, что фамилия у очкастого Лунин, а молодого звать Витаутас. Хутор был разбит и сожжен, успела лишь постройка у самого леса. Посреди обширной комнаты, куда привели Зайцева, стоял дубовый, покосившийся стол с резными ножками (видать, старинной работы), на нем черная бабья сумка, из которой выглядывали буханка хлеба и шпиг.

— Прошу садиться, — сказал Лунин, указывая на стул.

Все сели, кроме Витаутаса. Тот стоял у окна, за спиной Зайцева. Николаю казалось, что спиной, затылком чувствует стеклянный взгляд бандита, и он неловко дернулся на стуле. Человек с повязкой что-то сказал, и Витаутас, ехидно хмыкнув, перешел на другую сторону комнаты.

— Мы крайне сожалеем о том, что вынуждены

принимать тебя в таком... в таком жалком помещении. Но... что поделаешь. Превратности судьбы, — Лунин улыбнулся.

Когда-то мать говорила Николаю: если хочешь узнать человека, посмотри, как он улыбается. Улыбка у Лунина холодная.

— Тебя сам бог нам послал. Хотя, если говорить откровенно, я не очень-то верю в Саваофа. Я — скептик.

— Какого черта, в конце концов, вам надо от меня? Что вам надо?!

— Итак, что нам нужно? — сказал Лунин. — Нам надо перейти на другой берег реки. Лодок нет. Перейти можно только по железнодорожному мосту, охраняемому вашими солдатами.

Он строил фразы слишком грамотно, слишком старательно, что свойственно людям, для которых русский язык не был с детства родным.

— Послушайте... — Зайцев оглядел всех троих. — Я, конечно, понимаю, кто вы. И знаете, что я вам советую...

— Знаем, знаем, — угрожающе произнес Лунин.

— Не завтра, так через неделю вас все одно поймают. И тогда будет хуже. А если сдадитесь добровольно, это учтут.

— Заткнись! — фальшиво-ласково проговорил Лунин. — Ты проведешь нас по мосту.

— Да ты что? — удивился Зайцев. — Даже если б я и захотел, так все одно не смог бы.

— Почему?

— Ну, кто вас пропустит? Там же часовые. И они просто-напросто перестреляют всех.

— Ты — офицер. Ты прикажешь, чтобы нас пропустили.

— Да кто же меня послушает. Ты что? У них свои порядки. — Он старался говорить спокойно, даже как бы сочувственно, коря себя за это.

— Там нет офицеров. А ты офицер.

Действительно, нет. Начальник гарнизона — сержант. На такую должность обычно назначают младших офицеров, но где их наберешь — гарнизонов-то много.

— У меня у самого будут проверять документы. То, что вы предлагаете, совершенно не реально.

— У тебя нет иного выхода. Пройдем, и ты свободен. Иначе...

Никогда еще Николаю не было так плохо, все кругом посерело, потускнело, потемнело, будто и не было никаких ярких красок ни на небе, ни на земле.

Бандиты снова, на этот раз довольно долго и шумно, тараторили о чем-то. Особенно горячился Витаутас, зло взглядывал на младшего лейтенанта.

— Завтра в десять утра подойдет наш отряд, — сказал Лунин. — У тебя еще есть время подумать.

«Завтра!..» Значит, у него есть еще вечер и ночь. А это много. Почти вечность. Витаутас рас-

топил печь, она бойко запотрескивала, запахло острым, сырым дымком. Бандиты как-то враз ослабились и утихли. Через какое-то время Зайцев спросил у Лунина:

— Ты русский? — В голосе осуждение и неприязнь.

— Да. А что? — Смотрит не то чтобы зло, но как-то постоянно недобро. А лицо интеллигентное. Чудно!

— Какой-то ты... вроде бы и не русский. Не поймешь. Ты кто? И как попал к ним?

Лунин молчал. Потом, не глядя на Зайцева, вынул откуда-то из глубины своего широкого пальто фляжку, глотнул из нее раз пять.

— Я — настоящий русский. Мои предки служили еще царю Алексею Михайловичу. И ваш совдеп отнял у нас все.

— Какой совдеп?

— Советы у нас отняли все. Мы жили в эмиграции. Почти нищими... Я бездомный. — Сейчас он говорил как-то странно: будто не Зайцеву, а самому себе. — У меня все время мокро в сапогах. И эти паршивые немецкие сапоги страшно гремят. У меня старое, грязное белье. Живу в берлоге, которую почему-то называют бункером. Старые доски треснули, и земля сыплется, будто в могилу. Бегаю, как запыхавшийся зверь. И, как зверь, оглядываюсь и нюхаю воздух.

— А чего бегаешь? — прервал Лунина Зайцев. — Чего бегаешь-то?

Лунин будто не слышал. Он долго молчал. Потом сказал тихо и отрешенно:

— Люди обычно живут настоящим. Я всегда жил будущим. Теперь же у меня нет и будущего. Я чувствую горечь. — Он посмотрел на фляжку, которая лежала на столе. — А горечь глушится горечью. — Коротко и зло усмехнулся. — Все нелепо. Все!

Он вытащил из кармана пальто наган Зайцева:

— Возьми и нацепи вместо колотушки. Патроны я оставляю себе.

Встал и сутулясь, тяжело вышел из комнаты.

Николай сидел в неподвижной, усталой позе, можно даже подумать — задремал человек, а в голове колотилась и колотилась бешеная, тревожная мысль: что же делать, что делать?..

Редактор многотиражки, немолодой капитан, скромница и добряк, говорил Николаю: «Подождите дня два. Вот установится хорошая погода, тогда и съездите». А Зайцев хотел показать, что ему все нипочем, что он бывалый, дошлый репортер. На ходу подметки рвет...

Пришел Лунин. Тяжело вздыхая, вытащил из внутреннего кармана пальто две бутылки самогона, с нервной торопливостью налил полстакана, быстро, бесшумно выпил. Сказал что-то по-литовски. Человек с черной повязкой раздраженно ответил ему. Витаутас, угрюмо ухмыльнувшись, подошел к столу, нацепил самогонки в стакан и, крикая, вылил ее в свой огромный рот.

— Пьешь? — спросил Луния, показывая на бутылку.

— Нет.

— И не куришь?

— Нет.

— Дитя.

Он говорил сейчас уже как-то по-другому — без напряженности и старательности. Губы двигаются, а само лицо как маска, неподвижное и холодное.

Глаза за стеклами старых очков по-прежнему глядели тяжело, недобро, но было в них что-то и новое, не то боль, не то грусть, тоска — видимо, глухой, слабый отзвук неслаженности, какого-то надлома.

— А как хорошо гудят волжские пароходы, — сказал Луния.

Это было столь неожиданно, что Зайцев хмыкнул от удивления.

— И как хороша уха из волжской стерляди! — Луния помолчал. И вроде бы уже сам себе сказал: — А стерлядь паровая «кольчиком»! А икра!..

Зло отмахнувшись от мужчины с черной повязкой (тот что-то говорил ему, видимо, ругал за неумеренность), вылил в стакан оставшуюся в бутылке мутную самогонку, одним махом выдул ее и вдруг затянул хриплым голосом:

— Вот мчится тройка почтовая...

Не так уж он душно пел, этот бандюга.

— Слушай, отпусти меня, — сказал Николай. — Или давай пойдем вместе. Сдашься нашим. А то все одно вас или поймают, или перестреляют.

Он говорил тихо, боясь, чтобы не услышал мужчина с черной повязкой, который о чем-то беседовал с Витаутасом, стоя возле двери и дымя папирсой. Зайцеву казалось, что с Луниным он быстрее договорится, чем с теми. Луния по-пьяному грубо махнул рукой, и этот жест его можно было понять так: не двигайся, замолчи!.. Потом он, сильно шатаясь, поднялся и вышел во двор. Минут через пять раздался пистолетный выстрел.

Витаутас бросился во двор, бандит с черной повязкой сунул правую руку в карман пальто, настороженно поглядывая единственным глазом на дверь и на Зайцева.

Вбежал Витаутас и что-то коротко прокричал. Они долго тараторили, по-бабьи размахивая руками, потом мужчина с повязкой подошел к Зайцеву:

— Русский застрелился.

— Застрелился?

— Он есть алко-го-лик. — В голосе пренебрежение. — Он есть больной.

«Ну что ж, хорошо. Их стало только двое. Надо уловить момент и бежать. Когда совсем стемнеет... Изобразю, будто сплю. Будто вконец уморился. Видимо, они по очереди будут караулить меня. Может задремать и тот, который караулит». Бандиты словно угадали его мысли. Витаутас принес со двора тонкую веревку, нето-

ропливо подошел к Зайцеву и грубо, как клещами, заломил руки, это озлобило младшего лейтенанта, придало решительность, он отшвырнул бандита и, содрав со своей головы шапку, бросил ее на коптилку, стоящую на столе. Свет потух, Зайцев ринулся к выходу. Он и сам не ожидал, что все может произойти так внезапно. «Быстрее, быстрее!!!» Витаутас схватил младшего лейтенанта за талию; Николай попытался снова, на этот раз уже безуспешно оттолкнуть бандита, торопливо бил его в грудь и лицо, начисто забыв в эту минуту все приемы рукопашной борьбы, которой его учили в армии. С другой стороны наплыл толстяк с черной повязкой. Они повалили младшего лейтенанта и вместе с ним повалились сами, тяжело дыша и что-то хрипло выкрикивая. Зайцев отбросил ногами толстяка, и тот шумно плюхнулся на дрова возле печи. Схватив березовое полено, толстяк бухнул им Зайцева по ноге. Николай вскрикнул и задохнулся от острой, дикой боли в колене. После этого они уже легко связали ему руки, ноги и отбросили к стене.

...Он лежал на соломе, связанный по рукам и ногам, в шинели, под толстым, рваным одеялом и еще под какой-то, тоже рваной, одежкой, наброшенных на него толстяком с черной повязкой, который, уходя, сказал, что они придут утром.

Если бы его сейчас увидела мать, стонув и слез было бы!.. Отец умер еще до войны, и мать больше не выходила замуж, обратив всю женскую нежность и любовь на сына.

Как это часто бывает с маменькиными сынками, Николай робел перед девушками, говорил деревянным языком и, чтобы избавиться от робости, обычно хмурился, отмалчивался. Штабной красавец, вечный холостяк старший лейтенант со странной фамилией Рявкин, глядя Зайцеву в глаза, иронично усмехался:

— Ну, как живешь, монах?

— Почему монах?

— А потому, что пренебрегаешь прекрасным полом. Не хочешь снизойти до него.

Николай «не пренебрегал», и девушка в городе у него была — Люба. Познакомились в магазине, где Люба работает продавщицей. В тот скучный дождливый день покупателей не было, и он сказал, глядя в ее веселые глаза:

— Мне нужны вачеги. — Видя, что она молчит, повторил: — Вачеги.

— А что это?

Он удивился: на Урале все, даже малыши, знают, что такое вачега.

— Это рукавицы такие. Для черновой работы.

Он жил в общежитии, бывшем буржуйском доме, где стоят большие кафельные печи, потреблявшие, не в пример голландским, уйму дров, — печи-прожоры, и Николай боялся, что вконец загрязнит, истреplet коричневые армейские пер-

чатки, распиливая, раскалывая и таская дрова.

Дня через два он снова заглянул в магазин:

— Говорят, вы получили партию новых вачег.

Она заулыбалась. С этого и началось...

...Какая устойчивая тишина, черт возьми, будто в склепе, аж в ушах звенит.

И опять наплыло странное чувство, будто он что-то недоработал, недоделал. А что?.. И вдруг вспомнилось: в штабе говорили, что в букинистическом магазине есть пушкинский «Современник», и Николай собирался после командировки его купить. Господи, разве об этом надо думать сейчас... Глупо. Как глупо!

Он пролежал с полчаса, но легче не стало: веревка врезалась в тело, и Николай начал ворочаться, садился, ложился на бок, сгибал спину, стараясь ослабить руки и схватить веревку, но даже не дотянулся до нее, боль резко усилилась, ныли пальцы (уж они-то от чего?). Он сделал несколько таких попыток и все без толку. Сколько-то повременив, он снова, изо всей силы выгибаясь, попытался достать веревку на ногах; правую ногу вдруг сковала невыносимая, тягучая судорога, и Зайцев застонал, поняв, что развязаться ему не удастся.

Отдохнув, он решил обследовать свой темный каземат. Встал на ноги. Ничего, можно стоять, это легко. И можно прыгать. В детстве, связав себе ноги шпагатом, он вместе с друзьями подолгу прыгал возле дома на полянке, непонятно чему радуясь. Но то были сладостные, добровольные пути. Все добровольное сладостно.

Припрыгал к двери и, став к ней спиной, что есть силы ударил по ней. Дверь не колыхнулась, лишь неохотно отозвалась слабеньким, глухим звуком.

Снова, наверное, в сотый раз безуспешно попытался освободиться от веревок, понимая, что, если и сможет это сделать, все равно отсюда ему не выйти, и, вконец обессиленный, свалился на солому и заснул мертвецким сном, едва-едва успев кое-как натянуть на себя рваное одеяло, ловко подцепив его зубами.

Разбудил резкий скрип двери. Вошли Витас и толстяк с черной повязкой. У обоих мрачные, помятые физиономии. Развязали ноги. Толстяк показал на дверь:

— Ити!

Уже рассвело, с неба, как и вчера, лениво валились редкие крупчатые снежинки. На крыше дома, у трубы, сидел, нахохлившись, воробей. Какой страшный холод, зуб на зуб не попадает. Во рту у Зайцева пересохло, он выплюнул комочек липкой, густой слюны. Они привели его, держа и грубо дергая за руки, снова завязали ноги и толкнули в угол комнаты.

— Пить! — выкрикнул Зайцев.

Толстяк налил ему чашку воды (невыносимо медленно наливал) и поднес к губам. Николай торопливо выпил:

— Еще!

Он осушил четыре чашки.

Со двора слышались негромкие, угрюмые голоса, множество голосов и резкий, неприятный топот крепких солдатских ног.

«Бандиты. У наших сапоги не гремят так сильно».

В комнату шумно ввалилась целая ватага мужчин; чужие лица (мрачность, решительность, придавленность и настороженность — все в странной, неразрывной смеси), чужая речь без шипящих и свистящих звуков, свойственных славянским языкам, одеты кто во что, больше в штатские пальто, некоторые в широкие куртки, брезентовые плащи с оттопыренными (пистолеты — видно же!) карманами, помятые, грязные. У всех военная выправка.

Перед Зайцевым стоял рослый мужчина в коротком распахнутом пальто, из-под которого выглядывал зеленоватый мундир; большая голова, глубокие, злые морщины на лбу, тяжелый квадратный подбородок, прямой, холодный, железный взгляд. Видимо, это был командир, их вожак.

С заметным почтением, даже раболепием поглядывая на своего главаря, толстяк с черной повязкой торопливо разрезал веревки. Вожак заговорил тихо и властно, изучающе глядя на младшего лейтенанта. Толстяк начал переводить:

— Прошу, пожалуйста, садте.

Зайцев сел на стул.

— Вы про-ве-де-те нас мост. Тогда идите дом. Даю сло-во, идите дом. Не пой-де-те — стреляем. По-бе-жи-те — стреляем. Смерть.

Да, наступала развязка. Страшная для Зайцева развязка.

— Передавай. Вы все должны сдать. Если сдадитесь, это зачтут. А то всех перестреляют, как куропаток. У вас нет другого выхода. Ну, в самом деле, на что вы надеетесь? На что?! Ну, подумайте хоть немножко. Переводи, какого черта молчишь?

Вожак внимательно выслушал толстяка. В его глазах младший лейтенант прочел: я насквозь тебя вижу, мальчишка.

— Не надо про-па-ган-да.

Зайцев все время надеялся на какое-то чудо, казалось, бандиты вот-вот одумаются, испугаются и отпустят его, или вот-вот подойдут откуда-нибудь красноармейцы, или же сам он как-нибудь вырвется, улизнет от них, ведь может быть всякое, а сейчас понял, — чуда не будет. Чудо есть чудо, оно редко приходит к людям. Неужели ему суждено умереть?

Вожак взял Зайцева за рукав и что-то сказал.

— Вы будете ид-ти се-ре-ди-на, — перевел толстяк с черной повязкой. — По-бе-жи-те — стреляем. Про-ве-ди-те мост. Идите дом. Вы поняли?

В отряде было двадцать два человека. И не поймешь, какого они возраста. Самый неопределен-

ный возраст: окопная и походная жизнь обкатала их в серой нивелирующей краске, при которой и тридцатилетний, и пятидесятилетний выглядят почти одинаково.

Они поставили Зайцева в центре отряда. Слева от него тяжело дышал («Сидел бы уж где-нибудь на хуторе, грелся у печки, старая кикимора») толстяк с черной повязкой, справа чеканно и легко вышагивал главарь, глядевший куда-то поверх голов «лесных братьев». Впереди отряда, метрах этак в двухстах, шел Витаутас с каким-то пожилым бандитом, облаченным в широченный, явно не по его плечу, грубый брезентовый плащ.

День выдался на редкость сырым и серо-туманным; почти задевая за макушки сосен, неслись куда-то на север болезненно-пухлые тучи; сосны, постанывая кронами и уныло свесив мокрые ветки, покачивались, как бы говоря с укором: ай-я-яй, что надумали!..

Идут. Топ, топ, топ... Очень уж громяют немецкие сапоги. Даже по грязи. Как железные.

Витаутас и мужчина в брезентовом плаще остановились. Мокрая лесная стена раскололась, отодвинулась от дороги, и впереди проглянул затемненный слякотной осенью обширный луг, над которым возвышалось легкое пролетное строение железнодорожного моста с невидимыми огневыми точками и ходами сообщения. Ноги у Николая опять начали неметь-цепенеть.

Вожак что-то сказал — бандиты сбавили шаг. И тут же он потянул Николая за руку:

— Идите впе-ре-ди. При-ка-жи-те солдатам пропус... пускать мост,— перевел толстяк.

Земля насторожилась и вздыхает как бы — топ, топ, топ...

И тут единственный раз за все эти сутки Зайцеву вдруг повезло: возле опушки леса, рядом с дорогой (до моста было еще далековато) он увидел овраг, тянувшийся к реке, поросший кустарником, мелким сосняком и заваленный ворохами кем-то собранного мелкого сушняка. Такой глубокий, такой манящий. И, оттолкнув бандита с черной повязкой, Николай бросился в овраг, крича, что есть силы:

— Бандиты!!! Стреляйте!!!

Говорят, удача в жизни часто соседствует с неудачей, однако непонятно, как одно дополняет другое: овраг, вильнув, неожиданно уперся в пустой холм с одинокими соснами и, когда Зайцев начал проворно подниматься по голому, скользкому скату, бандиты несколько раз что-то крикнули ему сдавленными голосами, потом послышался громкий, лающий голос Витаутаса и грянуло несколько почти слившихся воедино pistolетных выстрелов; Зайцева с огромной силой ударило в ногу и спину; упав, он покатился обратно в овраг и перед тем, как потерять сознание, услышал со стороны моста выстрелы из винтовок и ручного пулемета. Гарнизон ожил.

Яблоня

Ту яблоню он посадил в конце войны за многие тысячи километров от Уральских гор, от родного Михайловского завода, где живет и работает ныне. И растет она в селе Соленикай, что неподалеку от Вильнюса.

Старшина запаса, токарь высшего разряда, каких, почитай, лишь несколько на весь завод — таким знают в коллективе Валентина Певцова. Немногословный, бывалый, упорный в работе, он не быстро сходится с людьми.

Но вот встретились в Михайловске два давно не видевших друг друга человека. Встретились как отец с сыном, вспомнили бывшее. А пережить им пришлось немало.

В семейном архиве хранит Валентин Певцов фотографию. А второй такой снимок у Андрея Александровича Жванского в Прибалтике. Какие же узы связали их?

Валентин потерял своих родителей в первые дни фашистского нашествия. Пограничный городок, где они жили, подвергся ураганному налету. Семьи военнослужащих были отправлены в Вильнюс, позднее их попытались эвакуировать в тыл.

Ночью Валентин дремал около матери у самых дверей вагона. Внезапно тишину прорезали автоматные и пулеметные очереди. Дремать резко остановился. Толчок был так силен, что Валентин вылетел из вагона, скатился под откос. Он стал звать мать и хотел подняться, но перестрелка усиливалась; крики и стоны раненых, страх прижали мальчика к земле.

На рассвете увидел: путь впереди разобран. Фашисты окружили вагоны, согнали вместе женщин и детей.

Валентин искал в толпе мать и брата, но их нигде не было. К нему подошла бывшая соседка по дому, жена командира Голембовского с сыном:

— Валя, ты не ходи куда... Мать не ищи. Нет ее теперь у тебя... И брата нет. Будешь со мной, не плачь...

Только через годы с помощью очевидцев трагедии он отыщет у разьезда, Вороново братскую могилу, где вместе с другими погибшими покоятся его мать и брат.

...Семьям русских командиров приказано было явиться в комендатуру. Так женщина с двумя детьми попала в концлагерь в одном из пригородов Вильнюса.

Пересыльный пункт находился поблизости от базара, куда приезжали крестьяне из окрестных деревень. Изредка подростков из лагеря отпускали на базар под присмотром одного-двух охранников. Здесь Валентин и встретил Андрея Александровича Жванского, который помог ему бежать.

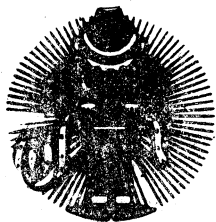
В семье Жванского Валентина выдавали за племянника. Но он плохо говорил по-литовски, и это могло вызвать подозрения у соседей.

По вечерам, после работы, люди, приютившие его, учили мальчика говорить на своем родном языке. А он учил их говорить и читать по-русски. Это пригодило литовским патриотам, когда части Советской Армии освободили Литву. В честь этого события около дома Жванских и посадил Валентин молодую яблоньку.

Отслужив солдатскую службу, Валентин вернулся на Урал, стал токарем высокой квалификации. Не раз ездил он в отпуск в Литву, гостил в деревне Соленикай, где его принимали, как сына.

Как реликвию хранит Валентин Певцов письма литовских патриотов и журнал «Маяк». На фотоснимке в литовском журнале — дружная семья: Андрей Александрович Жванский, его жена Мария Якубовна и их приемный сын Валентин Певцов.

Э. МОЛЧАНОВ

СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

● Свыше трехсот образцов обсидиана собрали юные геологи 20-й ереванской школы. Здесь открыт первый в стране музей обсидиана.

● На родине Юрия Тынянова, в латвийском городе Резекне, при средней школе № 6, создан музей писателя. В нем собрано немало фотографий, писем, иллюстраций, переводных и отечественных изданий знаменитых романов «Кюхля» и «Пушкин».

● Народная художница Литовской ССР Стасе Самулявичене — большой друг ребят каунасской школы № 36. В школьную музейную экспозицию ею подарены шестьдесят авторских работ, это — самодельные игрушки, многие из которых побывали на международных выставках.

● Часть экспозиции музея Васькинской средней школы в Подмоскovie посвящена коммуне «Солидарность», сыгравшей важную роль в пропаганде коллективного хозяйства. Организатором ее был соратник В. И. Ленина швейцарец Фриц Платтен. Швейцарские коммуны жили в мае 1927 года в селе Васькино, в бывшем графском имении. Сейчас там Дом отдыха.

● Следопыты Палехской средней школы собрали выпускников 1942 года. Двадцать семь человек приехали на встречу — врачи и педагоги, юрист и агроном, журналист и партийный работник... Минутной молчания почтили следопыты и гости память тех, кто так же ушел со школьной скамьи на фронт и не вернулся с войны.

● Первыми встретили врага в июне сорок первого года пограничные заставы. Андрей Митрофанович Кижеватов, чье имя носит село в Бессоновском районе Пензенской области, погиб в самые первые часы войны. У сельской школы, на родине Кижеватова, ему поставлен памятник. С пограничной заставой, которая носит его имя, школьников связывают долгие годы дружбы.

● В далеком 1924 году комсомол направил Сашу Шуракова на Кузнецовский лесозавод создавать пионерский отряд. Саша стал первым пионервожатым. О том, как жили ребята двадцатых годов, Александр Васильевич Шураков написал учащимся школы № 60 Архангельска. В школе, где учителя и ученики вместе с коллективом Кузнецовского лесозавода создавали музей, его воспоминания очень пригодились.

Совет дружины пригласил бывшего вожака в гости. А потом состоялась встреча с А. В. Шураковым и на заводе. На этой встрече рабочие торжественно передали совету музея реликвии трудовой, а ветераны войны — боевой славы. Каска стивидора, ключ от пилорамы, совковая лопата кочегара, форменка погибшего моряка — десятки вещей и документов поступили в музей.

Сейчас музей принимает уже своих первых посетителей.

● Чукотский Павлик Морозов

Военные годы. Советский Север работал на фронт; охотники месяцами не выходили из тайги, добывая ценную пушнину; чукотские баркасы старались взять как можно больше рыбы. Но оставались на Чукотке и недруги Советской власти, недобитая «контра». До поры, до времени притаившиеся, они подняли головы, когда началась война, в расчете на то, что враги победят, сломят народную власть, и снова будет приволье кулакам... Они резали рыбацкие сети, портили оленей, прятали пушнину. Однажды группа убийц расправилась с бригадой активистов, собиравших по стойбищам теплые вещи для бойцов на фронте. След ее терялся возле стойбища Уквылина.

Розыск милицейской группы ничего не дал. Когда работники уголовного розыска уже направились к нартам, чтобы покинуть стойбище, к ним подошел мальчик... Он назвал имена убийц и показал место, где произошла расправа.

Убийц арестовали. Но мальчика нельзя было оставлять в стойбище. Его посадили на нарты и отвезли в дальний детский дом, в село Марково. Милиционер, привезший мальчишку в малице, сказал детдомовским: «Этот мальш — герой!..»

Торжественно повязали мальчику галстук, приняли в пионеры. А поскольку у чукчей были только прозвища, то решили дать ему имя Павлик, а фамилию — Морозов...

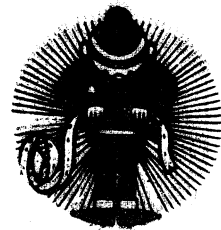
В детдоме Павлик Морозов-Уквылин окончил школу, уехал поступать в Ленинград, в Институт народов Севера. Это было после войны. Дальше след Морозова-Уквылина теряется.

Следопыты районного центра, к которому относилось стойбище, и села Марково, где находился детский дом, объявили поиск мальчика-земляка и воспитанника детдома. Как сложилась его дальнейшая судьба?

● Возрожденная библиотека

Осенью 1941 года фашисты сожгли яснополянскую школу имени Л. Н. Толстого, открытую в 1928 году А. В. Луначарским в день столетия со дня рождения гениального писателя. Вместе со школой погибла богатейшая библиотека — 18 тысяч томов, среди которых были уникальные книги, подаренные семьей Толстых...

Часть книг местным жителям удалось припрятать. Несколько лет следопыты яснополянской школы собирали по домам редкие издания, которые легли в основу экспозиции школьного музея. Журнал «Нива» за 1899 год, где была первая публикация «Воскресения»... Знамени-

тые толстовские книжки-копейки... Два зачитанных томика, которые передавали из рук в руки раненые бойцы в одном из госпиталей,— роман «Война и мир»... Прижизненные издания Толстого и его современников — Салтыкова-Щедрина, Писарева, Чехова, Кони... Дореволюционные учебники... Берестяные новгородские грамоты и древние книги, подаренные школьным следопытам жителями Ясной Поляны и окрестных деревень.

Музей яснополянской средней школы — первый музей книги в Тульской области.

• Двести лет

звонит колокольчик

Эту находку принес в школьный музей восьмиклассник Андрей Забалуев. Маленький колокольчик с истертой временем надписью, которая приведет в изумление любого краеведа: «1802 год. Мастер Филипп Терский из Валдая». Почти двести лет изделию, сотворенному известными по всей Руси валдайскими мастерами, а звон у колокольчика до сих пор чистый, серебряный, мелодичный...

В музее села Лубяны Кадынского района Костромской области, которому скоро будет четырнадцать лет, много интересных экспонатов. Тут и топоры, которыми пользовались наши предки в каменном веке, предметы домашнего обихода далеких времен, одежда крестьян прошлого века.

Сейчас следопыты музея разыскивают книги из библиотеки родственника М. Ю. Лермонтова, жившего в одном из окрестных сел. И кое-что им уже удалось найти.

• Старинные часы

В квартире заслуженного учителя Казахской ССР, старейшего педагога школы № 1 города Ермака Фриды Андреевны Мانتель висят на стене старинные часы французской работы. Ей передала их теть, той часы достались от двоюродного брата, ему — от деда, деду — от прадеда...

За историей часов-«долгожителей» стоит интересный факт: в семье, которая ими владеет более чем полтора века, все были учителями. Фрида Андреевна Мانتель — девятнадцатая их владелица; ей восемьдесят лет, и намеревается она передать семейную реликвию следующему представителю потомственной фамилии учителей.

С этой интересной семьей и любопытным фактом передачи часов из поколения в поколение свел поиск следопытов Ильичевского Дома пионеров города Павлодара, собирающих материал об учителях двадцатых годов.

• Песня о герое

Эта песня родилась в перерывах между боями, слова написал солдат-фронтовик. А вот композитора рядом не оказалось, и пели ее на мотив известной песни «Партизан Железняк»:

Пристреляна местность фашистом из злоте.
Вперед пробираться нельзя.
С друзьями из роты взорвать пулеметы
Решает Прокатов-сержант.
Подполз незаметно — одна амбразура
Взлетела от связки гранат;
Закрыв своим телом, гранат не имея,
Другую Прокатов-сержант...

В годы Великой Отечественной войны многие воины закрывали собой амбразуры вражеских пулеметов, давая возможность преодолеть товарищам огненный рубеж. Один из них — вологжанин, Герой Советского Союза Василий Николаевич Прокатов, сержант 350-й стрелковой дивизии.

О его жизни и подвиге рассказывают экспонаты трех музеев: на родине его, в школе, где он учился, в одной из школ-интернатов на саратовской земле, где формировалась дивизия, и у краеведов Новокалитвенской средней школы Воронежской области, где погиб герой.

• Знамя Победы

О том, как это было, рассказывает в своих воспоминаниях генерал армии С. Штеменко:

«Знамя Победы, водруженное на рейхстаге, приказали доставить в Москву с особыми почестями. Утром 20 июня начальник политотдела 3-й Ударной армии Ф. Лисицын на аэродроме в Берлине торжественно вручил его Героям Советского Союза старшему сержанту Сьянову, младшему сержанту Кантария, сержанту Егорову, капитанам Самсонову и Неустрову».

Состоялся торжественный митинг. Самолет Ли-2 с бортовым номером «8», возглавляемый старшим лейтенантом П. Ф. Жилкиным, доставил бесценный груз в Москву. Это был один из первых мирных полетов над Германией, Польшей, над родной страной, над местами совсем еще недавних боев.

Погода была как по заказу — солнечная, безоблачная, праздничная. В столице Знамя Победы было встречено своими почестями: почетным караулом Московского гарнизона со знаменосцем Героем Советского Союза старшим сержантом Ф. А. Шкиревым и двумя ассистентами — тоже Героями Советского Союза — гвардий старшиной И. П. Папыщевым и сержантом П. С. Маштаковым.

БЕСКОНЕЧНАЯ

**Юрий
БОРИСИХИН**

Фото автора и В. Чистякова

В ПРЕДЫДУЩИХ ЧАСТЯХ — «СУЖДЕНО БЫЛО ЖИТЬ», «УПРЯЖКИ СНЕЖНОЙ ПЛАНЕТЫ» (СМ. № 10) РАССКАЗЫВАЛОСЬ О ПРОХОЖДЕНИИ ТРАНСКОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ПОЛЯРНОЙ ЭКСПЕДИЦИЕЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ ПУТИ — ДО МОРЯ ЛАПТЕВЫХ.

МАРШРУТНОЙ ГРУППЕ ПРЕДСТОЯЛО К НАМЕЧЕННОМУ СРОКУ — СЕРЕДИНЕ МАЯ — ПРОЙТИ ПЯТЬ ТЫСЯЧ КИЛОМЕТРОВ ДО МУРМАНСКА, А НА КАЛЕНДАРЕ — МАРТ...

III. ПОЛЯРНЫЙ ДЕНЬ

Свет нестерпимый

29 марта 1983 года. Остров Муостах — поселок Тикси.

Утром обнаружил: прорезиненный кормовый мешок прогрызен, мясо исчезло. Обида захлестнула меня. Не первый раз уже! Как тща-

тельно прятал корм под нарты, видя, что Карпов оставляет на ночь неприязанным Дружка.

— Да не тронет он твой мешок, Юрий Сергеевич! Дружок — сама совесть, — убеждал Володя.

С трудом погасил желание наговорить Карпову колкостей.

Дружок понял, что разговор о нем, сполз с нарт, и было видно, что он едва волочит живот — умял не меньше восьми дневных порций.

— Перебинтуйте его, Владимир Константинович, не то лопнет, — посоветовал я и вынул из сердца занозу. Не хотелось долго жить этой неприятностью: до Тикси мои добегут на легкий желудок, а там покормлю.

День чудо как хорош. Голубой горизонт. Небо белесое. Белес и снег, лежащий на льду плотно и ровно. Только вокруг острова он как бы потусклее. Дымят на острове несколько труб, и ничтожный налет сажи стирает первозданную белизну. Хороший островок! Ночью, после нескольких часов рыскания в темноте, уловил свет маяка, и собаки пулей вынесли на всполохи. Откуда только прыть взялась! Видно, определенность усилия, явная видимость цели помогают и животным использовать затаенные физические ресурсы.

АРКТИКА

Какой небывалый свет! И как волшебю меняется округа! Запрягаю собак и не могу налюбоваться: он, свет, струится снизу, от снега, как бы живого, шевелящегося, и льет сверху, вроде вовсе не от солнца, а со всего небесного купола. Чувствую, как жадно напITYваюсь им. Еще раз осматриваю полярку. Все как обычно: маяк, дома, приборы в отдалении, растяжки антенны.

Ни одной метеорологической станции не было до 1932 года в море Лаптевых. Правда, далеко на западе, в устье Лены, на острове Сагастырь, в 1882—1884 годах действовала одна полярная станция.

Старейшая из советских, в бухте Тикси, основана в 1932 году; чуть помолже Муостакская...

Но почему через свет дневной — синий над снегом океанским, алодымный по могутным овалам Хара-

хулахского хребта, отбеленно-белый над срезами снежных наддувов — ухожу мысленно к Сагастырю?

Почти век назад, с 1 августа 1882 года по 1 августа 1883 года, по планам первого Международного полярного года в северных странах основывались научно-исследовательские станции, которые вели метеорологические наблюдения. Россия строила две: в Малых Карманулах и на острове Сагастырь. Но на громадном побережье Ледовитого океана два сигнала практически мало что значили. Дания и Голландия решили восполнить пробелы и построить станции на острове Диксон и мысе Челюскин. Однако ни той, ни другой экспедиции до назначенного места дойти не удалось: голландское судно «Варна» раздавило льды Карского моря 24 июля 1883 года, а датская «Димфна» освободи-

лась от полярных тисков только в сентябре.

Одним из участников русской станции Международного полярного года в Сагастыре был доктор Бунге. После посещения могилы Де Лонга на горе Кугельхая он пишет: «Хотя здесь не было видно ничего особенного, все же место это произвело на меня потрясающее и тяжелое впечатление. В нескольких милях от высокого берега находились остатки костра — обуглившиеся бревна, а кругом обожженные одеяла и другие части одежды...»

Но костры Арктики не гаснут! Уже в 1886 году доктор Бунге сам руководит экспедицией на Новосибирские острова, и в помощниках у него — молодой геолог Эдуард Толль. Семь лет спустя уже Толль возглавляет экспедицию Аке-

демии наук и устраивает на Новосибирских островах два продовольственных склада на случай неудачного дрейфа к Северному полюсу нансеновского «Фрама».

«Жаннета» Де Лонга погибла, но предметы с нее, найденные эскимосами около южной Гренландии, показали, что льды от Новосибирских островов дрейфуют через Полярный бассейн. Находка эскимосов навела Нансена на мысль использовать дрейф для выхода к высоким широтам Арктики и, быть может, к самому полюсу! Нансен полюса не достиг... Торосы между островом Беннета и Новосибирскими островами навсегда скрыли тайну гибели Толля...

15 февраля 1914 года из бухты Тихой Баренцева моря отправился к полюсу смелый Георгий Седов. Не вернулся... Но прошел через Полярный бассейн даже выше «Фрама» ледокол «Седов»! В этом же море, где моя упряжка нацелилась на последний бросок до Тикси, 23 октября 1937 года около острова Бельковского затерло пароходы «Седов», «Садко», «Малыгин». Второй помощник капитана «Садко» К. С. Бадигин запишет: «...сжатие достигло критической точки. Гигантский вал ломал метровые плиты льда, словно куски стекла. Он измял огромное поле, сплющивая и растирая в пыль многолетние торосы. У «Седова» стало очень мало шансов на спасенье...»

Решили снять часть людей самолетами.

Но аэродром, на подготовку которого было затрачено 1324 человеко-часа и 1195 килограммов аммониа, уничтожен сжатием. «Можно сойти с ума,— пишет К. С. Бадигин,— месяц напряженной борьбы, месяц страданий и лишений — и все впустую, для того, чтобы море, слегка шевельнув плечом, сбросило и разбило эти детские игрушки».

Еще трижды готовили аэродром и трижды он был разрушен.

Все-таки 184 человека вывели в бухту Тикси. А пилот Алексеев решил попутно интригующую географическую задачу: во время перелетов еще раз доказано, что Земли Санникова к северу от Новосибирских островов не существует.

Так что же: перечеркнуть старания Толля, заплатившего жизнью за поиски мифической земли? Не имел смысла выход Седова?

Позднее, на могиле Де Лонга, Володя Карпов скажет:

— Я теперь понимаю: в Арктике не может быть поражения, пока не сдался сам...

Только тучочку, мельком, оглянулся на пройденное, увиденное: припай, скалы, заломы, торосы, обрывы, ропяки, байдарахи, заливы,

бухты, моря, реки, пурги, бураны, ночь и полярные сияния, еще моря, голая тундра, тесный лес, урасы, тордохи, юрты, чумы; оглянувшись, понял, что не они суть дорога человеческая...

Вот тискает моих псов радистка Оля Лесничая, причём Гимнаст, Старики, Давид вежливо поднимаются к даме, и я вижу, как хочется ей проехать по океану с нами. Живая душа! Что сделать для тебя?

А надо что-то сделать, ибо не может же быть сиротским долгий наш путь, но отметить должен человеком.

Оля дежурит через сутки, и каждые три часа (0, 3, 6, 9, 12, 15, 18, 21) из-под ее пальцев летят на материк сведения о ветре, льде, снеге. Она с Украины, и лицо ее уже принимает мартовский свет под загар.

— Оля,— говорю я,— садись на запятки, прокатись до Тикси. Такой экспедиции и такого приглашения в жизни больше не будет.

— Я знаю, это единственный шанс,— почти в отчаянии говорит девушка,— но как поехать?

— Малицу даю. К вечеру мы в Тикси.

— А начальство? Не отпустит. Или попросится?

— Дерзнул! Я подожду.

Оля мнетя. Нет, не использовать ей шанса...

— Я очень буду жалеть,— тихо признается она.

Упряжки вылетели на припай. Сразу пошли мелкие торосы. Остров скрылся из виду, будто его и не бывало. Тут, в море Лаптевых, может быть все: оживет лед, заступят торосы, разверзнется трещина.

Шли цепочкой. Опустилась морозная мгла. Бороды забило ледовыми комками. Собаки, особенно морды, в инее. Кое-где красные пятна по следу: кровь. Захромал Гимнаст, и сильно. Потом повис туман и напало обычное холодное оцепенение. Сколько оно продолжалось? Вышли из пелены, она, как тяжелая завесь, отползла под ветром, зато сильнее пластануло по лицу морозом. Показались желтые точки на синем — Тикси. Рядом, покругившись, сел самолет. Летчики смотрели на нас, заиндевелых, то с восторгом, то с испугом.

— Мы вас ждали завтра,— говорят.

— Вот-вот, завтра как раз проводите,— сказал Сергей.

Из Тикси брызнули трассы света — машины. Мне на плечо устроил длиннющий объектив телекамеры кинооператор Юрий Прокофьев и снимал, снимал. Потом, в телевизионном репортаже, я видел, как старался не припадать на раненую ногу мой красивый черный Гимнаст,

но не все удалось собаке. Очень мне не хотелось, чтобы на материке подумали, будто я иду на хромых псах.

Минут через пять никого из встречающих рядом не было: мороз минус пятьдесят.

Пятьдесят лет назад в низовьях Лены работала Лено-Хатангская комплексная экспедиция Главсевморпути. Главная задача — выбор места для постройки Усть-Ленского порта.

Выбрали бухту Тикси, что значит тихая...

Мы здесь заметно повеселели. Все чаще повторялось, что теперь экспедиция катится с горки. Оптимизм объяснялся еще и тем, что полярный день стремительно нарастал, да и вид молодого городского поселка с красивыми домами добрил сердце. И тиксинцы, не в пример важным и утомленным певекчанам, молчаливым казачинцам, немногословным туматцам,— оживленны, непосредственны. Устроили в бытовом комбинате цех сувениров, из отходов оленьего меха мастерят мишек, зайцев, хитрых лис, подсолнухи. Дорисовывают, так сказать, ледовую пустыню бухты средой обитания.

И встреча!

Всмотрелся в одного из тиксинцев — да это же Толя Бутенко, вместе служили в армии. Он, правда, никак не хотел узнавать меня.

— Невероятно,— повторял он,— так уж ли тесна земля?

Толя Бутенко — с Урала, из Нижнего Тагила, работает инженером по охране окружающей среды, жизнью доволен.

Но когда я был у него в гостях, он, наливая в хрусталь страшно дефицитную здесь минералку, сказал снисходительно:

— Конечно; вы молодцы, что прошли такое большое расстояние, но когда разольются сибирские реки, вы встанете! Шансов у вас нуль!

Но честно говоря, в Тикси пугающих прогнозов было немного. Запомнилась встреча с буряткой Валей Донжуровой. Она приехала в Арктику погостить к отцу, случайно осталась на зимовку, затем, испуганная полярной ночью, суровыми морозами, вернулась домой, но потянуло на Север, и теперь вот четвертый год в Тикси, работает в цехе сувениров — подбирает сюжеты из пейзажа Бурятии: то восход солнца, то лес, то летящего всадника.

— Вы дождете,— говорит нам тихонько,— как задумали, так и делаете...

Решил поснимать Тикси со стороны моря. В суровой бухте находится поселок. Справа висит гора, слева — море, ни кустика, ни деревца. Чувствовалось, какой тяжестью наваливается здесь полярная

ночь. Люди замолкали, когда заходила о ней речь...

Выезжали рано утром. По календарю на Урале уже была весна, начало апреля, а здесь снега нетронутые... Провожать вышел весь город. Собаки взяли споро, и очень быстро мы вышли берегом бухты Тикси на северо-запад, где тянулся Приморский кряж, а за ним — хорошо видный Харулахский хребет. Несколько раз признавался себе: такой красоты, что открылась нам в сиянии полярного дня бухты Тикси, мне, смертному, видеть не доводилось. Казалось, что над Харулахским хребтом подожжен газ, и мощные языки света выходили из-за низких гор, вся долина дрожала, играла, переливалась синими, оранжевыми, фиолетовыми тонами. Абсолютно чистый снег, чистый воздух...

Собаки затеяли игру совершенно без всякого нашего побуждения — то моя упряжка догоняла карповскую, то обе они догоняли упряжку Рыбина, то сбегались, то шалопаясь, разбегались. Видно, собакам было весело и хорошо на этом чистом поле. Быстро падала темнота, и мы снова видели, как остывает алый горизонт, как упряжки втягиваются в сумерки, полную темноту. Правильно говорят, что первую часть пути человек думает о том, что было, а вторую — о том, что будет.

Теперь, после пяти тысяч километров, дорога как бы потихоньку освобождала меня от гнета дорожных мелочей — узлов, копыльев, полозьев, упряжи, погоды, метелей, от страшного давления возможного позора поражения. Как все-таки первопроходцы этих мест сердцем и фантазией поднимались до образа мощной растопыренной ладони дельты Лены, которая вытягивается в сторону Ледовитого океана! Как дерево рисовали ее на старинных картах, где по ветвям как плоды — деревушки Сибири.

Не проходило видение: змерзшие в лед суда бухты Тикси. Мощные, тысячетонные, они легко остановлены, обездвижены. Заиндевел металл, на палубах — снег. На всем громадном побережье, если пурга и темень, замирает все, одни собаки да олени в движении...

Еще Ломоносов заметил: льды и стужа — главное препятствие в передвижении по северным морям. Многие жизни разбились о них. Правда, это не останавливает с незапамятных времен держащих искать «проходу Сибирским океаном в Восточную Индию».

Льды и стужа не побеждены и сегодня. Мнение науки однозначно: природный фактор — это и есть для Арктики то, с чем связаны миллиардные затраты, ибо стоимость перевозок составляет 60—70 процентов. В конечном счете, вся экономика

Арктики базируется на скорости движения... В общем-то борьба со льдами в последнее время при помощи мощных ледоколов шла успешно. В 1976 году ими проведено 39 рейсов транспортных судов; 1977 год — суда вышли из Мурманска в конце февраля, а не в апреле, как обычно; 1978 год — выход в середине февраля!

И вот — аварийная навигация 1978 года. Толщина льда — на 30—50 сантиметров выше нормы, мороз до 60. 124 повреждения получают суда, ни одно не выходит из навигации целым — все изранены.

Знающие люди говорят: вера во всемогущество и надежность техники несколько подорвана. Но жалоба на несовершенную пока технику — естественное состояние прогресса. Иван Дмитриевич Папанин сказал нам при встрече: самый надежный механизм в Арктике — живой...

А мои живые разбаловались, незаметно увели в сторону от следа. Прикрикнул. Игруют, путаются. Еще прикрикнул. Без реакции. И... как снизу кольнуло! Вскочил с криком и бросился пинать Артиста, Гимнаста, Тумана. Удары, чувствую, злые, большие, сбивающие с ног. Остановиться не могу, волна раздражения не погасает. Чувствую, могу и зашибить. Собаки заматались панически. Хорошо, никого нет. Едва останавливаю себя: «Что ты делаешь?!»

Нервного срыва у меня еще не было. Вот и пережил... Помнится, Амундсен после похода на Южный полюс писал: «...Единственно, что омрачает мои воспоминания (...) — мысль, что я загнал своих чудесных животных, потребовал от них больше того, на что они были способны. До чего жестоким и бесчувственным бывает человек в таких случаях!..»

Когда в Биллингсе пал Черныш из Энурмино, только тогда и увидел, насколько истерты немилосердным алым его мышцы. Но как скажет об этом собака?

Ослабший, потный, сел на нарты. Собаки испугались: Артист бьет в упряжке — попало сильно, Гимнаст распластан без движения — угодил ему в темя.

Какой странный перепад настроения: то взрыв ощущения силы и даже могущества, то страх: на что же я способен без собак, без следа, замерзший и полуголодный?

Ночи нет: она как бы не хлопнула — из огненной полосы между сводом неба и горизонтом льет алый свет. Он достает до самого сердца. Старик пошмыгал, пошмыгал, нашел след. Земля стянута золотым обручем. Мы с упряжкой — посредине. Заиграли звезды. И пошло: река света, игра звезд, жизнь снега, чуть осерженный, но ладный

бег собак. Красота спасает! Но ведь красоте дает название человек. Только он... Однако открывшейся красоте и далям сердце слов не находило.

Может, просто литературное бессилие? Но вот что пишет умнейший писатель С. Залыгин: «Около сорока лет вижу эту страну Сибирь, кажется, чувствую, ощущаю ее и во времени, а все никак не найду слов и понятий, чтобы эти чувства и настроения выразить... Все дело в том, что здесь иные пространства...»

А вот Валентин Распутин: «Холодные и дикие просторы! Что сказать о сибирской красоте? В нашей природе все мощно и вольно, все отстоит от себя подобного в других местах. Реки — Обь, Енисей, Лена — могут лишь соперничать между собой. Любые сравнения, любые слова будут лишь слабой, блеклой тенью. Все обращено внутрь себя, все заворожено одной исполненной охранный силой...»

И Достоевский восклицал: «Мы огромны, огромны, как матушка Россия...»

Российский человек радуется и мучается огромностью и безбрежностью своей земли. Здесь, в Арктике, где ничто, кажется, не имеет окончательной прочности и гарантии жизни — ни металл, ни мускул, ни кровь живая, человек инстинктивно сосредоточивает привязанность к тому, чего никто не может у него отнять.

Не отнять у человека духовную волю, пока он не сдался сам...

Вот я и пришел к Володиному признанию, вроде бы сказанному вскользь на могиле Де Лонга! Теперь я понял, как и почему мы спяны воедино. А нартовый поезд — не просто ниточка с узелками упряжек, где над каждой дымок дыхания, но нитка шестеро скрученная.

Уже после экспедиции попросил я у ребят записки, дневники, заметки, чтобы проследилась их ниточка, ибо ею связывались они, друзья мои, в те долгие секунды и мгновенные месяцы с миром, меж собой, человечеством даже.

Владимир Карпов.

Родина его — поселок Ис Свердловской области. Он — рабочий, ударник коммунистического труда, имеет смежные профессии токаря и стеклодува. Почти ежегодно — в экспедициях по Чукотке, Камчатке, Якутии.

В полярной экспедиции выполняет обязанности радиста. В его научную программу входит изучение работы радиоаппаратуры в условиях Севера, возможности дальней связи, испытания новой радиостанции.

Володя записал:

«30 марта — 30 апреля. Тикси — Хатанга. Никогда не забыть Быковскую протоку устья Лены. Стоял март, металлическая изморозь звенела под ветром. Солнце низкое, но незаходящее. Ощущение безнадежности, боли душевной, одиночества. Да, можно понять ужас экспедиции Де Лонга, когда она почти месяц бродила по этим местам. Вышли на берег океана. Песок перемешан со льдом и снегом. Он колышется, движется. Ехать на нартах нельзя, еще труднее идти. Полозья спиливает на глазах. На открытом месте нельзя останавливаться, сечет ветер. Невозможно держать и нужное направление: собаки с трудом понимают, куда идут. Смотрю на ребят, думаю: вот кто-нибудь сорвется, будет кричать, топтать этот снег, бить собак. Нет. Как заведенные движутся. И все время на себе как бы глаз чей-то ощущаю...

Не легче был и Анабарский залив. Появились торосы — высокие, острые, как бы даже свежие, только отточенные. Они сильно режут нарты. Собственно и резать было уже нечего — песок начисто съел фторопластовые полозья, да и подошвы тобоков тоже — приходилось бежать каждый день десятка два километров.

Здесь, на пятой тысяче километров, впервые заблудился. Потерял след, рискнул его искать — сделал петлю, вернулся к лагерю, от лагеря взял, как говорится, след мертво, но и отстал уже сильно. Двинулся по откосам, которым, казалось, не будет конца. Чувство одиночества почти неизлечимо, когда знаешь, что твои товарищи далеко...

Но за бедой почти всегда следует радость. Я — уралец, естественно, интересуюсь камнями. В устье реки Анабар отрыл-таки сердолики; одна из собак, видя мою радость, кинулась помогать отрывать эти камушки. За такой жест я сменил собаке имя и назвал ее Анабар.

Но их, собак, осталось только восемь. Две погибли. Что-то случилось с Булдашкой, который шел со мной от Инчоуна. Он не мог ехать даже на нартах и по глазам его видно было — просит оставить в покое. Я потихоньку положил собаку в снег. Не выдержал тягот пути Черный из Полярного. Прекрасная была собака, быстроходная. Видно, сильно поранил ноги на песках, а лед подкосил окончательно. Простыл, лег и не встал больше.

Проходите, верные мои друзья. Сложной для прохождения была и бухта Нольде. Мы уже пересекли границу Баренцева моря. Передних не видно: разрыв между упряжками большой. След, правда,

виден, держаться можно. Чтобы пересечь бухту, дня не хватало. Но до берега дойти просто необходимо, потому что ночевка на льду для собак смертельно опасна. Но и гнать совместно, устали. Стимулировали псов обычным способом: пускали вперед белую ракету. Это именно стимул, не насилие. Пока ракета шипит, горит, собаки в азарте бегут вперед. Если бы не запас ракет, берега не достиг. Я наверняка не досчитался бы еще половины собак.

У берега глухо, темно, перешеек до бухты Кожевникова узкий. Да и там овраги, крутые длинные подъемы, а у границы бухты берег обрывистый, едва-едва выбрались... Но впереди Хатангская протока, с северного побережья нужно перейти на южное. Задача непростая. У нас два пути: напрямую или жаться к берегу. Филипп, конечно, пошел напрямик. И он переменил привычку: почувствовал вкус хода без объездов. Мы с Рыбиным решили идти не по берегу, но метрах в двадцати от него. Здесь я пережил одну из самых холодных ночей. Одежда поизносилась, а мороз — за пятьдесят.

В ночи нам с Рыбиным показалось, что поселок Сындаско уже проскользнули. Повернули собак обратно, прошли километров тридцать, пока окончательно не убедились, что до поселка просто не дотянуло.

В этом «челноке» — мы прошли за неполные сутки более 120 километров — у меня погибли еще три собаки. Я въехал в Сындаско на пяти...

Что касается радиосвязи, то очень трудной в этом отношении была Чукотка. Особенно в устье Амгузмы. От базы в Лаврентии — более тысячи километров. Неясной оставалась ледовая обстановка в Колючинской губе. Нам нужно было с косы переходить на остров Серых Гусей, и промежуток оставался полной загадкой — торосы там или польнья? Только рация могла помочь, а у меня не шла связь.

Вся Чукотка была сложной. Ветры такие, что двенадцатиметровую антенну часто не имели возможности как следует поставить. В Якутии потише, но на полюсе холода металл прожигал все, к нему практически невозможно было прикоснуться.

Под Нешканом сгорела основная радиостанция. Вынуждены были подключить аккумулятор от прибора Павла Смолина.

А все-таки в Арктике провели около семидесяти тысяч связей. И главная из них — связь в Мурманске с космонавтами Владимиром Ляховым и Александром Александровым. Там последний раз прозвучал наш позывной ЕКД9Е/О».

...В середине апреля на южном берегу Анабарского залива экспедиция вступила на Таймыр. Перед упряжками стоял мощный выступ суши — Таймырский полуостров, который далеко врывается во льды Полярного бассейна. Здесь самая северная оконечность евразийского материка — мыс Челюскин. Далее продолжение Таймыра — архипелаг Северная Земля, от мыса Арктический до полюса всего 960 километров. Площадь Таймыра и Северной Земли в полтора раза превышает территорию Франции.

Когда планировалось прохождение по Таймыру, заманчиво было срезать кусочек материка ближе к югу, до Енисея. Маршрут вытягивался на тысячу километров. А по прибрежной дуге? Много-много больше.

За советом обратились к партийным руководителям Таймыра, получили письмо, подписанное первым секретарем Хатангского райкома КПСС А. Пожидаевым, где советовалось взять севернее. Видимо, это было разумно, потому что поперек всего полуострова тянутся горы Барринга, которые круто, иногда отвесно обрываются с юга в тундру, а с севера плавно снижаются пологими валами и сопками. Теперь, когда Таймыр нужно было пройти не больше, чем за полтора месяца, горы были весьма обременительным препятствием. Нужна скорость! Этим показателем определялся окончательный выбор маршрута.

Хатангцы рекомендовали двигаться по рекам. Такой принцип и был выдержан: по рекам Хатанге, Хете — на поселки Волочанку, Усть-Авам до Енисея.

До Хатанги все складывалось плохо, в районе Косистого заготовлено много корма, почти полтонны, и даже слабые собаки могли быстро прийти в форму. На Хатанге Сергей решил попробовать достичь максимальной скорости, побить самый древний рекорд суточного передвижения, установленный в прошлом веке Врангелем, — около ста пятидесяти километров. Все получалось, как задумали. Расстояние до Хатанги было пройдено за неделю. Вот график перехода: 17 апреля — мыс Косистый, 19 — Сындаско и 26 апреля — Хатанга. На последнем переходе от Новорыбного до Хатанги и была зафиксирована максимальная скорость экспедиции — сто шестьдесят километров в сутки.

Почти до 1911 года Таймыр на картах представлял лишь грубую схему. Например, на картах азиатской России, изданных в начале столетия Генеральным штабом, даже такие крупные реки, как Норилка, Пясины, Хатанга, были нанесены весьма приблизительно. Кочевые

исконные жители Таймыра нганасаны со своими стадами оленей весной уходили на север, а осенью возвращались к границе леса. Даже в горы Баррынга они не решались заглядывать. «Там царство злых духов, камень и лед, более ничего», — записал рассказ нганасан Урванцев, пришедший сюда в 1932 году практически первым из советских полярных исследователей. Несмотря на эту недоступность, ядро Таймыра было знакомо еще до Великого Новгорода. Для торговли с местным населением в XVI веке здесь возник поселок. В 1600 году этот поселок был превращен в укрепленный город Мангазею. Там проживало 1000 человек, а во время навигации — до двух тысяч! Так что торговые обороты в первом запо-

лярном городе достигали даже в современном денежном исчислении нескольких десятков миллионов рублей. Путь из Архангельска, из Печоры до Мангазеи шел морем вдоль побережья. Водный путь лежал по рекам Дудинке и Богадинке до Богадинского озера и по Волочанке вверх до Волока.

23 марта 1840 года Харитон Лаптев послал геодезиста Чекина на собаках к реке Таймыр для описи морского берега к северу до реки Пясины. Чекин отправился на семи собачьих упряжках. С ними вышли еще две оленьи упряжки. Но уже девятого апреля, спустя полмесяца, экспедиция вернулась. У них пали все олени, не было и корма для собак.

Когда 13 августа льдами у ду-

бель-шлюпки прошибло надводную часть, пришлось сбросить пушки и другие тяжести в море и выгрузить провизию на лед, чтобы облегчить судно. Но и на суше положение было не лучше. Они не смогли продолжить путь к Хатангскому зимовью, потому что реки еще не встали и были покрыты тонким льдом. Поэтому пришлось остаться на пустом берегу, без дров. Спали в вырытых в земле ямах. От стужи и голода многие умерли. 21 сентября Лаптев с командой начал пробираться к зимовью. Это двадцатидневное странствование стоило 12 жизней.

Обидно, что экспедиция, уходя в глубь материка, проскальзи-

вала мимо интересных мест. Нам хотелось побывать в домике Ивана Дмитриевича Папанина на мысе Челюскина. Мне хотелось увидеть и Диксон. Во время войны здесь погиб ледокольный пароход «Сибиряков». Среди отмеченных на памятке мой земляк и однофамилец — Борисихин...

Листаю таймырский дневник.

Мыс Косистый. Хатангский залив. Синоптик Марина Кульбах:

— У меня юбилей. Десять лет в Арктике. Заканчивала Пермский университет. Закрою глаза и вижу: Кама, ивняк, глина в траншеях теплотрассы, стекляшка с мороженым. Здесь, на берегу Ледовитого, все другое: одежда, еда, транспорт, погода, время, ветер, солнце, вода. Привыкла ли ко всему этому? Точнее, отвыкла. ли от уральского — лука, молока, пельменей, трамвайных абонементов? Никогда не отвыкну. Это не значит, что не привыкну к Арктике, но бывалым человеком себя не чувствовала. Арктика неисчерпаема — каждый день что-то новое. Вот сегодня вы... Знаете, как со стороны выглядите? Не забыли, как на Урале ряженых называют?.. Да, о работе. Все делают машины, приборы. Тут они надежные. Почему? А их немного. Вы ведь уже поняли секрет: чем меньше людей делают одно тонкое дело, тем надежнее.

Моя работа?

Приборы дают данные, закладывают их в машину, естественно, вычислительную, получаю исходные, черчу линию графика. Видите эту кривую в сторону бухты Нордвик — усиление ветра.

Уезжать? Куда? Зачем? Здесь у меня есть все, что положено счастливому человеку: семья, работа, друзья... И даже Ледовитый океан под окошком...

Поселок Жданиха, совхоз «Центральный». Кочегар Сергей Поротов, 23 года:

— Дарю вам собаку. Карат. Это единица измерения драгоценных камней, если знаете. Сильный пес. Но в цуговой не ходил. Переучивайте, но не бейте сильно. Осердится, не простит. Отец мой охотник, мама — пекарь. Сам сутки работаю, двое отдыхаю. В тундре, конечно. Запрягаю собак — и еду в места, которые только мне известны. Скоро хочу жениться. В мае! Можно и пятнадцатого, когда вы будете в Мурманске... Шлите, в общем, телеграмму, а Карат пусть не только от меня, от всей семьи подарок будет.

(Мы опоздали в Мурманск к назначенному сроку. Свадьба, как мы узнали, была сыграна в срок. Только вот Карат, прости нас Сергей, не дошел. Не твоя и не наша в том вина — прекрасную собаку ты подарил нам.)

Хатанга. Таня Филатова:

— Я украинка. Отец — капитан дальнего плавания, брат — московский артист. А муж плавает штурманом на судах от Хатанга до Тикси. Не высидела я в Николаеве, приехала в Арктику. Жду вот мужа из Тикси, работаю пока сторожем в порту. В свободные дни иду в тундру: сначала на километр-два, теперь и за десяток могу уйти. До Арктики у меня жизни не было. Я это точно знаю.

Поселок Катырык. Ольга Битте, воспитатель интерната для детей:

— Училась в Красноярске. Язык свой долганский очень люблю. Знала немного и русский. Но когда очутилась среди сверстников в педучилище, русский язык меня потряс. Я старалась быть там, где много говорят, — на диспутах, собраниях. И впитывала, впитывала. Каждое слово вашего, а теперь и моего русского языка наполнено человечностью, силой... Он помогает мне жить. Был у меня скромный: домик, пенка, стопка книг. Зато целое богатство — дети... Я учу их русским словам.

Поселок Новый, совхоз «Арымас». Окко Витеслав, 17 лет:

— У нас, нганасан, очень ценится умение ездить на оленьей упряжке, варить мясо и бороться. Как насчет труда? А разве человека можно назвать человеком, если он не работает? Мои друзья — Слава Минкевич, Григорий Кокора, Валла Купчик, Вика Момде, Мария Асяндрю. После школы вернемся в родное село. Старшие говорят: «Надо, чтобы нганасанский язык, нганасанские обычаи остались равными в семье северных народов». Мы это понимаем.

28 апреля 1983 года. Поселок Хатанга. Днем рассыпчатый, будто бы из серебряного бисера снег спит невероятно. Полярный день, как говорится, вышел в зенит. Ночь светла, оком горизонта золотист. Не спим. Володя Рыбин, как йог, сидит на крыльце, впал в задумчивость. Паша Смолин вместе с псами убежал на лыжах посмотреть скальные выходы на берегах Хатанги — он все же горняк, немного и геолог... Карпов пропадает на радиостанции. Мы с Сергеем обследуем свиноферму: нефтяники Хатанги завели подсобное хозяйство. Сергей берет на руки поросятка:

— Фотографируй!

Радисты базового лагеря Игорь Соколов и Боря Котляр устроили нам радиовстречу с американкой Донной Скотт. У них с мужем упряжка на американском Севере, оба интересуются нашим переходом.

— На Аляске тоже весна... — У Донны красивый грудной голос.

— Донна, — говорю я, — по рус-

ски, встречаясь, целуются, троюкратно. Принимаете?

— О-о, — тянет она удивленно, — шесть умножим на три? О-о! Такой большой русский... каравай? Карнавал? Калач?

— Такой русский прилет, — подсаживаем мы.

Игорь говорит, что на связь с экспедицией вышло около 150 стран мира. Проведено двадцать пять тысяч связей. Сидел час в радиорубке, слушал. Токио, Лос-Анджелес, София, Мадрид...

Перед выходом небольшое со вещание. Сергей не встревожен, но жестко точен:

— Мы опоздали. Весна нас обогнала. В Нарьян-Маре вместо нартов будут тележки. Кое-где используем лодки для буксира собаками. Где-то пойдем пешком. Победу нам никто не поднесет на блюде. До ведите установку до собак, — улыбнулся он, — все опасности для них — вода, бескормица, тепловые удары — практически еще впереди. И мы это будем помнить по-человечески.

Здесь, в Хатанге, Сергей выглядит увереннее, чем в Тикси. В гости приходили участники СП-26, перелетающие через Хатангу. Сергей впервые высказал принародно идею о походе на Северный полюс ночью.

Собак осмотрели тщательно. Многие грипповали. Лечил их Володя Путилов, арктический ветеринар, выпускник Свердловского сельхозинститута.

— Сильный народ, — сказал о собаках после уколов, — стоят теперь на всех четырех.

А у меня снова потеря. Дал Филлипу на усиление Тумана, позже смотрю: нет моей собаки. Рыбину Филипп обмолвился, что вроде бы Туман заболел чумкой. Пришлось пристрелить. Вроде бы... Тяжкая утрата — нет теперь самой сильной собаки.

Хатанга — Амдерма. 30 марта — 30 апреля.

В Хатанге к группе присоединился Гена Чеурин. Он готовил маршрут, знал его тонкости, делал заброски. Записывал: «Все складывалось хорошо до тех пор, пока не вышли из Хатанги. Выехали тридцатого марта, но через два часа преимущественно так тщательно рассмотренного маршрута были перечеркнуты: неожиданно обрушилась теплая погода. Трудно упряжкам в сыром снегу. Как мы понимали Чекина и Харитона Лаптева! В русло реки смело тяжелый снег с берегов, практически езда становилась невозможной. Упряжки буквально

захлебнулись в сырости. Ход такой: то собаки лежали по часу пластом, то люди падали на нарты в изнеможении. До первого поселка Кресты — это восемнадцать километров — продвигались семь часов. Мне, впервые попавшему в такие условия, было особенно тяжело, потому что упряжка меня не слушалась. По совету Никитича отдался на волю вожака. С удивлением и удовольствием отметил, что вожак прекрасно выбирает дорогу. Однажды он рванул резко влево по реке. Я решил — будь что будет. А Север вывел упряжку на твердую ленту — буранную дорожку.

Мое подключение к экспедиции было интересно чисто психологически. Я осваивал упряжку, ребята же вспоминали свою «арктическую молодость». Мое присутствие, даже моя неопытность, как бы освежали обстановку в группе. Наверное, «ветераны» узнавали себя такими, какими были на Чукотке.

До Енисея оставалось больше двухсот километров, а подснежье набухало водой. Сползали с нарт, проваливались по пояс в жижу. Только великолепное чутье Филиппа Никитича не позволяло нам падать в более глубокие ловушки.

А по Енисею шли ледаколы. Причем прорубили гигантскую полынью часа за четыре до нашего прихода. В Карауле сказали: «Ерунда, мы вас переправим по битому льду на досках...» Но Енисей не дался. Пришлось одолеть его на вертолете.

Бескормица стояла отчаянная. Подстрелить удавалось только росомах, Мы их попахивающее мясо еще грызли, а собаки наотрез отказывались. В поселках же, как Усть-Авама, стояла такая грязь, что мы не могли въехать туда на нартах, пришлось обогнуть стороной.

Обская губа открылась. Шли по узкому припаю. Километров за десять до Устья-Кары упряжки неожиданно набрали ход и около часа несли с предельной скоростью. Это была великолепная езда. Среди кустов сохранился каким-то образом ледовый наст, так хорошо было чувствовать всю прелесть, опасность и рискованность быстрой езды на собачьих упряжках. После я наблюдал еще одно драматическое действие. Пес Молодой, должный для усиления упряжки, украл кусок мяса. И вот в нескольких километрах от Устья-Кары, стоило мне чуть остановить упряжку, как стая буквально накрыла Молодого.

Около самой Амдермы попали в жесткий буран. Путь преграждали поперечные трещины, и почти все искупались в воде Карского моря, а Сергей провалился в трещину. Только чудом удалось его спасти...

Амдерма. Знатная встречала Собралась вся экспедиция — базовая группа № 1, перелетая в Мурманск, сделала здесь остановку. И вторая базовая тут...

Федя Старостин дал нам, как говорится, завтрак, но забыл о собаках. Сергей рассержен. Кормим их второй день моченым хлебом. Поддувают пурги, крошится припай. Невесело.

Зато праздник у Филиппа. Прилетела на маршрут Ангелина Сергеевна, жена его. Мы любимся ими: Дерзкий, но нужный для Филиппа прилет: каюр расцвел. Такая смелая, верная жена!..

Видели снимки, сделанные со спутника. Они отличаются от чукотских. Там по всей фотографии — хвосты мощных циклонов. Здесь — ясно. Ледовая разведка — проблема номер один в обеспечении северного мореплавания. Спутниковое обеспечение перспективное, но... в полярную ночь космический глаз бесполезен.

И все же именно на основании спутниковых снимков составляются карты ледовой обстановки. Пометки: «Пятна. Чисто. Облачно. Грязный лед». Что ждет нас на Югорском шаре, этой протоке, отделяющей Баренцево море от Карского?

12—27 июля 1983 года. Амдерма — Югорский шар — устье Печоры. Наст идеален. Из снежной, мокрой каши, которую наши упряжки пропахали, двигаясь к Амдерме, недолгая, но резкая метель и морозец сформировали вот это блестящее многокилометровое зеркало. Единым махом вылетели на океанский припай. Сильно заносит. По привычке ишу рукой дугу нарт, чтобы опереться, — хочется снять уютный арктический поселок. Но дуги нет. Сменил уже пятые нарты. На этот раз впряжены ненецкие, широкие, почти как паром. На них, говоря, если взять оленей, можно смело переплывать реку. Приноровливаюсь к съемке, упираюсь ногами в передок нарт.

Похрустывает крошка наста. Звук этот отзывается во мне болью — непроходящей, глубокой и острой. В Амдерме потерял своего любимого пса — Старика. Пользуясь двухдневной остановкой, отснял дикий берег, отобедал на маленькой полярной станции, наслушался жутковатых рассказов о проделках белых медведей. Ехал и с пристрастием оглядывал гигантские ледовые поля. Сергей Соловьев все чаще поговаривал об экспедиции к Северному полюсу в полярную ночь.

Когда вернулся, мне сказали, что Старика плохо. Как на грех и Рыбин не заметил его недомогания.

— Тепловой удар, — горько констатировал Володя. — Жаль Старика. Единственный пес, к которому не было претензий.

Старик попал в упряжку в самом начале пути. Его мощные лапы, белые до середины, работали с методической точностью и, казалось, что он идет по Арктике, засучив рукава. Он не был жаден, не просил лишнего. Убеден, что пес понимал юмор: фыркал, посмеиваясь надо мной, когда я что-то делал не так. В тяжкие, нестерпимые чукотские и якутские морозы, когда в ночном полузабытьи не знаешь, как избавиться от озноба, Старик подходил и, вздыхая, приваливался горячим уставшим своим боком. Я не спал среди собак, понимая, что отбираю у них последнее тепло. А вот Старик всегда сам приходил греть меня.

«Куда ты берешь его? Староват», — говорили чукчи. Но пес прошел еще девять тысяч километров. По-моему, он чувствовал, что последнее дело в жизни надо делать безупречно.

Да, непростая дорога. Но сейчас, когда мы шли ночами в полярный день, а солнце, зависая к утру, сулило тепло, отдых и сон, начинал действовать удивительный закон большого пути. В какой-то момент путь начинает не отбирать, а давать тебе силы.

После сотни километров, которая стала обычной дневной нормой, остановились у балка. Спать устроились на нартах, сунув вещи под крышу избы на случай мокрой метели или дождя. Однако не спалось. И не только мне. Тихонько поднялся Филипп Ардеев, достал ружье. Паша Смолин подцепил за фал рыжего своего Севера и укатил на лыжах в тундру. Сергей сел за дневник.

Широкий и жесткий шум заставил поднять голову. Филипп мгновенно сжался, вскинул ружье. Тонкие шеи и длинные крылья — лебеди.

Мы вскрикнули почти разом:

— Стой, Филипп, не стреляй!

Не опуская ружья, он еще стоял напряженный, медленно отходил от вскипевшей и невыплеснувшейся страсти потомственного охотника. Не оглядываясь на нас, Ардеев медленно убрел в сопки. Сидел там часов шесть, пока не достал выстрелом обычного гуся...

И снова шли ночью. Припай Югорского шара изрытлен и тонок. Я — в который раз — пожалел, что в упряжке нет Старика. Артисту, которому всегда хочется есть, даже здесь, на едва смерзшихся комках разбитого ледокольного льда, умудрялся рыскать. Увидев желтое пятно на льдине, ринулся через по-

лыню. Будь с нами Старик — враз бы, намертво, задержал упряжку. А тут пришлось выскакивать мне. Однако едва добрался до Артиста, ушел «гвоздиком» сквозь лед. Испугаться не успел. Помню, как алык прочно врезался мне в руки. Упряжка отпрыгнула и вытянула меня на качающийся лед.

Оленьи тобоки были полны воды. Я дрожал. Возможно, это был страх. Но впереди шли Сергей и Филипп. Их упряжки на скорости удалялись. Стоять нельзя.

— Не валяй дурака! — крикнул я Артисту и отдался воле судьбы.

Только через три часа выжимал тобоки на суше, когда уже пал густой и теплый туман. Снег даже шипел, тая. И толща его уменьшалась на глазах.

Варандей — практически единственный поселок между Амдермой и Печорой. Уже просто грязно. Для дороги — языки снега да припай. Стоянки определили невдалеке от оленьего стада. Может, привычки собаки, успокоились? Где там!.. Гимнаст, Давид как сумасшедшие, оборвав веревки (цепи я потопил в Югорском шаре), понеслись в стадо. Это опасно — разгонят, разворошат оленей. Свободная, неуправляемая собака — большая беда. Нас не извинят.

Филипп не раздумывал: пули из карабина легли точно.

Да, не забыл обещания Филиппа. Он все-таки «посчитал» моих собак.

День шел за днем. Много раз повторялось выкручивание тобоков, курток. Дорога вела то по гладким подъемам, то по густой грязи стаявших вершин, где собаки прыгали, как по болотным кочкам, повизгивая и отряхиваясь, то снова по опасному льду припая. Кое-где ветер уже нес песок. Снежные карнизы заберегов сильно подтаяли. Наконец по немыслимым изгибам снежных языков в оврагах вышли к Печоре. Это был 9700-й километр пути!

Никогда не думал, что увижу собак в траве. Солнце ненадолго подсушило ее, и псы блаженствовали.

Только сейчас заметил, как собаки устали. Как смертельно устали и мы! Как потреланы нарты, как подержано снаряжение, как светятся потертые малицы.

А пути оставалось совсем немного. Всего 300 километров. По галечным косам на специальных тележках. Да встреча с судном, на котором ждет нашу экспедицию Иван Дмитриевич Папанин. Потом, после всего этого, — Победа!

Но 300 километров — все же не 300 шагов. Предстояла переправа через Печору. Предстояло пересилить недомогание. Я знал, что парни простыли, температурят. Хотя никто об этом не сказал ни слова.

...Тот же широкий свист прошел надо мной — лебеди. Теперь знаю, почему люди не стреляют в белых лебедей. Стрелять в них — стрелять в надежду. Ту, прочную самую, когда уверен, что через все снеговерт зимы прилетит весной чуткий лебедь, неизменно аккуратный и безупречно белый.

Володя Рыбин сказал:

— Знаешь, Юр, чего боюсь?

Возьмет она, Арктика, и — кончится. То есть была, прошла, нет...

Я настроен был торжественно:

— Смотри, летят птицы на север — в Уэлене летели на юг. Смотри, пошли корабли на восток. В Уэлене шли на запад. Колесо природы повернулось. Ко-ле-со! А у него конца нет...

Филипп, слушавший нас, кивнул: это так...

Филипп Ардеев.

Родился на острове Колгуев, Баренцево море, в семье оленевода. Работал в родном поселке учителем начальных классов, затем директором. По национальности — ненец. В программу его работы в группе входило изучение истории северных народностей, их быта и обычаев, условий жизни, подробное ознакомление с тонкостями местных промыслов, способов охоты, секретами выделки пушнины и изготовления северной национальной одежды, изучение процесса культурного развития Севера.

Из его дневников:

«Когда упаковывал снаряжение в Свердловске, понимал, что кое-что из взятого придется с дороги отправить на базу. Но никому ничего не говорил, потому как окончательный отбор снаряжения должна была произвести сама Арктика. Подозревал, что придется расстаться с палаткой, спальным мешком, но и для меня самого оказался большой неожиданностью отказ от огня. Трудней всего, конечно, привыкал к упряжке цугом, на родном Колгуеве собак запрягают только веером. Непривычными были и нарты. Их главное удобство — способность «играть», повторять не жестко крепленным полозом неровности рельефа. У наших ненецких нарт крепление жесткое. В короткое время необходимо было освоить чукотскую увязку. Якутские нарты приспособлены для длительных путешествий по тундре лучше, чем чукотские. Выше их скоростная выносливость. Я бы даже сказал, что якутские нарты идеальны для арктических походов. Но и титановые, особенно в условиях горной Чукотки, хорошо.

Понравились мне походные балки долган на Таймыре. Матерчатые домики долгане ставят прямо на нарты, и собаки их легко тянут. Делают их очень искусно из прочной материи. Они непродуваемые, их легко оттапливать. На таких балках можно кочевать за песцом на большие расстояния.

Что сказать о собаках? Скрывать не будем: иногда мы их недокармливали. Килограммовый паек не худо было бы увеличить на полнормы. Но ведь опыта таких переходов не было ни у одной арк-

тической экспедиции мира. Мы учились, и школа оказалась суровой. В Якутии этот недостаток сказан: несколько отличных, честных псов погибли.

На мысе Шмидта, благодаря чрезвычайным усилиям Сергея, мы выдали собакам полутонную норму и сразу смогли сделать сто километров. Рекорд в условиях полярной ночи! Великолепную подкормку собаки получили в Чокурдахе, на берегу Индигирки. И мы смогли пройти Якутию за рекордно короткое время — 22 дня. Вывод: корма жалеть не нужно.

Все-таки радость, когда видишь, с какой неутомимостью работают собаки. Знаю, что по выносливости олени на втором месте, но олень живет независимо от человека — корм отыскивает себе сам, а собаки в Арктике полностью зависимы от человека и в выборе режима движения, и в корме. На голых пространствах Якутской, Малоземельской тундры ездовые псы практически лишены возможности охотиться. И вот эта ответственность за живое существо в большой дороге особенно глубока. Нельзя сказать, что все у нас складывалось, как мы хотели, но то, что нам удалось сохранить три четверти собак, твердо свидетельствует: в чем-то очень главном мы не просчитались.

Самый радостный миг — пересечение границы Ненецкого округа, моей родины. Там я встретил своих учениц с острова Колгуев. Конечно, сразу же пригласили в гости. Для учителя — самый счастливый момент, когда видишь, что судьба ученика складывается так, как причастствует порядочному человеку.

Самый радостный момент — это встреча с женой. Она нашла силы и возможности добраться до берега Карского моря. Запомнил белый полярный день, река Большая Ою. Там, на ее берегах, охотился на гусей и мне нельзя было уронить чести ненецких охотников. Плохо летели гуси, но сколько надо ждал...

Югорский Шар — труднейший барьер. Один из последних... Ледоколы уже взломали лед. Идти пришлось по крошечку. Предупредил ребят, что в Югорском Шаре сильное течение, лед подточен, в любом месте можно провалиться.

Замечу, что прошел я маршрут счастливым человеком. Увидел своими глазами Арктику и теперь могу рассказывать о ней родному народу. Теперь могу спокойно, в полный голос сказать о том большом, где-то и смертельном риске, который нас подстерегал почти на всем протяжении маршрута. Мы могли потеряться на Чукотке, могли оторваться на льдине в бухтах Восточно-Сибирского моря, могли упасть в трещины Обской губы, Югорского

Шара, могли замерзнуть в Якутии, обморозиться на сопках Таймыра, могло не хватить сил. Но пришли живыми...»

17 июня 1983 года. Устье Печоры. 9700 километров.

Случилось то, о чем мы даже думать боялись: из-под нарт ушел снег. Сырой, тяжелый, он лежал толстым языком лишь у берега.

Артист, похоже, не любил землю, мох, сочащийся красной водой, рвался к снегу. Пожалел собаку, выводил ее к Печоре, где еще белели зимние воротники.

Финиш в Мурманске намечался на 15 мая. Мы слишком долго жили этим числом. Оно, число, ушло, ушли и силы... Воля просто не срабатывала: было уже 17 июня... Печора, последняя из великих рек севера России, преграждала путь. Она была холодная, с коричневой ржавью. Да и будь снег, едва ли смогли пойти дальше: нарты едва держались. Страшно устали собаки. Малицы почти просвечивали. Тобоки вымокли, прокисли. Болел Сергей, с черным лицом Ардеев, температурил Рыбин...

Тележки, на которых должны были идти дальше, весили сто шесть килограммов вместо сорока шести.

В Нарьян-Мар, к семье Филиппа, зайти не было никакой возможности.

— Достанем из-под земли, — сообщали из Нарьян-Мара, — даже не сопротивляйтесь.

Вертолет увез ребят, я остался с собаками. Ночью лохмачи Карпова перевернули врытую в снег бочку, где я хранил две оленьих ляжки на варено...

Ни крошки еды. Ни капельки сил...

Гена Севастьянов, участник группы переправы, которого оставили мне в компанию, все отлично понимал. Он только кпятил чай и не бередил меня. Вот и встал в страшный рост вопрос, который нельзя отложить ни на день: где взять силы? Практически, а это уже не было секретом даже для себя самого, я сжег в этом походе все, что имел...

На часы не смотрел: полярный день с его неуходящим равнодушным светом выматывал не меньше, чем полярная ночь. Биологические часы, если они, конечно, есть в человеке, не могли остаться в целости — в оцепенении просидел на досках почти сутки.

Дело было даже не в физической усталости. Эти последние пятьсот километров до Мурманска, какими бы они ни были трудными, экспедиция одолеет. Но просто физическое пересечение финиша не есть победа! Победа — понятие нравственное! Она должна знать исток, высветить каждый шаг к ней.

А вот этого как раз в эти часы и не выстраивалось. Не было сил духовных...

Холодная река, продрогшие за ночь на сырой земле собаки, чуть ли не волчий вой в сердце. Но сам, конечно, в эти часы работал. Перевязал собак попарно — на случай, если переправа будет именно в этой части Печоры, просушил малицы, вырыл собакам ямки, чтобы сочилась вода для питья, подогрел чай.

Домик, однако, был жилой. Не зайти ли? Старушка, жившая там, несколько раз подходила, но еды попросить я стыдился, вечерами же она тихонько пилила бревнышки: зимы в Юшино холодные.

Да, да, непременно надо зайти — разве есть лучший целитель души и сердца, чем бревенчатый русский дом?

Старушка пила чай с сухарями. Подвинула табурет. А я не мог найти для хозяйки ни единого слова...

...По Печоре просакивали моторки. Одна из них пристала к берегу. Вышел мужчина средних лет. На нем сапоги, штормовка, рюкзаки в руках.

— Экспедиция? Быть не может... Вот повезло!

Разговорились. На огонек еще приставали лодки, появилась еда — хлеб, сало, огурцы. Из разговоров почему-то запомнилось одно: помощи с удовольствием рассказывали про то красивое, что умеют люди, что умеют руки. У одного дочь рисует, у другого жена вышивает, у третьего сын неожиданно запел, и такой голос, такой голос!

Проводил гостей за полночь. По-тепело. Собаки спали. С души сходило. И все выстраивалось на душе как надо.

Рано-рано пришла баржа. Переправа. Собаки рвали поводки, будто и не было усталости. Что же я-то скис? Грузим ящики. Нагибаюсь над одним, чтобы поднять, а напарник, Володя Рыбин, не нагибается. Его качнуло. Да он же неделю голодает! Стыд прожег меня...

3 июля. Индига. Берег Баренцева моря.

До Индиги оставалось всего 5 километров. Всего 5! Но вчера, без переправ через речки, прошли 6. А нынче лежала еще и река с топкими берегами. Надували резиновые лодки. Переплывали тележки. Потом собак. Шли по болотам и озерам. Высокие кусты совершенно непроходимы для собак. Словом, все было, как вчера. С той лишь разницей, что в конце броска была не привычная стоянка в окружении воды и комарья, а долгожданный поселок — Индига.

Индига! Она — последняя точка Евроазиатского материка. Все спрavedливо, начинали экспедицию с шести километров в день, а закончили вот пятью.

Мы почти не чувствовали красот Индиги — поблескивающей реки, зелени, толстых, подушечных облаков, свежих выдохов Белого моря. Мы этому великолепию не верили: трудно ослабевала пружина внутри, так часто обманывала нас погода, так дожимала она нас эти девять месяцев.

Проспали двое суток.

Я попросил у Володи выдержки из его дневника про самый трудный участок. Он принес описание маршрута Певек — Устье Русское.

— Ты бы лучше про голодовку дал.

— Не голодовка, а временное голодание... Самый трудный был у меня январь. Он и сейчас живет во мне...

Владимир Рыбин.

Родился в Дебальцево Донецкой области. Окончил Ворошиловградский медицинский институт, по распределению работает в Свердловской железной дороге больницы.

Владимир — мастер спорта, участвовал в походах по Башкирии, Южному, Среднему, Приполярному и Полярному Уралу, Камчатке, Саянам, Северному и Центральному Кавказу. Он — участник приполярной экспедиции 1979 года, организованной журналом «Уральский следопыт». Женат, двое детей.

«...Самое главное — встречи с людьми. Они как бы перевертывали представление об Арктике. Вот охотник Иван Лебедев. Ему 70 лет. Когда подошли, от усталости, конечно, не могли даже пошевелиться. Он вызвал собак, покормил их рыбой. Домик у охотника — прекрасной, неутомимой печкой. Пока гостим, с нее не сходит два чайника. Чай пьем весь день. Супруга Ивана Анисимовича сутки не отходила от плиты: готовила нам.

Ели мягкий хлеб, выпеченный этой смелой русской женщиной, скоротавшей с мужем в Арктике почти полвека; попробовали оленьё мясо с кровью — национальное якутское блюдо.

Хозяева не спрашивают, но мы оттаиваем, и разговоры идут часы напролет. Все о том же: о человеческом деле, о природе, о зверях, о собаках, о трудном пути.

Но всегда один-двое попеременно заняты неотступным делом: корм, упряжь, карты, одежда, маршрут...

Крайняя точка Якутии — тысячи километров от крупных городов, но социальной изоляции нет.

Прмят об охотниках в Якутии. Приехала бригада, которая из собранного плавника заготавливает дрова. Лебедеву они оставили годовой запас. Трудно, но добрались культработники; благо, у охотника прямо в домике есть своя киностановка, и для двух человек крутят фильм. А что же: два человека в Арктике — это много... Еще одну встречу, пожалуй, никак не обойти — со Слепцовым Саввой Алексеевичем. Он в Якутии охотник известный. За полтысячи километров слышали о нем: у Саввы так, Савва может, Савва сделал так... Он — единственный охотник на побережье, который выполнил за пять лет план двух пятилеток.

Рыбку на корм, правда, дал все же прошлого годню. Собак он, видно, не чит. У него два «бурана». А нам в дорогу выделил два десятка чирков...

Вблизи Колымской протоки зафиксировали самую низкую температуру — минус пятьдесят два градуса.

Шли в сплошном молоке. Азимут вроде взяли правильно, на протоку, но удалились в тундру.

Начался кочкарник, между кочками — мягкий снег, нарты все время проваливаются. Шли так медленно, что нас мог бы обогнать пешеход. Бесчисленное количество русел, островов. Потихоньку потеряли ориентир. Правда, потом сообразили, что находимся где-то на главном русле.

Началась поэмка. Закружило так, что мы с Володей Карповым потеряли из виду остальных. В пурге — это потеря группы. Дали две ракеты — нет ответа. Собаки встали обессиленные. До ближайшего балка километров пятнадцать — двадцать, но как отыщешь его в этой мгле? Опрокинули нарты, часа четыре пережидали, лежа в снегу.

Решился сходить на разведку. И обнаружил, что Сергей лежит недалеко — среди собак, метрах в ста. Тут же, близко, остальные.

Яму свою я обтоптал, получилась как бы маленькая крепость.

Как накормить собак? Волевые приказы не срываются. Думаю: посчитаю до десяти и пойду, но считаю до двадцати, ста, а подняться не могу.

Потом с жалким криком влез все-таки в капюшон, попытался отрыгнуть собак, но руки замерзли настолько, что практически не гнулись, мороз их сразу прихватывал. Вернулся к нартам, достал пачку сахара, пополз к ребятам, раздал им, сам немножко подкрепился. Снова пошел разрывать собак. Чувствую, что без маски не могу. А она — сплошной кусок льда. Размочил ее немножко на груди, а сам обвязался платком. Собаки полностью занесены. Лежат, практиче-

ски вмерзли в лед — уже не жили. Успел выстегнуть Черного, но он тут же упал без сил. Взял его на руки, глаза у собаки грустные. Очень не хочется, чтобы Черный погиб — это подарок охотника Гены Выборнова из Биллинга. Вдруг сквозь пургу услышал лай собак и вместе с ним волшебным образом возник человек и сказал: «Я — охотник Рожин». Он только покачал головой, осмотрев наш лагерь. И ни за что не хотел верить, что мы тридцать девять часов пролежали в снегу.

Рожин нас провел до Яра. Собаки полетели, как ветер, в Устье Русское. Мы спасены.

Баренцево море. 3 июля 1983 года.

Все пожитки, собаки, мы сами уместились в небольшой баркас. «Иван Киреев» стоял в сорока милях от берега. Отправились.

Поднялся ветерок, перешел в упругий стойкий ветер. Зарябило. Накрепла волна. Начало опасно покачивать: перегружен баркас. Пена с гребней уже летела на собак. А до «Ивана Киреева» далеко.

Правда, заметили, что нас хорошо болтает. Подошел катерок. Мы в него попрыгали. Но Сергей остался с собаками. Мы понимали, Сергею надо побыть одному. Приближался важный момент — встреча с Иваном Дмитриевичем Папаниным.

Я не все принимал в Сергее, но ни секунды не сомневался, что он приведет к победе. Все-таки стальная у него воля. Он упряма как черт. Он не любит поражений.

Сергей записывал:

«Я помнил слова Папанина, сказанные на последней встрече в Москве: «Что бы ни было, ощущайте плечо верного друга. Я уверен, что встречать вас всех буду здоровыми. Я верю в вас». О главном доложу: маршрут одолен, все здоровы. Но кто мы теперь? Дружба — святое понятие, но и капризное, чего греха таить. Когда надо выигрывать во что бы то ни стало, единомыслие — вот ключ. Были единомышленники, стали братьями. Да, мы теперь как братья, сказал Ивану Дмитриевичу, когда обнял его на палубе корабля. О людях ранга Ивана Дмитриевича Папанина говорят, что они — надежное соседство от пошатнувшейся веры в человечество...

Папанин — дважды Герой Советского Союза, контр-адмирал, кавалер восьми орденов Ленина. Но для меня величие этого человека еще и в том, что трудится он по сей день и по заведенной привычке приходит на работу первым, задолго до начала работы, часто поджидая сослуживцев, сидя на приступочке крыльца. А свою пенсию контр-адмирал отчисляет в Фонд мира.

Он сказал нам:
— Вы сделали подарок Родине...»

...Никогда в жизни не испытывал большего разочарования. Мощно шел корабль водами Баренцева моря, а мимо проплывала Арктика.

Может, корабль, плывущий в океане, открывает человеку иные дали? Не знаю. Собаки чувствовали себя превосходно. Соленый ветер им нравился. Разлеглись! Камбуз «Ивана Киреева» похоже, работал на упряжку: сердобольным кокам все казалось, что собаки голодны.

Осмелился, подошел к Ивану Дмитриевичу. Меня поразила его работоспособность: встретился с нами, потом — с командой судна, приветил журналистов Центрального телевидения, радио; ночью поднялись на борт партийные и хозяйственные руководители Кольского полуострова. Папанин трудился шестнадцать часов в сутки. Но дал понять, что поговорит с каждым из нас с глазу на глаз. Беседовали полчаса. Спросил меня:

— Пошел бы снова?

Я не готовился к ответу. Но сказал честно, что подумал в ту минуту:

— Если привезти в вертолете к Уэлену, то из машины не выцарапать. Страшно даже посмотреть в ту сторону, куда пошли...

А в каюте сладко спал Паша Смолин. Он первым сбрил бороду и стал таким незащищенным.

Тренированный, сильный, пылкий, он вел как штурман неплохо. Был как-то неуловимо рядом в самые сложные моменты. До дерзости смел. Раз-другой спас мне и саму жизнь. Он понял и принял дорогу. Возился со своим магнитометром, как с малым дитя. Что-то открылось в Паше: непривычно робея, читал в Хатанге свои первые стихи.

Павел Смолин.

Свердловчанин. Специальность — инженер-геофизик. Работает в лаборатории скважинной магнитометрии Уральского научного центра АН СССР. Он — кандидат в мастера спорта по зимнему многоборью ГТО.

Отправляя Павла Петровича в полярную экспедицию, директор Института геофизики Б. П. Дьяконов сказал: «Хорошо, если бы вы, ребята, посмотрели, что под ногами лежит». Научная цель Павла отвечала напутствию. Павел испытывал специальный магнитометр.

Он заносил в дневник:

«4 июля 1983 года. Кольский полуостров.

Последний участок от Териберки до Мурманска — скальный. Обочь дороги — перевалы и пропасти. Махни случайно упряжка влево-вправо, загремишь со стометровой высоты. Дорожка!

Когда читал о древней Коле, написал себе несколько фактов. Уже в XI веке новгородцы были здесь. После их похода в 1032 году летописец гусиным пером вывел грустные слова: «Мало их прииде». Есть и древнее сказание «Гость Двины» о кормщике Андрее Двинянинове, который жил в те времена, когда по северным морям и берегам государил Великий Новгород. Ему в память поставили звонницу, вырубавшую моряком во время туманов.

«В Мурманском море, на перепутье от Русского берега к Варяжской горе есть смятенное место... Под водою гряды камней, непроглядный туман...» Сюда мы подплыли. И как похожи границы восточные и западные России — прочные, неприступные, скалы! Не по зубам, кто сунется с недобрым, — ни с той стороны, ни с этой...»

А у меня хлопоты. Начал экспедицию Сергей. Хотелось, чтобы на материк первым ступил Ардеев. Он заслужил право на это. Задержал немного ребят под видом фотографирования. Филипп, покряхтивая, вышел на землю древней Колы. Было пять часов утра. Филиппа сразу обступили портовики...

На Кольском полуострове нам предстояло пройти гористый, обрывистый перевал. Не стали рисковать, отправились в горы без собак (их до туристской базы должны были довести на машине). Последний сложный участок. На базе — жесткая новость: семь собак не перенесли перевозки...

Мурманск, 6 июля 1983 года.

Теперь за вожака идет Султан, рядом Звезда. Ведут упряжку ровно. Улицы запружены народом. На пяти собаках я, конечно, отстал. Толпа сомкнулась, а до трибуны еще далеко. Пришлось оставить собак, пойти пешком. Остел захватил с собой.

— Куда ты с этой палкой, — шикали милиционеры из группы охранения.

На Чукотке мы остались почти без остелов. Они ломались, как спички, особенно на спусках. В Певеке я пошел к рабочим и слезно взмолился. За день рабочие теплоцентрали выстругали черенки, сварили наконечники.

— До Мурманска дойдут, — сказали они.

— Если дойдут...

— Тогда взметните над головой на финише, чтобы мы знали, что не подвели вас.

Запомнился сеанс прямой комической телевизионной связи. На площади установили телекамеры, ждали, когда на экранах появится знакомое изображение Владимира Ляхова и Александра Александрова.

— «Протоны», «Протоны»! Вы слышите нас?

— «Протоны» на связи! Слышим и видим отлично.

Соловьеву передали микрофон:

— От всех участников нашей экспедиции рад приветствовать вас!

На экране крупным планом возникло лицо Владимира Ляхова:

— Мы хотим вас поздравить с завершением экспедиции. Даже по космическим меркам она впечатляет. Что трудной была, — знаем. Но еще и еще раз убедились: нет трудностей, которых бы не пересилили советские люди. Спасибо вам, ребята.

Космонавты показали снимок нашей группы в море Лаптевых, сделанный Володей Чистяковым. Он успел проявить, напечатать, вручить космонавтам. Хоть и плыло изображение, а мы узнали и торосы и почти неземной свет голубого снега, белого Штурмана, свернувшегося клубком.

Все — страшная даль: до снимка в космосе, до моря Лаптевых...

12 июля. Звездный городок.

Ни в каком сладком сне не приснилось бы, что доведется выступать перед залом, заполненным космонавтами.

Я сказал, когда дали слово:

— Вы видите землю из космоса маленьким голубым шариком. А нам одна только Арктика явилась бесконечной... Какая же она, правда о Земле?..

24 июля 1983 года. Село Коптево, Свердловская область.

Какая же она, правда на Земле?

Мы сидим на берегу реки Реж — я, сын, дочь, пес Султан. Внизу вода, дальше скалы, лес, дорога, небо. Вот и отчий дом. Сиротский теперь. Два дня не дожидая до возвращения моего мама...

Что-то слышит вожак во глубине земли, в тчении вод, в вышине, быть может. Да, стодвинулось облако, плеснуло теплом. Солнце. шло таким же парусом алого света, как после полярной ночи на Чукотке.

Юля не удержала мощный рывок собаки:

— Папа, Султан унесет меня!

Мчись за ним дочь! Мчись вперед, раз такое в нас заложено. Мчись — не заблудишься. Человек ведь всюду дома на своей земле.

Уэлен — Чокурдах — Хатанга —
Андерма — Мурманск — Свердловск

ВЕЧНЫЙ ЗОВ

**Валерий
ПРОСКУРИН**

*На вкладки
фоторепродукции автора*

В мастерской пермского живописца Владимира Федоровича Мальцева я увидел странный предмет: стеклянный шар, оплетенный канатом. «Этот поплавок привезен с Камчатки — подарок рыбаков», — объяснил художник. Так начался разговор о его путешествиях по Уралу, Сибири, Дальнему Востоку, Кавказу, впечатления от которых питают творчество художника. Нередко трудно определить точные географические «координаты» его полотен. Ведь художник стремится создать, по его словам, обобщенный образ природы, а не ее моментальный снимок.

Картины Мальцева глубоко индивидуальные. Это хорошо понимают зрители, благодарные художнику за его человеческую и творческую щедрость. Вот лишь один из многих отзывов о недавней большой выставке живописца: «За картинами встает личность художника неукротимой энергии, мощности и крепости духа, огромного жизнелюбия». Именно эти качества помогли художнику найти свой путь в искусстве. Овладев мастерством декоратора, он несколько лет оформлял театральные спектакли. Однако потребность в самостоятельном творчестве привела его в станковую живопись. Участие в 1-й художественной выставке «Советская Россия» придало уверенность в своих силах, открыло новые возможности в освоении живописного языка. Постепенно сложился собственный стиль, в котором художник многое «унаследовал» от театра: яркость и праздничность красок, укрупненность формы, зрелищность и эффектность композиции.

Во всех своих поисках В. Мальцев верен мысли о высоком предназначении человека. У художника нет «неодушевленных» картин. Особенно емко он выразил понимание человека в картине «Геологи». Ее замысел долго вызревал в геологических экспедициях и размышлениях... На подступах к этой картине художник написал «Рыбаков» — динамичную, яркую, звонкую картину. В «Геологах» изобразительные средства скупее, но зато достигнута предельная обобщенность мысли. Пластичный, поистине скульптурный образ воплощает героический идеал человека, представление о его величии, мужестве, стойкости. Это монументальное полотно объединяет и завершает целую серию картин, написанных

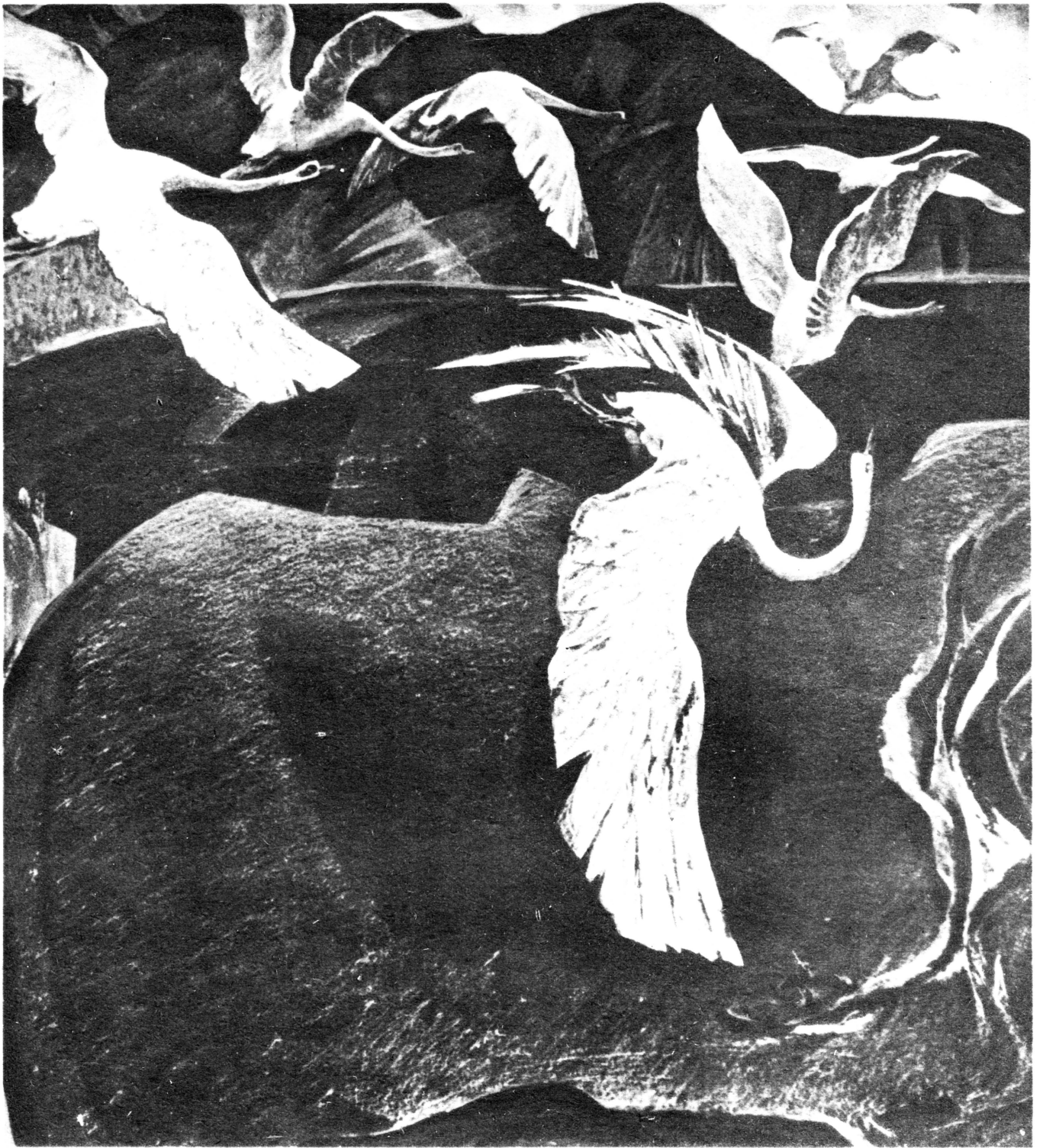
в разное время и изображающих людей трудной, романтической профессии. Фигуры геологов словно вырастают из земных недр, существуют слитно с природой. Чувство причастности человека к миру пронизывает и картину «Вечер», наполненную светом и радостным восхищением красотой природы.

Ведущей темой многих картин В. Мальцева является активное преобразование природы, создание «второй природы». Сгустком человеческого труда представляется порт в картине «Трудовые ритмы». Органично вписываются в суровый северный пейзаж суда и краны, напоминающие огромных животных, рожденных землей и водой. Эта картина, столь энергично передающая мощь человеческого разума, пожалуй, одна из лучших в «индустриальной» серии картин художника.

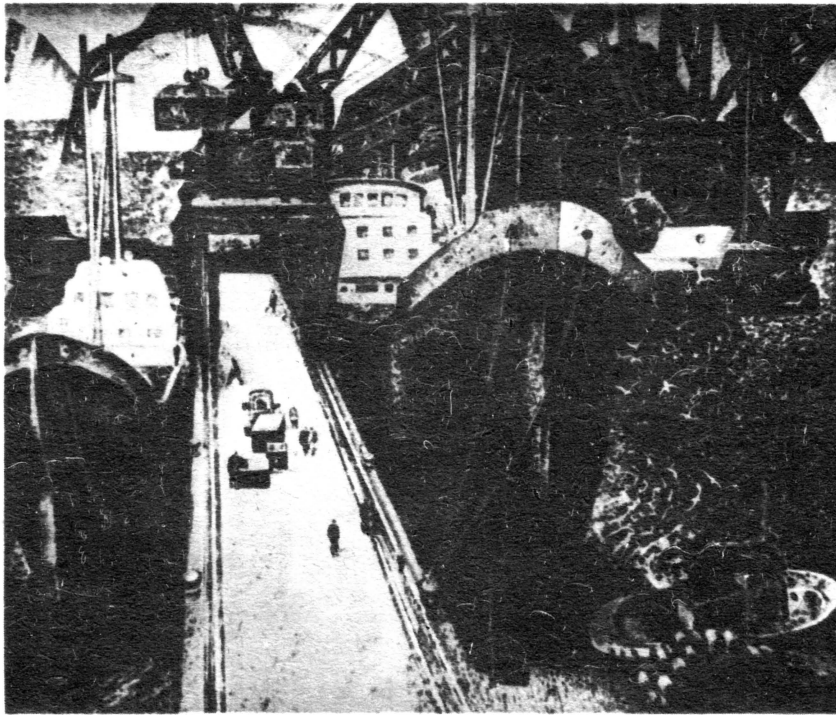
Обладея социальной зоркостью, В. Мальцев вызывает к ответственности человека за судьбу природы. Таковы его «Рождение моря», «Индустриальный мотив».

Художник соизмеряет свое творчество с лучшими образцами советской живописи. Картина «Вечный зов» близка по тематике картине А. Рылова «В голубом просторе». Их роднит романтическая приподнятость, возвышенность взгляда. Однако почти физически ощутимо чувство тревоги, выраженное замкнутой композицией. Даже рама картины воспринимается как клетка, которая ограничивает птичий полет. Впечатление усиливается всплеском волны, подобным глубокой ране.

Такое решение не полностью удовлетворило художника, и, развивая тему, он написал картину «Последний перелет», в которую ввел фигуру раненой птицы, раздвинул горизонт... Повинуясь вечному зову красоты, В. Мальцев своим искусством утверждает значимость природы для нас и будущих поколений.

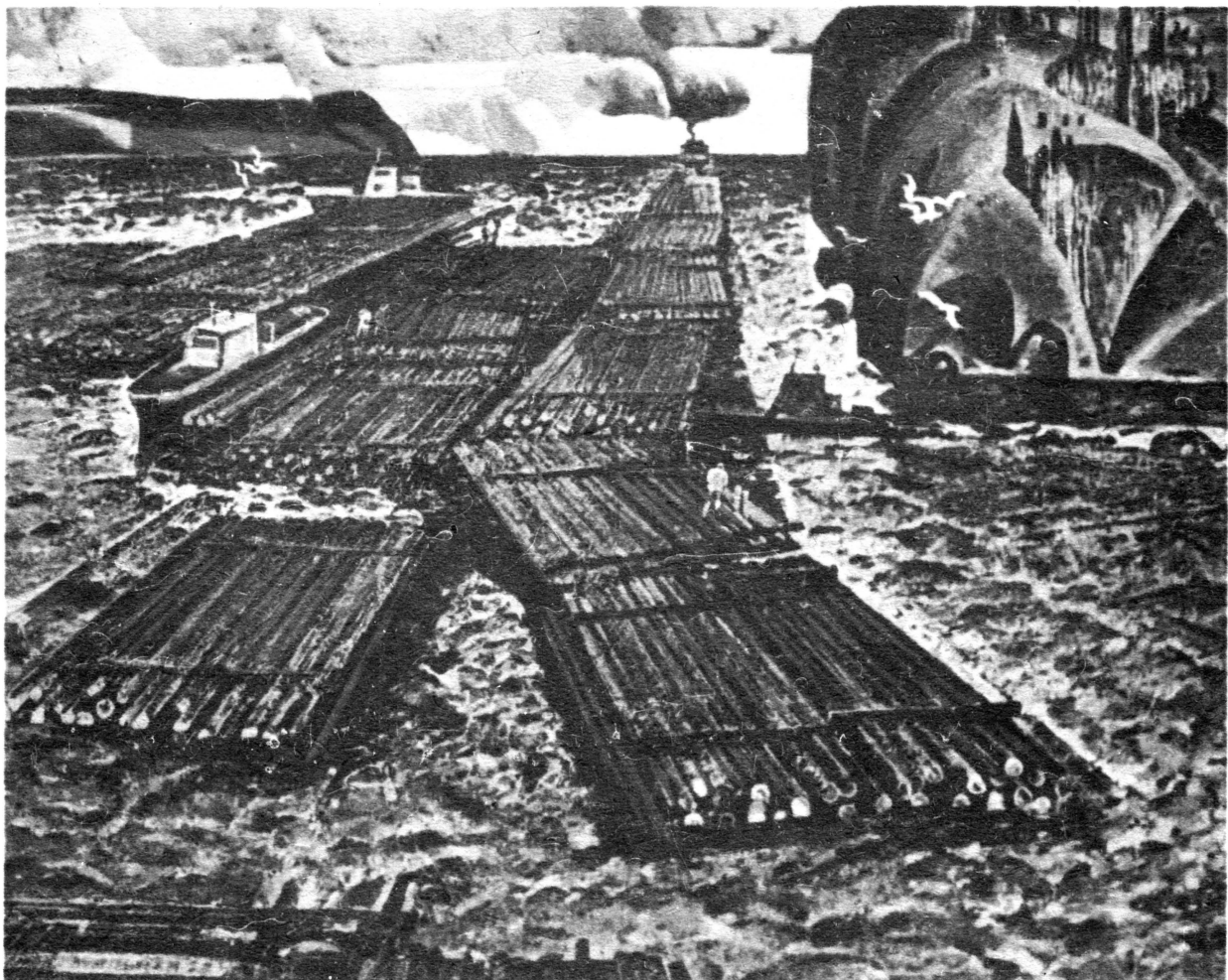

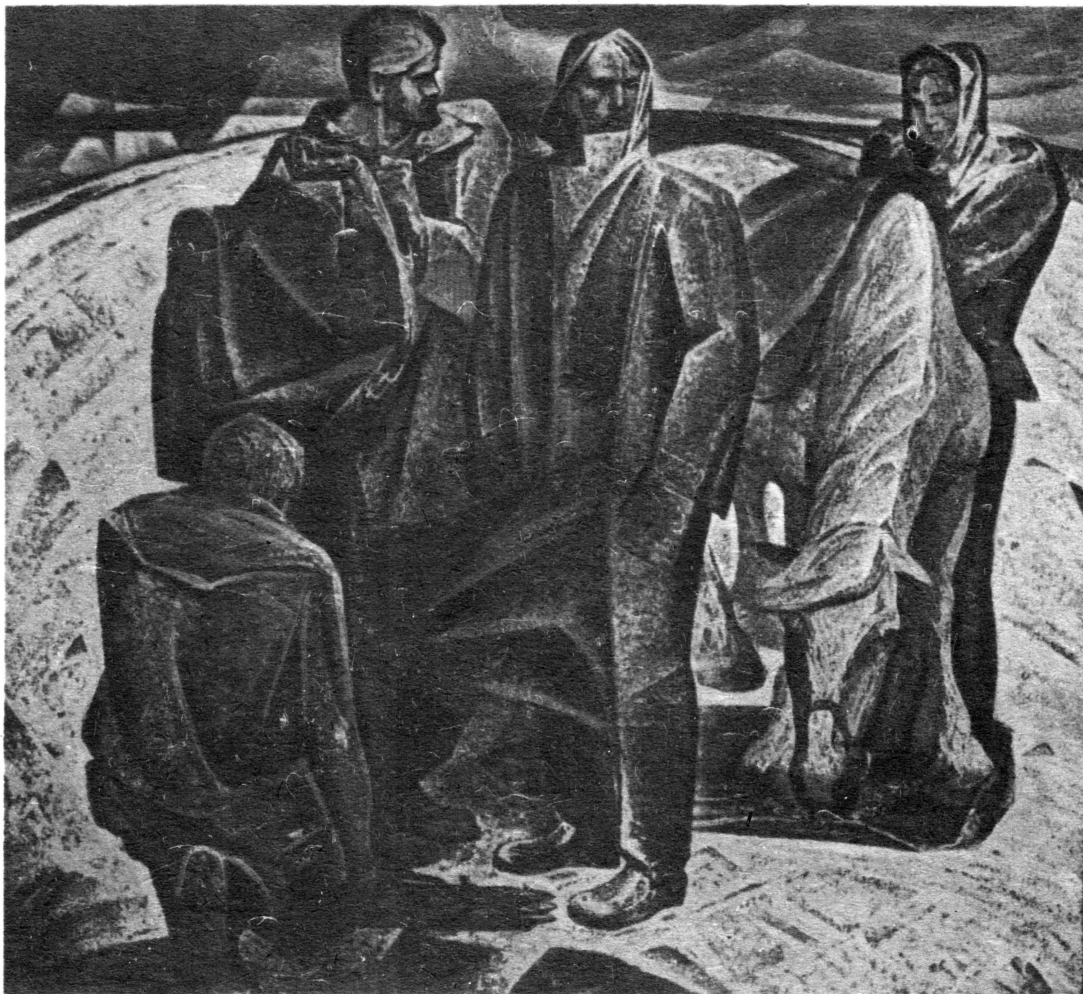
ВЕЧНЫЙ ЗОВ

ТРУДОВЫЕ РИТМЫ

ЗОЛОТО ПРИКАМЬЯ

ГЕОЛОГИ

ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ МОТИВ

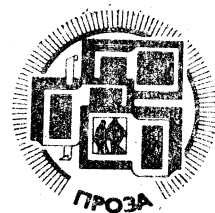

ПОДСАДНАЯ УТКА

Владимир
ШАПКО

Рисунки
А. Туманова

Будто наслушавшись черт-те чего в лесах Алтая, женой ревнующей выскакивает из предгорья взбалмошная речка Ульга. Нетерпеливо, зигзагами распахивает на стороны слоенные берега городка — и понеслась на расправу с этим обманщиком Иртышом. Тут встреч ей остров растопырился, словно остановить, образумить ее хочет — какое там! — мимо двумя рукавами обносится, и не слушая ничего, и не оборачиваясь. У насыпной старинной крепости соединяется вновь, и помчалась гулко вдоль крепостного вала, кулаками духаристо размахивая. В Иртыш ворвалась: ах ты, такой-сякой-разэтакий, Иртыш! Ты это с кем тут занимаешься?! Но перед недоуменным и величавым спокойствием супруга язык прикусывала, виновато припадала, пряталась на могучей груди и успокоенно растекалась.

К середине лета один из рукавов Ульги, огибающий остров, пересыхал в своем заходе, и образывалась из этого рукава не то протока, не то озеро, не то болото. С четким, однако, названием — Поганка. Вдоль берега Поганки перед войной и особенно после нее понаселались, понастроились бойкие люди. Хлевушки захрюкали, замычали стайки, огороды поползли к самой воде, утки, гуси закричали, заготовали — и все в Поганку, все в нее, родимую. Люди эти бойкие быстренько свели почти всю тополиную рощу на острове, и та несколькими уцелевшими счастливыми-тополями, свесившимися с берега, безуспешно пыталась теперь разглядеть в грязевой воде Поганки, что от нее, бедной, осталось. А где кончается просто грязь и начинается просто вода, — определить в Поганке было трудно. Бывало, играют ребятишки в догонялки, нырнет какой-нибудь нырок, отрываясь от погони, и шурует лягушонком под водой, как бы темень руками разгребает. А темень-то гуще, гуще: что за черт! Нырок пуше лягушатит — еще хуже: ничего не видать, тьма кромешная! Вынырнет испуганно наверх, как из жидкого теста выхлынет, —

грязища! — лежать можно. Однако когда тут лежать? Вон догоняющий серым гальяном выхлынул рядом, головенкой крутит, грязью плюется: погоня! погоня! И тут же оба у-уть! — ушли обратно в грязь и вон — уже на середине выныривают, и мордашки вроде бы просветлели у них. Это, значит, уже вода там.

А неподалеку, у берега, стоит с удочкой по колено в грязи юный рыболов в тубетейке. Рыболов серьезный, упорный. Ему не до догонялок. Он ждет «шшуку». Вот клюнула! Р-раз! — подсек. Ага, попалась! Тяжело, однако, идет. Выволок — ведро ржавое, и головастики из него сигаю... Но тут, как зверь на ловца, — голос. Из-за взгорка, с улицы: «Утильля-я!» Это болтается на своей телеге, кричит казах Утильля. Будто кол из-под телеги воткнул в него: голову вскинет, закричит благим матом: «Утильля-я-я! Сырыё-ё-ё! — и уронит голову в белую бороденку, и мычит, пережевывает: — Тряпкам-м, железкам-м, костяшкам-м, бырем-м... все бырем-м...» Снова кол снизу: «Утильля-я-я-я!»

Оголец хватает выуженное ведро, удочку — и побежал навстречу. Утильля смотрит на огольца добрыми старческими размытыми глазами, берет ведро, прикидывает вес, вздыхает и забрасывает на телегу. Долго роется в драном чемодане. Улыбаясь, протягивает огольцу рыболовный крючок и впридачу гнилую, кустарно красенную подозрительную резину под названием «воздушный шарик детский». Оголец аккуратно цепляет крючок на тубетейку и бежит обратно, удить. Раздуваемый «шарик детский» красным рогом бычится спереди огольца: з-забодаяю!..

И вот в этом «водоеме» решил Пашка учить Юру плавать. А что? Водоем Поганка самый даже подходящий. А то куда дело годится: люди купаются, уныривают, в догонялки играют, а человек на бережку сидит. Грустный. Или на мелководье визгастой девчонкой приседает. А? Как на такое смотреть? Нет. Учить. И немедленно!

— Паш, а смогу?

— Сможешь, Юра, сможешь!

Окончание. Начало см. в № 11, 1984 г.

Пашка взял длинную пеньковую веревку, Юру, Ляму и Махру и решительно двинул на Поганку.

...Лодка плавила круги на самой середине Поганки: до берега — страшно подумать, не то что посмотреть. Юра цуциком трясся на склизлом носу лодки. Был он захлестнут по животу веревкой. Пашка сзади держал веревку — страховал. Ляма и Махра вцепились в борта лодки, экспертами ждали. Что будет.

В который раз уже Юра поинтересовался, как тут с глубиной, достаточная ли. Его успокоили: в самый раз.

— Это ххорошоо, когда глубокоо,— дрожала лодка.— Только, может, где помельче сперва, а? Рребьятаа? — Юра поворачивается и «вопниюще» ловит глаза друзей. Махра и Ляма уводят глаза — «не даются».

— Тебя чего, столкнуть? — глянул из-под бровей Пашка.

— Нет! — взвизгнул Юра.— Я сам!

— Ну так давай! — Пашка озабоченным боцманом запербирал веревку: Юры тут всякие на судне, время только отнимают!

Вздыхнул Юра судорожно, выдохнул: а-аа-ахх! — и прыгнул.

А прыгнул-то... и не «солдатиком» даже, а теткой какой-то растарашенной бултыхнулся — брызги на всю Поганку. Утки хлынули в стороны, а в лодке все безглаголю сморщились.

А где Юра? Нет Юры! Кирпичом ушел. Только пузырьки наверх карабкаются да Пашка лихорадочно веревку стравливает. Чтоб, значит, утопление свободное обеспечить Юре. Ляма кинулся к веревке, потянул. Пашка хладнокровно саданул его локтем. «Не мешай! Вынырнет!» И застыл: пузырьки изучает. Веревки еще много в руках, да и конец ее вон к цепи привязан, так что, если Юра даже надумает пойти по дну на ту сторону, хватит веревки. Все предусмотрено. Без паники. Вынырнет.

И точно: с мелкими пузырьками огромным пузырищем вылупился очумелый Юра и лопнул криком:

— Ребя... я... помог...—и спокойно ушел под воду. Тут уж не зевай! Пашка молниеносно завыкидывал веревку, вылупил Юру — к лодке тащит. Махра с Лямой мечутся, суетятся, мешают. А Юра совсем очумел: рвется с веревки, на простор, весь воздух, все небо — до дна, до дна! Руками грабастает, а все уходит, мнется, опоры нет! Поганка бьет в лицо жидкими деревьями, берегами, лезет в нос, в глаза, рвет грудь, голову, сердце...

— Ребя-я... тону-у!.. краха!.. тон... спаси...

Пашка неторопливо подтягивает Юру к лодке, и нет, дураку, совсем вытащить его или хотя бы на борт навесить — так давай его успокаивать, учить плавать давай: поддернет Юру как кутенка и отпустит, поддернет и отпустит...

— Спокойно, Юра, спокойно. Ты на веревке. Плыви...

Какой там! Юра молотится, хлебает, орет. Вдруг дьявольски вывернулся, цапнул со спины веревку, рванул — Пашка взмыл ногами выше головы — и в воду. Юра к нему — и как по лестнице наверх: к воздуху, к небу. Оба ушли под воду.

В лодке в ужасе усталились на пузыри. Тайменем задергало лодку. Ребята опомнились, схватили веревку, выхлынули тонущих на поверхность. А те бьются, молотятся, рвутся друг из друга. Спасатели бросили веревку, разинулись. Тонущие опять ушли. Вдруг в стороне вынырнул Пашка. Один.

— Тяни! Тяни-и-и!! — захолопался по воде руками.

В лодке электрически задергались, мгновенно подплавили безжизненного Юру. Махра ухватил его за узел на спине, выворотил в лодку. Пашка выпульнул на борт. Лодка болтается — вполовину воды. Юра лежит на спине, бледный, глаза закрыты, рот разинул... Чего теперь?..

— Эй вы-ы! Ну-ка, чего вы там! А ну к берегу давай! — Возле самой воды прыгает на одной ноге, сапог сдирает водовоз Журавлев. Кобыла с бочкой — на бугре. — А ну живо! Пашка, кому говорю!

Ребята переглянулись, присели. Ляма заныл: «Чего теперь, Паха, а?» Пашка подхватил Юру под мышки. «Помоги!» Кинулся Махра, положили Юру на сиденье животом. Пашка пошел толкать руками в спину, как тесто месить. Толчками полилась вода. Юра застонал. Быстро перевернули на спину. Юра открыл глаза.

— Паша, где я? Паша...

— Юра, живой! — сквозь слезы рассмеялся Пашка. — Живой!

— Урра-а! Приказ! Живой! Урра-а! — забесновалось, запрыгало в лодке...

Приходили на Поганку и на другой день... И еще несколько дней ходили. Через неделю Юра поплыл.

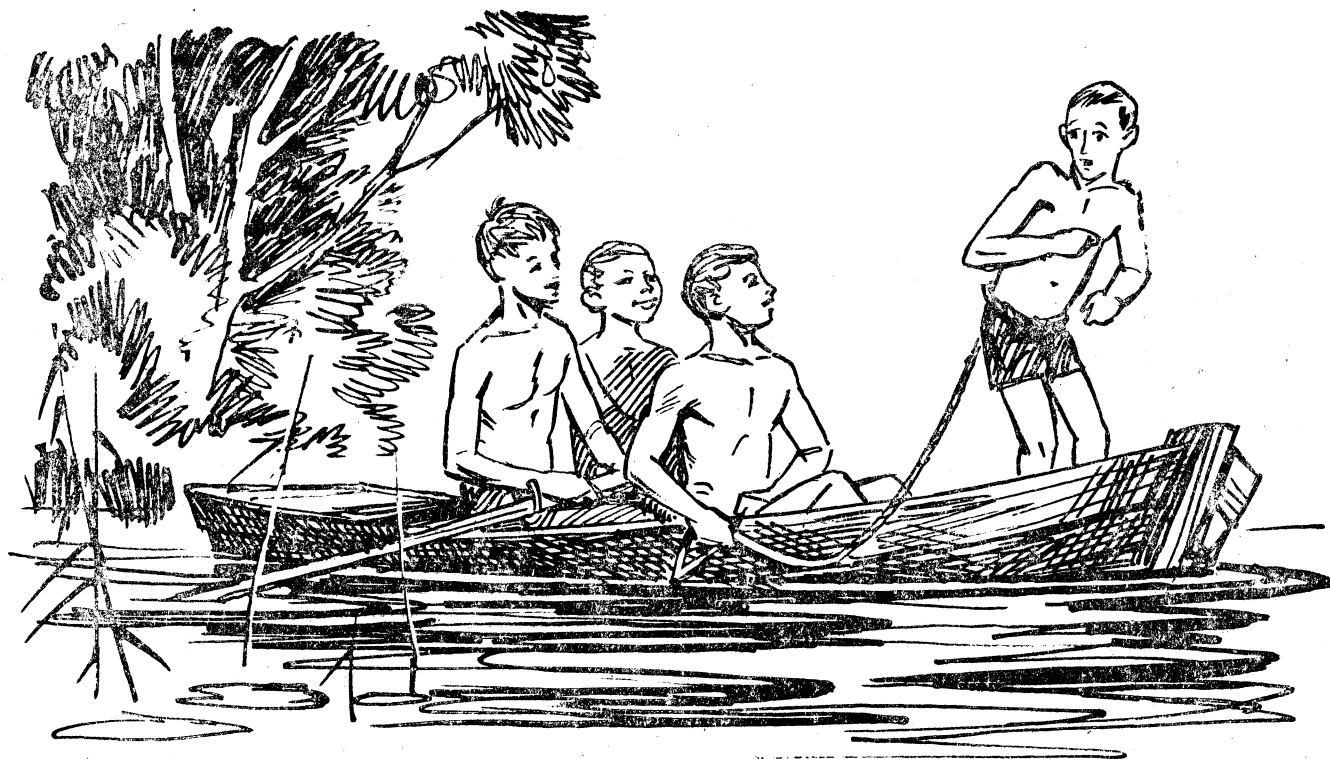
— Паша, плыву-у! — вопил он, крутя головой и поочередно вынося руки неуклюжими рогулинами на воду. — Плыву-у, Па-аша!

Пашка стоял в лодке, веревку стравливал.

— А ты как думал! Упорство — одно слово! Теперь ты человек. А то ишь чего надумал — на бережку всю жизнь просидеть. Шалишь! Плыви-и!..

12

Вон уже апрель на дворе распахнулся во всю ширь поднебесную, открытие охоты не за горами, а дяди Васиного ружья до сих пор не пристрелено. Непорядок. В одно из воскресений пошли. За Поганку, на остров, к Ульгинским тальникам.

По улице шли не торопясь, основательно. Солидно шли. Пашка по пояс провалился в отцовские болотные сапоги, дядя Вася, наоборот, был как подстреленный — в маленьких, ниже колен, тети Лизиных резиновых сапожках. Одна штанина дудкой у него была, а другая вылезла из сапожка и парусом косым по лужам вездась, будто велосипедная. Но тоже ничего, не так чтоб уж очень заметно было. И хотя снег в городке давно сошел — лужи, грязь, припекает порядком, — оба в стеганых телогрейках, как богатырской силой поддутые. Патронташ у Пашки гармонью на груди развернул. Дядя Вася свой внизу живота киллой пустил. Опять же у Пашки одностволка прямо в небо торчит, дядя Вася будто на коня взобрался — наискось горбатил двустволкою своей из-за левого уха. А по бокам охотников, как и полагается в таких случаях, весело припрыгивали ребяташки — они как те подснежники-желторотики, что сейчас повывулились цыплятками по всем взгорьям вокруг городка, разинулись и затрепетали на солнечном ласковом ветерку.

По льду через Поганку идти было уже нельзя — лед налился широкими закраинами и, сизо промокая, словно всплывал. Везде по нему кучи мусора, битого кирпича, золы. В грязных закраинах, как пацаны по первой, ледяной еще воде, возбужденно-радостно плескались домашние утки. Они истошно крикали, трепеща мокрыми худыми шеями. На противоположной стороне По-

ганки в закраину зябко ступили два голых тополя. По ним, почти у самой воды, поналипли лохматые грачиные гнезда — будто весенним половодьем намытые кучки хвороста для костерков, самой весной для новой жизни заготовленные. А в костерках этих уже орут, колготятся грачи, вовсю эту новую жизнь разжигают.

Чавкая сапогами по льдистым вытайкам, обогнули Поганку, прошли по-весеннему оплешенный остров, миновали сочные, в почках, тальники — на берег Ульги.

А где Ульга-то? Вот тебе раз! Лед один, как бутовый камень, торосится в тесных берегах. Задавил, заживо похоронил Ульгу. Вот тебе и буйная, непокорная! Тут какая сила нужна поднять все эти наворотни ледяные! Даже шевельнуть, стронуть их чуть — и то представить нельзя. Но всему, как говорят, свое время. Придет и ее — и покажет себя Ульга: как пушинки будет снимать она в половодье деревенские закопченные баньки вдоль своих берегов, как спичечные рассыпать на своем пути деревянные мосты и мостики! А пока где-то там, внизу, под этими ледяными громадами, копит силу, готовится. Возьмет свое Ульга, возьмет...

Пашка выбрал более или менее сухую проталину, достал из-за пазухи сверток старых газет, аккуратно расстелил их на земле. Ребятишки замерли вокруг, не шелхнутся. Пашка вынул из патронташа два патрона, прочел какие-то хитрые надписи на пыжах; из заднего кармана брюк

вытащил длинный химический карандаш, помусолил его и, присев на корточки, на верхней газете справа нанес карандашом опять же какие-то хитрые цифирки. Затем отцарапнул один лист от общей стопки и деликатно, как чистую простыню, понес его к тальникам. Все ребятишки баранами за ним. Подобрав подходящий куст, Пашка ровно укрепил на него газету, повернулся кругом и, высоко вскидывая сапоги, пошагал. Строевым пошагал к дяде Васе Пашка. «Метры намеряет», — поясняли друг дружке, спотыкались, падали за Пашкой ребятишки. Не доходя метров пяти до дяди Васи, Пашка стал, крутанулся кругом и резко, как команду, выбросил руку вбок и пальцами неторопливо зашевелил. Дядя Вася подбежал, сунул ружье. Пашка строго глянул на дядю Васю... Фу, черт! Не то ружье! Дядя Вася сдернул с себя двустволку, сунул. Пашка кинул ружье в левую руку, где-то в воздухе неуловимо успев его переломить, достал из кармана приготовленную пару патронов, ловко-плавно-резким движением — оба разом — кинул их в патронник и вздернул-захлопнул ружье. Ребятишки восхищенно замотались. Пашка вскинул, приник к ружью, затем приспустил его, строго глянул. В одну, в другую сторону — ребятишки тараканами от него, и всякое движение прекратилось. Пашка в ружье!

Пах! Пах! — почти одновременно. Классический дуэлет! Ур-ря-я-я, — побежали ребятишки к газете, и несут ее бережно. Пашка развернул, поднял, в «чтение» углубился. Ребятишки наперебой начали считать выхваченные дробью дырки. Пашка строго глянул из-за газеты — все смолкло.

— Так, так... А ведь не плохо, а? Дядя Вася? — наконец-то улыбнулся Пашка. Ребятишки радостно заврыгали. Дядя Вася задергал ружье.

— Дай, д-дай, я, я!..

Непереносимо-долго посмотрел на дядю Васю Пашка. Дядя Вася опустил руку, помотал ею, не зная куда деть, кинул на затылок — зачесал.

— Ну зачем так волноваться, дядя Вася? — с большой укоризной спросил Пашка. — Мы что, по воробьям пришли с вами цукать? Мы пришли пристреливать. Понимаете? А вы дергаете... У меня патроны нумерованные — путать нельзя, а вы... Настреляетесь еще. Вот отстреляю серию...

«Нумерные патроны... путать нельзя... серию отстреляет...» — уважительно зашелестело в ребятишках.

Дальше все пошло как по маслу: Пашка садил, ребятишки бегали, снимали-вешали мишени. Уже не изучая, Пашка складывал мишени на землю. Однако хитрые цифирки надписывать не забывал. «Серия» длилась долго.

Стрелял и дядя Вася. Но стрелял... уж боль-

но необычно. Он будто во что бы то ни стало хотел удержать выстрел в руках и потому взбрыкивал козлом как-то впереди его, выстрела. Но выстрел разве удержишь? Вот и получалось: подпрыгнет поперед выстрела и шебуршится потом сапожками на льдистом снегу, как бы успокаивая ноги, в первоначальное состояние приводя. Стеганет из второго ствола, и опять шебуршится на снегу и голову за дым тянет, увидеть там чего-то хочет... Странно стрелял дядя Вася. Но попадал тоже.

Ну, а ребятишки-то? Как же они?.. Стреляли! Все, как один! Которые даже по два раза. Правда, уже из Пашкиной одностволки, но шарахали будь здоров! Валерка Пикушкин — первоклашка — и тот саданул! Пашка встал на колени, поставил впереди себя побледневшего Валерку, вместе прижали приклад к Валеркиной пузогрудки, и Валерка трясущимися пальчиками дерганул курок: ж-ж-ж-ах-х! — кувыркнулись оба на спину, только дым пошел! Вот смеху-то было!

13

Учился Пашка неважно. Как попали они с пятого класса с Генкой Махрой на заднюю парту, так сидели там и не двигались. Как нездешние. Как временные какие-то. Вот-вот вышибать должны их, но сидят пока. Безобидные. Никому не мешают. А до каких пор сидеть будут — тоже неизвестно. Ушлый Ляма с первых парт нет-нет да и четверку изловит. Эти двое — нет: три-два, три-два, — так и хромали сзади, будто в колодах. И когда Юра спросил как-то у Пашки, куда тот собирается поступать после семилетки, Пашка пожал плечами.

Ребята пилили дрова возле Пашкиного сарая. Дрова — нетолстая, сухая сосна, пила хорошо разведена, направлена: звенит, поет, сама идет! Не пилишь — играешь!

— А ты подтянись. Год ведь еще. Целый год. А хочешь я помогу? И в техникум тогда.

— Не-е, Юра, я к учебе неспособный. Тупой я, наверно. Пробовал. Ничего не выходит.

Да кто это сказал? Тупой... нет, не хуже других. Просто, видимо, запустил, и все. Так что с завтрашнего дня они садятся за учебники, и он, Юра, дает стопроцентную гарантию, что через год Пашка сможет поступать в любой техникум! Кстати, в какой бы он хотел?..

Пашка положил полено на козлы, взял пилу, протянул ее ручкой Юре и, начав пилить, неуверенно как-то, смущенно сказал:

— Я бы в этот... в леснический бы...

— В какой, в какой?

— Ну, чтоб на лесничего. В лесу чтоб. Как он там называется?

— Лесной, наверно. Лесной техникум. А где он находится?

— Да не знаю я! — уже подосадовал на себя Пашка, что так неосторожно рассыпал мечту свою и, словно заметая ее обратно, как веником, пустил фальшиво-весело: — Ну, передохнем маленько?

— А хочешь, я узнаю?.. Папа мой узнает? А, Паша?

— Ну узнай, коль охота. Без толку только это все.

Но ведь они могли бы...

— Да ладно, Юра. Смотри-ка лучше — солнышко балуетя!..

А солнце и точно будто забавлялось в небе. Завидит облачко какое — и давай подкрадываться к нему, и давай на цыпочках за спину ему заходить. Обнимет, олучит со всех сторон: кто это, отгадай?.. Облачко пустит испуганную тень на землю, а солнце уж отскочило и смеется во весь рот: обмануло! обмануло! Серьезное облачко поспешно пятится подальше и оглядывается испуганно: ну и шуточки, однако! А солнце уж нового разиню высматривает. Ага! — вон целое облако шествует, будто начальник важный раздулось. Сейчас я его! — и давай опять подкрадываться, смех тая в груди... Пашка наблюдал, жмурился, улыбался...

— Паш, а почему ты книги не читаешь? — сдернул его с облаков Юра.

Пашка не то что не любил читать книжки — он почитывал, но описываемая в них жизнь казалась ему выдуманной, фальшивой, неправди-

вой, какой-то составленной, переделанной, что ли. И каждым писателем вроде бы на свой лад, а получалось на один, общий какой-то лад. Но жизнь, как не переставляй, все равно — жизнь. Вот она: во дворе, на улице — и она другая. И у взрослых, и у ребят... Обо всем этом он начал было путанно толковать Юре, но тот перебил его:

— И что, все плохие, все неинтересные?..

— Ну зачем... Есть ничего. Этог... как его?.. Робинзон Крузо ничего. Да и про Павку Корчагина стоящая. Айвенго, вон...

— Хорошо. Я принесу тебе интересные, правдивые книги.

14

Как-то, уже в середине апреля, Гребнев, ожив после очередного ступора своего, сказал удивленно:

— А я п-подсадную ку-упил...

— Да что же вы молчите целый вечер? — воскликнул Пашка.

Схватили «летучую мышь», поспешили к сараю.

Сарай у Гребнева большой: с сеновалом, с дровяником, с теплым коровником, где, как машина, пережевывает сено и шумно вздыхает раздутая, стельная корова; обитатели курятника квохчут, пурхаются в тесноте, в хлевушке паратройка опоросков выхрюкивает, — и все это за-

перто на тяжелые, как гири, замки, словно опломбировано на века. Справно живет Гребнев, крепко.

Утка лежала на соломенной подстилке прямо под курами, под насестом. Маленькая была уточка — чуть больше чирка. Вытянутая, как лодочка, и серо-ржавое перо на ней. Лежит как подстреленная — крендельком сложила шею на крыло, задернула глаз морщинистой шторкой.

Пашка присел и легонько подтолкнул уточку, дескать, чего ж ты дрыхнешь, посмотреть тебя пришли — вставай! Шторка раздернулась, головка, как брошенная, подкинулась вверх и заходила продольно-испуганно. Уточка вскочила и замоталась на лапках, как утка настоящая. Головка вдоль, а тулово поперек качаются одновременно — здорово интересно!..

Утку Гребнев купил у Петьки Шихалья — полусумасшедшего старика, пропащего голубятника, который в неизменном длинном пыльнике все еще сигал с ребятишками по крышам и чердакам. И отдал Гребнев четыреста пятьдесят. Пашка удивился цене. Да, ч-ч-четыреста пя-я-ятьдесят о-о-отда-а-ал, долго «искрили» склянки Гребнева коротким замыканием.

Конечно, Петька Шихаль голубятник — никакой: это признано всеми. Но подсадные у него — сила. Где, когда и как Петька отлавливал диких селезней, чтобы спаривать их с домашними утками, чтобы новую «подсадную» породу получить, — не знал никто. Однако когда его останавливал на улице покупатель — серьезный покупатель — и спрашивал про подсадную, Петька тут же выдергивал из-под пыльника утку, готовую, живую, будто только что им выведенную. Так что, если утка из-под Петьки Шихалья, это сила! Только на воду пустить: орать будет — наизнанку выворачиваться!..

— А зачем под кур-то посадил? Ведь обгадят всю!..

— Верно. Не п-подумал.

Перетащили соломенную подстилку в другой угол, осторожно перетянули за шнур вспаривающую крылышками утку и почему-то на цыпочках, как из комнаты спящего, уплыли с фонарем за дверь. И уж совсем ни к чему заскрежетал пудовый гребневский замок.

Придя от Гребневых домой и стаскивая в кухне сапоги, Пашка услышал радостный голос дяди Гоши из комнаты:

— ...у Кондратьева в автоколонне. Слесарем. Третья неделя пошла, третья, Ваня!

Речь, конечно, шла о Мите, догадался Пашка.

— Ну дай бог, Гоша, дай бог! — ответил отец.

Они сидели у самовара, накрытые уютным, приглашающим светом абажура. Мать, как всегда в это время, мыла полы в редакции.

Дядя Гоша отодвинул табуретку, пригласил Пашку чайку с ними попить.

Пашка сел. И зачем-то сразу рассказал, что Гребнев купил подсадную. Хотел, видно, показать отцу всю серьезность намерений Гребнева как начинающего охотника. И отец сразу зло-радно оживился.

— Так я и знал! — и полез за кисетом.

— Что ты знал? — как мог спокойнее спросил Пашка.

— Что купит подсадную. Так и знал.

— Ну и что?

— Ничего. Просто я знал, что этот кулак купит подсадную, что честно охотиться он не будет, — сказал отец и стал как-то уж очень любовно заглаживать скрученную сигарку вверх, словно это и не сигарка вовсе, а наконец-то склеенный окончательно трудный вопрос.

Пашка, уже понимая всю бесполезность спора, с надсадой спросил:

— Ну при чем тут подсадная утка и кулак? А? При чем?

— О ком это вы? — спросил дядя Гоша, но отец не слышал его и уже орал:

— А при том, разлюбезный сыночек, что тебе, сыну рабочего, партийца, негоже как-то якшаться со всяким кулацким отродьем! Вот при чем! Понял?! — И отец зло прихлопнул неприкуренную сигарку, вскочил и заходил по комнате.

— Да о ком это вы?! — рассмеялся дядя Гоша, но его не слышали.

— Да что вы все пристали к нему?! — кричал Пашка. — Ну какой он кулак? Какой?.. Он же работает... он же... — Пашка вдруг чуть не сказал, что Гребнев даже в партию собирается, но вовремя заткнул себя.

— Осел ты, Пашка, честное слово. Пойми: жулик он. Махровый жулик! Откуда у экспеди-торишки, у... у этого жалкого паразитишки такие деньги, а? Сразу дом покупает за многие тысячи, корову, свиней... Барахло все время везет и тащит! Откуда?.. А ты, сын партийца, ходишь к нему и жрешь там у них эти... эти подлые пироги!.. Ну чего, спрашивается, ходить туда? — спросил отец у своей тени в углу. — Ну какой, к черту, он тебе друг? О чем с ним говорить?

— А если б тебя попросил человек помочь... охоте научить... патроны... ты бы отказал, да? Отказал?

— Человеку — никогда! Пожалуйста, приходи в любое время, покажу, научу, что сам знаю... на охоту с собой возьму! Пожалуйста! Если ты человек... Но он-то, он-то?! Ну какие они, к черту, люди? Ведь одна выгода, жульничество в башках! И тебе он не зря крючок кинул, ох не зря-я! Вот только не пойму пока — зачем?.. Но попомни мое слово: измажешься в дерьме — долго отмываться будешь! Попомни... И ведь здороваться Склянка чертова стал: «З-з-здрас-ти, Иван М-м-миха-алыч!» Не-ет, тут что-то не так!

— Да о ком ты, черт возьми! — нахмурился дядя Гоша.

Пашка ринулся в кухню, плюхнулся за столик на табуретку да еще кулаком подперся обиженно. Но вопросы отца царапались, кололись, требовали ответа.

В самом деле, почему у них и отец работает, и мать, а живут впроголодь? Мяса зимой — так почти не видят. Ладно осенью, весной — охота. А зимой? Базар мясом завален, а спросишь цену — и отскочишь! Отцу вон молоко стали давать в типографии, так все равно домой несет. Да еще обманывает, что желудок не принимает, и мать ругается все время с ним из-за этого. А ему надо молоко — работа-то какая: 'пыль, свинец, баббит. Так втолкуй ему! «Пей, и никаких гвоздей!» Да еще смотрит, пока не выпьешь. А молоко это в глотку Пашке не лезет. А в магазинах что творится? С полгода как карточки отменили, а лучше бы не отменяли. По-прежнему — нехватка.

Но все ж таки послабление уже есть. Снижение вон было. Хоть и не больно чтоб уж очень товаров на полках, но все равно знаешь, что все дешевле теперь. Опять же — реформа денежная. Тоже — деньги другие, вроде красивые прежних. Но Гребневу-то плевать на все это, Гребнев-то живет! Ну, ладно — Сергей Илларионович. Ладно. Воевал. Да и начальник все ж какой-никакой. Ладно. Черт с ним! Но Гребнев-то: и фронта не нюхал, да и начальник... экспедитор... тьфу! А все есть. Почему? Может, бережливый просто? Да и не пьет?.. Но вопросы эти фальшивые были Пашке просто ложью во спасение.

Чувствовал он правду в словах отца. Да какой чувствовал! — знал, точно знал, все знали, что Гребнев жулик! Однако из дикого упрямства, а самое главное, из-за настойчиво вылезающей мысли о том, что его, Пашку, околпачили и продолжают околпачивать и дальше, мысли, которую он трусливо давил, заталкивал обратно, — Пашка не хотел признавать правоту отца. Трудно признаться себе в своей же глупости. Мысль не новая, но уж больно обидная.

Пашка вздохнул, полез в сумку за учебниками. Вот тоже: восемь экзаменов через полтора месяца... Это ж только в кошмарном сне может такое быть! Как сдавать будет Пашка — одному богу известно. Эх, лучше не думать ни о чем! Пашка бросил сумку и снова навесил голову на кулак.

15

Наконец к середине апреля Иртыш медленно, вяло, как чалдон после городского базара, начал стаскивать, снимать свою ледовую шубу. Спустит один рукав и ждет чего-то, пьяно течением мотаясь. Другой и не поймет, что это, за

рукав и зачем он. Широкою протоку-полу открыл и забыл тут же о ней — протока закрылась. С плеч вон сползло на пузо — бугрится, торосится затором: и чего это такое? — удивленно лупит глаза Иртыш... Да сколь же сдирать-то ее, проклятушцу? И будто на спину опрокинется и давай елозить, пинать, толкать клятую в низовье, на север, к «порогу избы». У-ухх! — спихнул кой-как и захрапел успокоенно крошевом льда. А наутро проснулся, подымился похмельно, солнышко сбрызнуло — для работы готов! Че делать-то надо, чалдоны?..

Чуть очистился Иртыш ото льда, как у окраины городка за островок уцепился тросом паром-самолет, и селяне с телегами пошли плавать к базару и обратно.

А тут и первый буксирчик речным волком выскочил из затона. Заломил лихо трубу-мичманку и забегал туда-сюда. Волнами, будто клешем, метет по танцплощадке. Добычу высматривает. А лодочки-молодочки сбились нос к носу у берега и шепчутся, и смеются, на кавалера поглядывая да на волнах покачиваясь. А тот метет клешем, тот старается. Ну, думает, амба, мозги запудрил — все мои! Иэхх! Только кинулся к лодочкам на танец приглашать, а тут откуда ни возьмись — баржа! И нависла женой, и поволоклась, и ни на шаг от своего законного. Вот тебе и — изхх... Куда ж тут денешься, куда разбежишься? И загудел «кавалер» в баржу свою многотонную. Густо загудел, морозоусо: у-у-у-у-у!

И вот как-то вечером отец с Пашкой уже читали газету, где было объявлено об открытии охоты. Через неделю, как раз в субботу, открывалась она. Отец уже поменялся с напарником сменами, так что — полный порядок! Охотники, не обращая внимания на угрожающее гроыхание кастрюль с кухни, оживленно обсуждали это радостное событие. Но тут пришел дядя Гоша. Бледный, лица нет на нем. И как встретился с испуганными глазами Пашкиной матери, отвернулся и заплакал.

— Гоша! — кинулась мать. — Что с тобой?.. Ваня, да что же это? Гоша! Что случилось-то? Неужто опять?!

Вытирая рукавом слезы, дядя Гоша молча кивнул белой, как снег, головой. Пашка испуганно застыл за столом. Никогда не видел он таким дядю Гошу. А тот, как увидел отца, опять скривился в плаче.

— Господи... Ваня! Что делать? Скажи!

— Успокойся, Гоша, успокойся, — бормотал отец, сам наполняясь слезами. — Лечить будем, успокойся, пойдем в комнату, пойдем...

— Да где лечить, где?! Левка вон, врач, и тот...

— В Новосибирск повезем, в Москву, успокойся, садись, садись...

— Господи, Даша хоть, бедная, не видит! Но

мне-то, мне-то за что? Ведь жить не хочу! Ваня! Вот уж до чего дошел...

Пашка сжал кулаки: «Ну, Митька, встречу — все тебе выскажу! Терзать такого человека!» Пашка решительно вскочил из-за стола. Но тут же ожгло: «А сам? Сам-то я? Неужто, самый лучший?»

— ...Ваня! Видеть своего сына, своего ребенка... выпестованного вот этими руками, видеть, как он... как он валяется, как он... точно цепями прикован к своей блевотине! Ваня! Что может быть страшнее?! Скажи!

— Успокойся, Гоша, успокойся, — беспомощно бормотал отец, но дядю Гошу бил озноб, и он, как в горячечном бреду, говорил и говорил:

— Мне-то что делать? Скажи! У тебя вон Пашка растет. Что он видит вокруг? Неужели не боишься?..

Все повернулись к забытому Пашке.

Пашка сидел, замерев в красном стыду, слезы шевельнуть боялся, не мог поднять их на родителей и на дядю Гошу.

16

В понедельник, за пять дней до открытия охоты, мать погнала Пашку на базар за картошкой. Заодно Пашка решил корм для голубей посмотреть. Свою картошку — три мешка осенью накопанных — умяли за зиму и не заметили. Накануне Пашка слезил в подпол — чисто! Вот уж мать накинута, вот уж припомнила охотничкам: и то, как поленились те резать картошку на три части, когда сажали («Куда-а нам столько! И надвое — за глаза!»), и то, как кое-как повтыкали ту картошку («Некогда нам, Маня. Ты уж тут сама докончи»), да и за Иртыш на охоту свою понесли, и как мать почти все пересадила за ними потом. Все припомнила охотничкам, все-е...

— Да ладно тебе, Маня, — примирительно сказал отец. — Пашка вон ходит на базар.

Мать хохлаткой подлетела к отцу.

— А денежки? А денежки? Вынь да выложи!.. Сходят они. Герои какие...

Виновато крякнув, отец полез за спасительным кисетом.

...Длинный, без окон, глухой павильон сквозил чахлым светом, земляным духом картошки и суматошно путающимися в стропилах воробьями.

Выбирал картошку Пашка долго, добросовестно. Под настороженными глазами продавцов он мял, тер, давил картошку, колупал, нюхал зачем-то ее. Наконец выбрал и взял полведра в сетку. Крупная тетка, упрятавшая под себя целый мешок картошки, как фокусник платочки, вытягивала-превращала из своего бурого кулака замусленные бумажки в рубли — сдачу Пашке.

Пошел Пашка к мучному базарчику. Через дорогу находился он, под длинным, прокопченным солнцем навесом. Будто крышу одну повесили в воздухе, а дом подвести под нее забыли. Мука была редко, но «корму для птицы» — навалом. Мешки стояли по всему базарчику. Сам корм — осот, гнилые семечки, колотый горох, камешки, земля, пыль — в общем, «что нам не гоже, то вам дороже».

Пашка подходил к мешкам, черпал железной чашкой и нарочно сыпал «корм» высоко над мешком — пылища! — серый флаг полощется на ветерку.

— Проходи, проходи, байстрюк! — вяло отпугивали его продавщицы.

— А чего сор со двора смели — и продаете? — огрызнулся Пашка.

Спиной к тому ряду, где он шел, стоял еще один ряд мешков и в нем возле какой-то девчонки-подростка все время роился народ. «Муку продает», — догадался Пашка. Он продолжал рыться в мешках, но глаза его почему-то все время вскидывались на эту девчонку. Несмотря на теплую погоду, та была в здоровенной задрпанной телогрейке с засученными рукавами, в длинной, мешком, юбке, взрослые кирзачи на ногах, а на голове толстый, в клетку, платок.

Пашка присел к очередному мешку, сунул в него руку да так и застыл...

— Ну че расселся?! — заорала на него баба.

Да это же!.. Это же!.. Пашка боком, боком пошел вдоль ряда, не сводя глаз с девчонки... Она! Старушонка! Мукой торгует! Неужто ворованной?.. Да какой же еще! Вот тебе и святоша-а!

Натыкаясь на рычащие мешки, Пашка продрался полукругом к концу ряда — сбоку установился на старушонку. Точно! Она! Под крестьянку, под колхозницу, гадина, работает! Ишь вырядилась. И где только рвань такое откопали? Вот тебе и Склянки. Вот это да-а!

Подходили к старухе покупатели, брали-перетирали в пальцах муку, но старуха зло отталкивала их руки, будто мух отгоняла, и ровняла, ровняла муку, словно следы свои заметала. Вот так набожная! Бог-то куда ж ее смотрит?

Пашке показалось, что на другом конце базарчика промелькнула тетя Лиза... Тетя Ли-иза? Да какая она, гадина, тетя Лиза? Змея! Змейка она бигудинная! Вот кто она! Ну ясно: эти гады обе здесь — не старуха же этот мешкище приволокла... Пашка заметался среди мешков, выскочил из базарчика и ударился домой. И про корм забыл.

На другой день Гребнев, увидав Пашку во дворе, подозвал и спросил, почему тот не приходил вчера. Вечером...

— Некогда было! — Пашка ухватил в кулак заостренный конец штaketины, зло уставился на свои сапоги. — К экзаменам надо...

— Зря-я не приходил,— Гребнев будто не замечал Пашкиной злобы.— А я как раз вчера новый па-атронташ взял. В кульмаге... Айда, посмотришь? — кивнул он на свой дом.

И Пашка... пошел.

Так ведь человека-то хлебом не корми, а дай поучить кого. Почти два месяца токовал Пашка глупым тетеревом у Гребневых. И оглох, и ослеп! Ну как же, всю жизнь его учили, зато теперь учит он! И распустил хвост, и токует! А там его слушают, там ему внемлют... И ведь узнал все! Своими шарами увидел! Нет — поперся!

Однако когда через полчаса «учитель» вывалился на крыльцо — физиономия его была зеленой. Точно не пирогами его накормили на сей раз, а по меньшей мере... не удобно даже говорить — чем!

И теперь, чем ближе подходил день открытия охоты, тем мрачнее и беспокойней становился Пашка. Гребнев все время подступался к нему насчет отца: пойдет ли тот с ними на открытие или нет? Пашка, отбиваясь, врал как мог. А если и впрямь заикнуться отцу о совместной охоте с Гребневым?.. До колик хохотал Пашка от дикой этой мысли. Да, вот бы номер был! Но смех этот Пашкин, как говорится, был сквозь слезы.

В эти дни Пашка перестал ходить в школу, болтался по городу с сумкой, набитой учебниками, заходил в магазины, торчал у кинотеатра, сидел на берегу Поганки, незряче уставясь на затопленный, словно тоже погруженный в тяжелые мутные мысли, остров.

Вечерами, возвращаясь домой, раскидывал для блезиру в кухне на столе учебники и сидел, отвернувшись к черному, загустевающему сумерками окну. Отец с матерью переглядывались, но молчали.

Наконец в пятницу вечером Пашка кинул себе круглую, «спасительную» мысль, мол, сводит он Гребнева один раз, покажет где и что, и будь здоров, не кашляй! — сам, один охотесь! И Пашка вполнину успокоился, повеселел даже чуть, с отцом заговорил, с матерью, но кошки на душе скребли, не переставали. Эх, хоть бы Юра пришел...

Но Юра к Пашке давно уже не ходил.

17

Отец с резким скрипом раскидывал ставни и словно тяжелые ржаные снопы швырял через подоконник, рассыпая их на крашеный пол, — вот это солнце!

— Эй! Сонные тетери! Вставай!

— Ну сроду ни свет, ни заря — и пугает! — терла глаза вскочившая мать, раскачиваясь в длинной мятой рубахе. Пашку смело с топчана — и он уже на крыльце, улыбается встречь

отцу. А тот бодро шагает по залитому солнцем двору, будто и не с ночной человек, а так — с приятной прогулочки возвращается.

— Пашка, а? — подходя, кивнул отец на небо.— Погодка-то? Как раз на открытие! — и, вытирая ноги о тряпку, спросил: — Ну, как решил? Едешь со мной?..

Пашка сразу сник.

— Ну-ну. Смотри. Дело хозяйское.— Отец нахмурился и обошел Пашку так, будто коснуться даже его боялся.

Постоял поникши Пашка. В кухню вернулся. Топтался, искал галоши. Надел на босу ногу. Поплелся в уборную в углу двора.

Паром-самолет уцепился двухсотметровым тросом за почти залезанный течением островок на середине Иртыша. Семнадцать карбасов, точно семнадцать скуластых казахов в островерхих чапанах, растянулись в цепочку, перекинули по своим плечам тяжеленный трос и только команды ждут. Паромщик крутанул штурвал, понтоны носами вяло поползли в реку, Иртыш поднажал течением от берега, «казахи» подхватили, и паром полетел к противоположному берегу.

А над ледовым холодом раздетой реки, над обмирающе мчащимся паромом валом шла птица. Все небо, будто натянутое, пело. Залпы чирков, как ударялись о паром, — россыпью, со свистом рикошетили, снова сбиваясь в залпы за паромом. Пыльше чирков шла кряква, связь, крохали, гусиные стаи. Инстинкт словно вытягивал их за длинные шеи на север, на север, на север! А еще выше журавли. Они будто попали на какую-то широкую приливную волну, и волна эта сама тащит их вперед, а им только и остается, что балансировать своими длинными крыльями да испуганно-радостно вскрикивать.

Гребнев, косясь то на небо, то на других охотников, торчащих с ружьями по всему парому, задергал Пашку за рукав:

— А чего никто н-не стреляет?

Пашка стоял, задумчиво облокотясь о перила. Оторвал взгляд от яростной, освободившейся воды, внимательно посмотрел на лихорадочного Гребнева.

— А зачем?

— Как, как за-ачем? Утки, у-утки ведь!

— Ну ударишь, ну упадет в Иртыш, а дальше?..

Гребнев как на столб налетел, но не сдавался:

— Просто так. У-утки ведь, у-утки...

Пашка отвернулся, плюнул в реку.

...Сначала охотники шли вдоль Иртыша, вниз по течению, но разлив все дальше и дальше теснил их от реки. А пройдя километра два, Пашка вообще перестал понимать, где Иртыш,

где протока его или просто озеро. И все это движется, течет неизвестно куда, хороводы водит по пойме, и все это надо обходить, искать переправу, брод. А тут уперлись в протоку — ни туда, ни сюда, — хоть назад поворачивай!

Пашка посмотрел на Гребнева, на ноги его. Гребнев беспокойно заперебирал женинными сапожками на мшистой серой травке. На самом Пашке сапоги отцовские, резиновые, по пах. Еще днем, собираясь на охоту, отец молча швырнул эти сапоги Пашке. Он примерно знал, куда тот поведет Гребнева. Опустив голову, Пашка взял сапоги. Отец и Пашка не разговаривали. С испугом взглядывала на них мать. Потом за отцом просигналила с улицы полуторка, и он, вскинув на плечо вещмешок и ружье, молча вышел...

— П-па-аш, а? Чего теперь? — испуганно заглядывался Гребнев.

Пашка поставил на землю ящичек с подсадной, скинул вещмешок, прислонил к нему ружье. Долго искал какую-нибудь палку подлиннее. Потом полез искать брод.

Гребнева тащил через протоку, как куль с нечистотами. Рука Гребнева сдавливала Пашке шею. Пашка крутил головой. От рукава телогрейки противно воняло калиной.

— Убери руку! — завывался Пашка, став на середине протоки. Гребнев еще пуше вцепился. — Рруку!

— Уберу, у-уберу!

Пашка встряхнул куль и побрел дальше.

Как и рассчитывал Пашка, как и прошлой весной было, узкая коса длинно тянулась в Лопатино озеро, будто противоположный берег достать пыталась. Но поперед туда Иртыш толкался и словно отодвигал берег тот дальше и дальше, размывая всякую разницу между озером и собой. Летом тут бывала довольно широкая, заросшая густым кустарником перемычка. А сейчас тут Иртыш распоряжается. Вон он как тащит по правую руку от косы. Зато по левую — в само озеро, будто набегавшись от половодья, отдохновенно расслабились кусты. Тут тишь, гладь да божья благодать!

Не дойдя метров пятидесяти до оконечности косы, до обмыска, Пашка встал. Огляделся. Позади, неподалеку, стожок оставили — ночлег обеспечен. А здесь, где стоят, и скрадок ставить самый раз: кустарник кругом и плес мелкий напротив — подсадную легко будет с прикола пустить, да и уток стреляных достанешь. А утка-то так валом и валит на эту косу, точно и не коса это, а компасная стрелка. Точно все рассчитал Пашка.

Пашка сбросил вещмешок на землю.

Поздно вечером, поужинав сваренным тощим жестким селезнем, сбитым Пашкой уже в сумерки, охотники сидели возле костра. Говорить им было не о чем. Гребнев поминутно курил и, оловянно плавая глаза в костре, бурлил, видно, котелком своим, где и в чем допустил он просчет. Пашка, когда молчанье уже взводилось над головой дубиной, вставал, брал топорик и шел на обмысок за дровами. У обмыска долго стоял, смотрел на несущуюся ледяную черноту Иртыша. И начинало казаться ему, что это сама ночь черно навалилась на землю и шуршит, царапает, всхлипывает и несется, тащит землю куда-то вниз. Пашка испуганно отдирался от затягивающей черноты и смотрел через Иртыш, где вдали, на берегу, беззвучно таякали огоньки маленькой деревеньки... Пашка вздыхал, нашаривал какую-нибудь корягу, тюкал по ней, потом тащился к костру.

От воды слышались шлепки весел, подскрип уключины и, прошипев дном, к берегу пристала чья-то лодка. Загремела цепь. К костру медведем вывалил бакенщик Зырянов. Поздоровавшись, присел и сунул к костру свои ручки — точно пару добрых лещей коптить наладился. Глаза его озабоченно бегали. Пашка, зная характер Зырянова, ждал.

— Паш, ты это... пустую лодку случаем не видал? — спросил наконец Зырянов. — Может, в Лопатино занесло?

— Да нет, не видно было. А что случилось-то?

— Да понимаешь какое дело, мать его в каталку! — оживился Зырянов. — Поплыли давеча, днем еще, близнята мои, ну Петька с Манькой, на Красноотальей. Немного погода слышу — пищат отудова, с острова-то, руками машут, прыгают. Что за черт! Поплыл. А они, чертенята, лодку упустили! Покамest тальник-то резали, лодку-то и сняло! Вода-то, сам видишь, как прибывает... Вот теперь и музгаюсь туда-сюда. Лодка-то казенная, мать ее в каталку! Все побросал. Не знай, засветила Маруся бакана, не знай — нет?..

— Засветила, дядя Коля, засветила! Чего, впервой ей, что ли, — успокоил его Пашка.

Зырянов вздохнул и будто только сейчас заметил у костра Гребнева, воскликнул удивленно:

— А это че за хмырь с тобой?

Как отраву выплюнул фамилию Пашка. Стал поправлять палкой в костре.

— Скажи на милость... Гребнев... — Зырянов с наивным любопытством физически очень сильного человека уставился на Гребнева, как на тлю какую-то диковинную. Гребнев передернулся, отвернулся. — Ну да ладно! — поставил точку Зырянов, поднялся. — Спасибо, Паша, на добром слове! Дальше поплыву... Да-а! А Иван-то где? Неужто на открытие не пошел?!

— Да как не пошел! — забывшись, воскликнул Пашка. — В Кабаково он, в Кабаково!

— Чего ж не заходите с отцом-то? Ушицей завсегда угощу. Заходите.

— Спасибо, дядя Коля! Обязательно зайдем!

Зырянов попрощался и провалился в темноту. А чуть погода зашлепал по ней веслами. А вслед улыбался Пашка, и виделось теперь ему в пятящейся черноте ночи маленькие Петька и Манька, радостными, захлебывающимися колокольцами обзванивающие своего отца, когда тот — сам будто большой, густой колокол, обвешанный веслами и фонарями, — шествует по берегу к лодкам, на ходу добродушно поругиваясь, однако заранее зная, что никуда не деться ему от колокольчиков своих ненаглядных и возьмет-таки он их, чертенят, с собакой к «баканам». Так и катились эти маленькие, радостно-звонкие колокольца по галечнику в речном небытьем звонком солнце...

— Чего ж ты п-про отца на-аврал? — ворвался и смял все напряженно-тихий голос Гребнева.

Пашка взял топорик и ушел на обмысок.

Гребнев храпел, чавкал, поскуливал во сне, а Пашка долго не мог уснуть. Прелое сено колосось, крошась, лезло за шиворот. Пашка ворочался, зло пихал Гребнева — тот затихал на минуту и с новой силой храпел и булькал.

Повернувшись на другой бок, Пашка стал смотреть на далекую деревеньку. Огоньки затихали, засыпали по одному, и вместе с ними Пашкины глаза начали наконец слипаться. Но тут же, словно падая в глубокую яму, Пашка поспешно выкарабкался наверх, жадно рванул воздух и сказал странно и внятно: «Бедный Юра...» — и уснул.

18

Прошлым летом Пашка и Юра пошли раз на барахолку к Пашкиному тезке — дяде Паше-инвалиду — за крючками-заглотышами на чебаков. С ребятами увязался Валерка Пикушкин — в девчоночьих сатиновых трусах с резинками, тощенький и радостный, как весенняя муха.

Дядя Паша сидел на месте, в углу барахолки, на земле, но был сильно пьян.

— Дядя Паша, заглотыши есть?

Дядя Паша поднял свое купоросовое лицо, долго, не узнавая смотрел на троящегося Пашку, чихнул, как бы сметая с глаз дьявольское наваждение, и облегченно опрокинулся на спину. Деревяга-нога захрапела в небо. Да-а, сегодня дядя Паша не рыбак. Нет, не рыбак.

Ребята порылись в ржавых болтах, железках, гайках, рассыпанных по мешковине, и отошли.

День был будний, и толкучка вялая. Двумя недлинными рядами стояли обжаренные в солнце тетки, сплошь обвешанные одеждой. Они будто ждали неведомо каких пловцов, которые пока где-то плавают, но вот-вот должны появиться и, дрожа от холода, радостно одеться во всю эту одежду. Но «пловцов» нет и нет, и теткам скучно и муторно стоять.

Ребята зашли в бревенчатый магазинчик «Культтовар». Весь «культтовар» внутри — будто срочно накиданные баррикады: ящики до потолка, мешки, тюки, бочки какие-то, кровати, раскладушки — к прилавку не подойдешь. В этом же доме, в забегаловке, боксерами разгуливали мужики с пышными пивными кружками на пальцах, высматривая себе местечко. Возле ворчливой Клавки-бочки — мужиков тьма, но очереди — никакой. Потому как они повторяют. А когда повторяешь — без очереди, значит. Такое дело — когда повторяешь!.. Ребята испытательно постояли в этой пивной жизни, как в каком-то веселящем, «шкродном» газу, и благополучно вышли на воздух, на солнце.

— А мороженое, наверное, лучше? Верно, Паша? — тончайше намекнул Валерка.

Пашка рассмеялся.

— Юр, ты как?..

— Правильно! Все равно не купили крючков.

Грязно-белая мороженщица, завидев подходящих к ее тележке ребят, завывала вверх и вбок:

— Фруктовое рубль на па-алочки! Сливочное три рубля в фо-ормочки-и! Фруктовое рубль на палочки-и! Сливочное три рубля...

Пашка остановил ее и спросил у ребят, какое брать... Валерка тут же предложил фруктовое. А? Как раз три выйдет? И на палочках?.. И заширыкал ладошками — сам как муха на палочке.

— Юр, ты?..

— Как вы, ребята...

— Тогда берем одно в форме, — решил Пашка. — И питательно, и вкусно. А эти, на палочках, одна вода красенькая, замороженная. — Пашка протянул мороженщице зеленую трешку: — Побольше, побольше кладите, тетя!

— Форма-то чего тебе, резиновая? — смеялась мороженщица, замазывая мороженое в формочку. Но положила с большим походом и, прихлопнув мороженое вафлей, выдавила порцию Пашке. Ребята отошли в сторонку.

— Давай, Юра, — Пашка протянул мороженое Юре.

— А почему я?..

— Давай, давай! Я второй, Валерка третий. Валерка сразу скис: а почему он третий? Но когда получил только вполтину объединенную порцию, закричал:

— Ура-а! Мне больше всех, мне больше всех! Пашка и Юра улыбаются.

— Ешь, ешь! А то вон какой худой...

— Это я не худой, Паша, это я жи-или-стый! — верещал счастливый Валерка, крутя порцию и слизывая мороженое синим острым язычком.

И тут ребята увидели этого странного старика с сидором и собакой. Старик был тонконогий, в татарских галошах на белые шерстяные носки и в галифе. Он топтался на месте, будто нездешний, озирался кругом. Вместе с ним, взятая на веревочку, испуганно пританцовывала рыжая длинношерстная собака, пушистая, как балерина. Люди удивленно обтекали их, оглядывались.

Наконец старик направил свои галифе к забору, в тень. Балерина доверчиво затанцевала рядом. У забора старик опустил сидорик на землю, и собака сразу стала тыкаться в него длинной мордой и повизгивать.

— Сейчас, сейчас, Ласка! Не суетись! — Старик развязал сидорик — и выкатил на землю целый помет щенков.

Подбежавшие ребята ахнули: «Целых восемь штук!» — точно сосчитал дошколенок-Валерка. А щенки хвостики закруглили лихо и давай раскатываться во все стороны, точно пузатые копилки, аж лапки кривые не держат их. Эко вон одного заносит: боком, боком потащило копилочку! А другой разом разбегался лапками, удлинился и заиграл шнурочком на землю — целое озерко нарисовалось! Мамаша хватъ безобразника зубами за шкурку. А тот висит, лапки свесил, попискивает: «Не бу-уду больше, мама! Прости-и-и!» — и волосяничек капает. «У-у, бесстыдник!» — встряхнула его мать и сунула на мешок.

Посмеиваясь, старик скатал всех шалунов в кучку, обложил мешком, навреде запруды соорудил, сел на землю и, прислонившись к забору, полез за кисетом. Собака-мать улеглась сбоку, на пузаток своих уставилась и ухо вопросом: неужто это все мои? Потом вскинула к хозяину длинную морду свою в рыжем пышном окладе — и язык радостной песней заколыхался в раскрытой, доверчивой пасти. Старик погладил ее. А она уж к ребятам повернулась, дескать, подходите, ребята, не бойтесь, я вас не укушу. Посмотрите, какие справные у меня пузатки, и порадайтесь на них вместе со мной.

— Дедушка, а она не укусит? — присев к щенкам, спросил Пашка.

— Нет, сынок, не бойсь! — прикуривая, ответил старик и, выпустив дымок, добавил: — Лаской ее зовут — одно слово.

Ребята стали трогать, гладить щенков. А те знай возятся в запруде, перекатываются друг через дружку, играют, и раскрытые пасти сердятся — оч-чень страшненько!

Подошел покупатель, поинтересовался ценой.

— А даром бери, мил человек, — сказал старик.

Покупателя слуло.

Другой подходит, присел, руку запустил — в щенках щечочет.

— Сколь за одного, папаша?

— Даром, даром, мил человек!

— ?!

— Бери, бери! Задарма — любого!.. Куда ж ты побег, мил человек? Эко его! Испугался чей-то, — удивился старик. Однако скоро понял, что не куда-нибудь, а на базар пришел, значит, и вести себя должен соответственно, и уже следующему покупателю, не будь дурак, резанул: — А шышнадцать! — да еще глаз прищурил дошлым коммерсантом.

— Че шышнадцать? — испугался покупатель.

— А шышнадцать копеек!

— А восемь?

— А десять?

— Беру, черт с тобой!

— Держи! — и старик сунул покупателю пару щенков.

Покупатель удивлен, покупатель ошарашен, будто не ждал, не гадал — и двойнят в роддоме получил...

— Бери, бери! Десять — пара! — успокоил его старик.

Ну уж ладно, коль пара десять, приму. Так и быть, признаю, коль пара — десять. И, отдав старику десяток, покупатель помчался в овощные ряды, где торгует его жена, обрадовать ее прибытком, вот, мол, считай, задарма достал пару щенков!

Налетела стайка босоногих ребятишек, окружила старика и собаку. Смотрят на щенков, носы калибруют, головы ломают: где взять «шышнадцать»? Где?.. А старик разошелся, а старик расторговался:

— Шышнадцать, мил человек! Держи пару за пять! Не надо пару? Держи одного! — и пошла торговля, и пошли щенки выстреливать из кучки один за другим: — Держи!.. Держи!..

Сперва Пашка смеялся над потешной торговлей старика, но, глянув случайно на Юру, оборвал смех. Юра стоял бледный и во все глаза смотрел на собаку. А бедная, глупая сука, если поначалу только мордой провожала непонятные взлеты своих дорогих брюшатов, то сейчас начала беспокоиться, дергаться, повизгивать. Вдруг вскочила, сунула морду в трех оставшихся щенков, нюхнула их жадно, но тут же легла на место, казалось, успокоилась даже, но глаза... глаза ее болью заметались внутрь себя. Снова вскочила, яростно зарылась в щенков. Юра схватил Пашку за руку. Старик оттащил собаку, обнял, гладить стал, успокаивать, но ту уже накрыло ужасом — скулит, вырывается, глаза болью убегают, не видят, не слышат, не понимают хозяина. Старик прижал-закрыв голову собаки руками. Закричал ребятишкам. Беспомощно, просяще:

— Чего раззявились-то? Забирайте шшанков!

— Так ить, дедушка...

— Да задарма же. Ну-у!

Ребятишкам два раза повторять не надо: дробнулись локотками над кучкой — щенки исчезли. И ребятишки тоже.

Собака кинулась, ткнулась в скомканый сидор — и замерла. Потом заметалась, задергалась на веревке, резкой дугой выгнулась — носом тычет, тычет в землю, под себя, вокруг, дальше... Старик испуганно топчется, кулак с веревкой поднял, как фонарем водит, точно высветить помогает, а собака тычется, как же!.. господи!.. вот только же! где?! за что?! Вдруг вскинула морду, твякнула, и с самого дна собачьей души жутко хлестануло по базару: у-у-у-у-у-у-у-у-у-у... Глаза закрыты, плачет, трясется полуприкрытая пасть: у-у-у-у-у-у-у-у-у-у... Старик и так и эдак: то за веревку дергает, то гладит, к ноге прижимает... У-у-у-у-у-у-у-у-у-у...

Вокруг стал завязываться народ.

— Чего это она?

— Да вот щенков у нее забрали. Переживает. Тоже мать...

— Эй, старик! А суку-то тоже продаешь, а?

Старик молчал. Он сворачивал сидор. Собака больше не выла. Она оглушенно стояла рядом, будто облитая злой водой.

— Я чего говорю-то, суку тоже про...

— Продай! — зло сверкнул на толпу старик, дернул за веревку, пошел к воротам. Собака покралась сбоку.

— Чудной старик! Сперва задарма, опосля за деньги, и еще обиделся чей-то... Чу-удной!

Народ стал расходиться. Столбами стояли Юра и Пашка. Валерка, ничего не понимая, заглядывал им в лица. Не сговариваясь, быстро пошли к воротам, вышли на улицу, но старик с собакой исчез.

Вдруг Юра отвернулся и закрылся рукой.

— Юра, ты чего? Юра? — Пашка пытался заглянуть ему в лицо.

— Мама... бедная... я... я... она...

— Какая мама, Юра?!

— Она... она... — давился слезами Юра. — Она... не хотела... а он... он... он отобрал... Паша!.. Она искала меня... Я... Я... Паша!..

— Юра, брось, не надо, — в беспомощной тоске стал озираться вокруг Пашка. — Прошу тебя, Юра, не надо, не плачь...

Испуганно задергал Юру Валерка:

— Не плачь, Юра-а-а, ы-ы-ы-ы-ы...

— Я... я ничего... Валера... я сейчас...

Загоревшись злорадным интересом, к ребятам придвинулся дяденька.

— Че, пацаны, обчистили, да? Когда?..

— Проходи, дядя! — злобой погасил его Пашка.

А Юра все плакал. Склоненная в кепке голо-

ва его, шея — как худой, почерневший подсолнух. Пашка не мог больше смотреть на него.

— Юра, не надо, прошу тебя... — И вдруг, схватив его за плечи, затряс и как в бреду лихорадочно заговорил: — Мы докажем, Юра! Слышишь? Ты — человек! Всем докажем! Мы — люди, Юра! Не плачь! Мы поедем в Свердловск! Потерпи год! Мы поедем! Обязательно поедем! Ты меня знаешь! Слышишь, Юра?! Мы найдем ее, найдем! Юра!..

А через два дня, в воскресенье, загорелось в квартире Колобовых.

Полина Романовна нечаянно столкнула с табуретки немецкий керогаз, только что ею самой заправленный бензином и зажженный. Тут же рядом опрокинулась немецкая пластмассовая канистра, почти полная этого самого бензина. (Сергей Илларионович бесплатно отоваривался бензином у шоферов в гараже редакции.) Пыхнуло так, что громадная Полина Романовна вынеслась вместе с оконной рамой во двор. Юра, славу богу, был на улице.

Повыскакивали из домов соседи, стали плескать ведрами воду, землю кидать лопатами, но полыхало уже вовсю, и подступиться к окнам, чтобы спасти что-нибудь из вещей, было уже нельзя.

Заполошно визжа, примчались брезентовые пожарники, быстренько раскидались шлангами по всему двору и от души пошли лупить из советских брандспойтов в окна по немецким вещам Сергея Илларионовича. И хотя грех это большой смеяться над чужим несчастьем, но в глазах сбежавшихся отовсюду людей плясало вместе с пламенем откровенное злорадство. В пятнадцать-двадцать минут выгорел угол дома, и образовалась разинутая, какая-то ненасытно-жадная пасть, в которую лупили и лупили пожарные из брандспойтов водой, словно никак не могли ее насытить...

И как часто бывает на пожарах, последним примчался сам хозяин.

Он стоял с сеткой, набитой овощами, и дико разглядывал эту, уже потушенную, черно-мертвую парящую пасть на месте своей квартиры... Вдруг взвыл по-звериному, рванул рубаху на груди, обнаружив сизую русалку с рыбьим хвостом, и пошел на Полину Романовну.

— Серж, умоляю, Серж! — отступала Полина Романовна.

От удара Сержа Полина Романовна падала прямо и медленно, как колода.

— Папа! Папочка! — кричал Юра, хватая отца за руки.

— У-убью, змееныш! — озверевший куркуль занес руку.

Юра пятился, втягивал голову, втягивал, судорожно выкидывая над ней худые руки

Кинулся Пашкин отец, загородил Юру.

— Не смей, мерзавец! — и, покачав в руках лопату, предупредил: — Не смей... Убью на месте...

Из соседей не пострадал никто. У Чегенева, у милиционера, сгорел половик на крыльце да чуть прихватило перила. Пожилой Чегенев пинал по двору дымящийся половик и приговаривал: «Ай жалкам половик, ай жалкам!..»

Пашки тогда дома не было, и пожара он не видел.

19

Все озеро сплошь было завалено туманом. Откуда-то из-под него истошно орала подсадная утка. Между ее кричающими страстными очередями слышались свистящие и как бы растворяющиеся после удара шлепки. Это падали на воду селезни. Охотники, подрагивая от утреннего холода и возбуждения, тарасились из скрадка, но ничего не видели: ни подсадной, ни селезней. Пашка, ругаясь, вывалился наружу и, будто разгребая руками грязную вату, побрел к подсадной. Испуганно затрещали крылья селезней. Пашка подтащил за бечевку вскрикивающую утку и, укоротив длину бечевы, воткнул кол чуть правее и ближе к берегу, где, как казалось ему, были хоть какие-то просветы в тумане.

Первым выстрелил Гребнев. Вынырнувший в просвет селезень-крякаш на всех парах ударился к подсадной. Выстрел бросил его по воде.

— Есть! Есть! Мой! Мо-ой! — замолотился радостно Гребнев.

— Тише ты! Скрадок развалишь!

Второго снял Пашка. Потом снова Гребнев. А дальше все смешалось и начался какой-то размытый сон, бред. Гремели один за другим выстрелы. Не переставая орала утчка: еще! еще! еще! И охотники садили и садили из скрадка. За какой-то час было убито больше двадцати селезней. Глупые, обезумевшие от страсти птицы, почти не обращая внимания на выстрелы, падали и падали из тумана за своей смертью.

Гребнев был как в припадке: его трясло, било, руки-ноги ходуном. Как он перезаряжал ружье и вообще попадал в селезней — непонятно. Но бил он почти без промахов.

Поначалу Пашка тоже вошел в азарт: оглушительно шарahal из своей одностволки, выскакивал из скрадка, шумно метался по плесу, собирая торопливо убитых селезней, и, покидав их в ямку под кустом, поспешно забирался на место. Но постепенно что-то сдерживать стало его, тяжестью наваливаясь, тормозить. Стрелять он стал через раз, словно забывая, что надо стрелять; по плесу уже не метался, а угнетенно, как слепой, тыкался за утками, словно не видя их или забывая. Безумно высунувшись из

скрадка, Гребнев что-то зло склянчал ему. Пашка огрызался. Возле ямки что-то держало его, и он подолгу стоял и смотрел на серую кашу из уток.

И со всей отчетливостью почувствовал вдруг он всю гнусность, всю подлость этой охоты с Гребневым и его подсадной. Господи, куда он влез? Куда вляпался?.. Пашка тоскливо заметался в сумраке скрадка.

Еще зимой дядя Гоша принес как-то журнал «Вокруг света», и там Пашка прочел, как на Аляске бьют котиков. Врываются в стадо и бьют палками направо-налево глупых, неповоротливых, беззащитных животных. Побоище! Кровавое побоище! У Пашки волосы бегали на голове, когда читал он это. И выходит, он тоже... палкой... Огненной палкой!

— Ты чего? — на миг повернулся к нему Гребнев. И тут же забыл о нем.

А подсадная утчка, ведомая одним инстинктом, не обращая внимания на выстрелы, вытягивалась шеей к самой воде и, трепеща всеми перьями, с хриплой надсадой крякала быстрыми очередями:

— Кр-ря-я, кря-кря-кря-кря... кр-ря-я, кря-кря-кря-кря...

Да они же с Гребневым... они же два подложных, затаившихся этих... как их?.. И утка — прости господи — на воде! Ими выпущенная! Кто кого подлей?!

— Кр-ря-я, кря-кря-кря-кря... Кр-ря-я, кря-кря-кря-кря...

Жгучая ненависть к Гребневу нахлынула, замутилась, потемнела в Пашкиных глазах. У, гаад!.. Но лихорадочный Гребнев ничего не видел, не слышал, не подозревал. Он только тянулся и тянулся в дырку вслед стволу, того и гляди, сам дробью в селезня полетит.

Во время выстрела Пашка успел подтолкнуть.

— Ты че, ты че! Твою мать! — вскинулся как ошпаренный Гребнев.

— Нечаянно... — увел глаза Пашка.

А селезень-дурак словно не разобрал в утренней серости свой счастливый номер и, покругившись поблизости минуточку-другую, опять плюхнулся туда, откуда только что вытряхнулся, ломая крылья, судорожной, дикой свечой. Гребнев тут же ударил по нему.

Дальше Пашка тупо сидел и вздрагивал от выстрелов. Скрадок, как дырявый мешок, сыпал сеном. К ногам Пашки падали пустые папковые гильзы. Они прощально воняли едкой гарью и навсегда затихали. А поверх всего этого неистребимо висела, рвалась громыхающими бичами наружу, накрывала весь берег, весь плес проснувшаяся, непобедимая гребневская страсть.

— О! О! Сел! Сел! Я! Я! Мой! Мой! — И тут же: бах! бах!..

И надрывающаяся на воде утлонка казалась продолжением его граблистой жадности-страсти. Сутью его. Привязанным и дергающимся на веревке кулацким нутром его. И сорвись оно с этой веревки — заполонит весь плес, все озеро, небо все, землю, весь мир!..

— Кр-ря-я, кря-кря-кря-кря... кр-ря-я, кря-кря-кря-кря...

«А если б Юра?.. Если б он увидел?» — ударило как по сопатке... Пашка с шумом пошел выламываться из скрадка.

— Куда? Куда по-лез?! — придушено зашипел Гребнев.

Пашка хотел просто уйти — и все, но зачем-то сказал:

— Уток собрать... много уже. Покури пока. Устал, поди, бедный...

Гребнев потемнел, но промолчал, стал пляшущими пальцами выковыривать, ломать из пачки пусто-сыпучие папироски.

Слева, из гор, выдвинулось чахлое, как яйцо-болтун, солнце. Туман на озере стал съеживаться, покраснело сворачиваться, пятиться к Иртышу, и там, будто с горки, скатывался и уносился, красно растворяясь, в быструю воду.

Пашка собрал расстрелянных селезней и побрел назад. Остановился у берега. Сгорбленный, с опущенными плечами. В одной руке ружье, в другой — связка птиц. Поднял связку: побежала, заплакала вода. Зажмурившиеся головки селезней изо всех сил тянулись к чему-то... Пашка опустил руку, разжал пальцы —

связка мягко вошла в воду и расколыхнулась тушками на стороны.

— Кыр-ря-я, кря-кря-кря-кря... кыр-ря-я, кря-кря-кря-кря...

Пашка тупо смотрел на подсадную утлонку. И вдруг, словно навсегда сдирая в себе обманутого подростка, закричал. Содранно, отчаянно-больно:

— А-а-а! Га-а-а-а-а! Н-на-а-а! — И навскидку: ж-жа-ахх!

Утлонку швырнуло, вплеснуло в воду, перепончатая лапка царапнулась — и все.

Тишина. Ствол дымится у воды...

Сзади затрещал разваливаемый скрадок — и вытарашенно-белый Гребнев плюется сеном.

И тихо, внятно, без заикания, как совсем другой Гребнев:

— Ты что ж это наделал, выкормыш кому-ничий?..

И взвился фистулой:

— А-а-а?! Да я... да я... У-убью-у!!

Ухватился за концы стволов и, выскуливая зверем, пошел-поволокся на Пашку страшной дубиной.

— А-а! Закрякал! — Пашка лихорадочно перезаряжал ружье. — Тесно тебе в скрадке, тесно... — Перезарядил, вскинул: — Не подходи, гад! Враз башку снесу! Ну-у!!

Гребнев побледнел, выронил ружье. Пятясь, оступился, хватаясь за осоку, за кустарник...

— Стой! — И Пашка ударил значительно поверх ненавистой башки.

Гребнев плашмя шмякнулся в осоку. Жабой скокнул вслед дыма, за разваленный скрадок, за кусты. И спрятался, исчез, провалился.

— А-а, подлюга! А-а-а! — не то рыдая, не то смеясь, орал Пашка и, как автомат перезаряжая ружье, садил и садил поверх кустов, словно там, в наливающимся светом небе, обозначались и ошибки его, и боль, и недосказанность. — Пирогги твои поганые? Н-на пироги!.. В большие начальники захотел? Н-на-а!.. Чтобы больше мукой торговать? На-а!.. В партию? Как же, заждались там тебя, гада! На-а! На-а!..

Всполохами гревели выстрелы, в красном дыму дергался берег, кувыркались в воду лустяе патроны...

Вдоль берега озера, по мелководью, раскачиваясь как пьяный, брел к восставшему солнцу паренек. На нем горбатилась телогрейка, кепки на голове не было. Резиновые, расправленные до паха сапоги везлись по воде вместе с висевшим на руке ружьем.

— Юра! — бессмысленно звал он. — Папа!

«Работа нравится, я ей — тоже...»

«Я хотела бы получить профессию секретаря-машинистки. Если можно, расскажите о ней подробнее.»

*Настя Захарова,
Челябинск».*

«Мне нравится, когда женщины умеют ухаживать за своим лицом, руками, волосами... Но что делать тем, кто этого не умеет? Я бы хотела выучиться и помогать им, делать их более привлекательными, избавлять от мелких дефектов. Где можно выучиться на парикмахера?»

*Марина Калабина,
Удмуртская АССР».*

«Где выучиться на шею или закройщика? Мне кажется, умение одевать себя и других со вкусом — одно из лучших женских качеств.»

*Лариса Петровская,
Тюменская область».*

В любом учреждении нашей страны обязательно работает секретарь-машинистка. Секретарь — помощник начальника, директора учреждения, организации, предприятия; его работа с документами строится в строгой зависимости от организации делопроизводства. Наверное, не надо напоминать, что здесь необходимы такие качества, как собранность, деловитость, хорошая память, такт. Кроме того, печатание на машинке должно быть не только быстрым, но и качественным, а для этого надо хорошо знать русский язык. В обязанности секретаря входит выполнение таких работ, как переговоры по телефону, организация деловых встреч, участие в совещаниях и собраниях, прием посетителей и беседы с ними. Срок обучения 1 год на базе 10 классов.

Профессия парикмахеров — одна из древнейших на земле. Еще в Древнем Риме и Египте женщина стремилась украсить свою голову, прибегая к самому неожиданному оформлению и хитростям. Профессия эта требует разносторонней подготовки: парикмахер должен обладать вкусом и знанием всех современных способов работы, хорошо знать живопись и ориентироваться в изменении моды, обладать отличным глазомером и твердой, «зрячей» рукой. А также владеть искусством маникюра, современной косметики и парфюмерии. Срок обучения 1,5 года на базе 10 классов.

Самая распространенная «девичья» профессия — портной легкого женского платья. На курсах портной научится способам и приемам выполнения машинных и ручных работ всех видов, узнает требования, предъявляемые к их качеству, познакомится с терминологией различных операций, шейными материалами, их основными свойствами и устройством, а так же изучит историю развития русского платья, что само по себе интересно и расширяет кругозор. В будущем портной своими руками может легко сшить любую модель, что для девушки немаловажно и в повседневной, личной жизни. Срок обучения 1,5 года на базе 10 классов.

Все вышеназванные профессии относятся к сфере обслуживания, и нам приятно, что именно туда идут заинтересованные, думающие девушки — значит, есть гарантия, что они станут неплохими специалистами. Правда, последний опыт показывает, что у мужчин будто бы лучше получается — и с прическами, и с пошивом элегантных моделей... И все-таки это еще вопрос — у кого больше вкуса и обаяния. Во всяком случае, двери Свердловского областного технического училища № 16 (Нижний Тагил) открыты для тех и других. В нем есть также специальности: фотограф широкого профиля (срок обучения 2 года), мастер по ремонту часов (1 год), продавец (10 месяцев), телерадиомеханик (2 года). Адрес училища: Свердловская обл., г. Нижний Тагил, ул. Гвардейская, 57.

А сейчас небольшое лирическое отступление. Юный читатель спрашивает — мы отвечаем. А уж как ему наши советы, ко двору ли, — остается неизвестным. И вот, взяв из архива 1980 года с десяток подобных просьб к редакции, мы написали каждому корреспонденту еще раз, с целью выяснить, осуществилась ли мечта? Был ли выбор, сделанный пять лет назад, верным и разумным?

Один из полученных ответов мы публикуем сегодня.

«Здравствуйте, уважаемые работники редакции! Пишет вам Оля Д. из Златоуста. Получила ваше письмо и задумалась. Прошло пять лет. Что во мне изменилось и что осталось прежним? Мечта моя не сбылась. Я действительно поступала в Казанский государственный университет на биолого-почвенный факультет, по специальности генетика. Сдала все экзамены, но не прошла по конкурсу. Поступила в смоленское училище — на садовода, окончила с отличием. Три года пыталась поступить в Челябинский медицинский институт (там на кафедре психологии занимаются генетикой), но каждый раз безрезультатно. Отработывала в Челябинске и вернулась домой. Теперь работаю в Доме культуры металлургов садоводом, учусь заочно в училище г. Нальчика — на озеленителя.»

Что заставило меня отступить от своей мечты? Наверное, то, что я столкнулась с реальной жизнью. В школе мы изучаем лучшие произведения литературы. Нас учат быть сильными, целеустремленными. Но, сидя за партой, мы не знаем своих сил. Кажется — любое море по колено, любое дело по плечу. А жизнь вносит свою поправку в наши представления о ней. Она показывает, на что ты реально способен. И не все из нас герои. И невозможно, вступив в жизнь, все перевернуть и перестроить по-своему.»

Работаешь сам, видишь людей, которые работали до тебя и пять, и десять, и тридцать пять лет, и невольно задумываешься. — вдруг то, к чему стремился, — мираж? Вдруг то, о чем мечтал, — не так уж и нужно кому-либо, есть дела поважней? И вообще — вдруг поддался всего лишь рекламе?»

Может, это плохо — не смогла добиться того, о чем мечтала. Может, хорошо — вовремя одумалась. Время покажет. Во всяком случае, меня устраивает то, что есть. Работа нравится, я ей тоже, да и с людьми в ладу. Конечно, Златоуст — не Челябинск. Хочется, чтоб и у нас голубяны цвели и никто их не выкапывал. И чтоб телята не паслись на газонах. И сирень бы не обьявлявали.»

Может, все это будет. А вам спасибо за то, что вспомнили. Наверное, надо, чтобы человек почаще оглядывался на себя.»

ПЛАЧ В КОМНАТЕ СМЕХА

Леонид
ПАНАСЕНКО

Рисунки
М. Субботиной

...Магма— пурпурно-сизая, дымящаяся — вдруг охватывает щиколотки ног, обступает со всех сторон, колышется и наползает, корка громоздится поверх расплава, разламывается, сияя вишневым накалом, а со стороны невидимого кратера легко, будто вода, вновь устремляется поток, на который больно смотреть. Магма уже по пояс, поднимается выше, выше... Ждать больше нет сил, невмочь... Он делает глубокий вдох и, чуть изогнувшись, ныряет в огненные глубины. **(Это зрительный ряд)**... Блаженство, ощущение сытости и покоя, умиротворение. Освеженный и счастливый, он выныривает из расплава, делает несколько глотков свежего огня и опять погружается в добела раскаленную магму. Как хорошо!.. Душу переполняет благодарность — бесформенная, безадресная. Спасибо случаю, событию, источнику, всему миру... За то, что мне хорошо. **(Это чувственный фон)**... Мы смотрим, но не видим, слушаем, но не слышим. **(Спорадические ассоциативные понятия)**... Но при чем тут, черт возьми, Библия?

Антон открыл глаза, и его первый экстра-сенсуальный сеанс на планете Скупой прервался.

Это было похоже на издевательство. Ибо чувственный фон зеркальников (а ему Антон из всех трех компонентов экстрасенсуальных исследований отдавал предпочтение) все еще клубился в памяти — этакое розовое облако доброты, благодущия и вселенской эйфории, а сами существа по-прежнему плотным кольцом окружали базу геологов, и в их зловещем пересверкивании чудился безмолвный заговор убийц. Еще более зловещим и непонятным было то обстоятельство, что зеркальники каждый раз проецировали на своих телах изображение жертвы. Теперь на всех огромных дисках светилось лицо Николая Балькарселя — обезображенное смертью, с застывшими в глазах ужасом и непониманием происходящего. Тела зеркальников иног-

да колебались, и изображение лица как бы ожидало — поворачивались глаза, приходили в движение губы...

«Буду улетать — обязательно заберу с собой Фей, — подумал Антон, вспомнив убитую горем жену Балькарселя. Точнее — вдову. — Каждый день видеть в окнах... такое. Любой может спать».

Антон мысленно вернулся во вчерашний вечер.

Распоряжение срочно отправить его на Скупую поступило некстати, уже в полете, и корабль-матке пришлось менять вектор нуль-пространственного прыжка. Через два часа Антон вышел из посадочного модуля и подивился, насколько точно первопроходцы назвали планету. Если не считать бурых скал, голо и мертво было здесь. Кое-где поблескивал ледок, вечные сумерки прятали горизонт, а в темно-фиолетовом небе стояла остывающая звезда — холодная и мутная, будто глаз дохлой рыбы. О трагедии, разыгравшейся здесь, Антон знал немного: несколько месяцев назад в горах погиб при загадочных обстоятельствах молодой геолог Янош Форрест; три дня назад в схватке с зеркальниками погибла кристаллограф Эмилия Нэмура; Николай Балькарсель, который поспешил ей на помощь, тоже был сожжен зеркальниками — уже на подходе к базе, на глазах у всех и своей женой Фей.

В глубине сумерек Антон заметил движение и включил фонарь скафандра — на Скупой его обещали встретить. И тотчас услышал в шлемофоне хриловатый чужой голос:

— Выключите свет! Эти твари слетаются на свет, как мотыльки.

К нему приблизились два человека в скафандрах высшей защиты.

«Если с зеркальниками не удастся совладать, — подумал Антон, — геологические изыска-

ния на Скупой придется свернуть, в этих неуклюжих коконах много не наработаешь».

Он запер модуль и шагнул навстречу геологам.

— Иван Заречный, начальник партии,— представился обладатель хриплого голоса. Второй встречающий промолчал.

— Честно говоря, мы ждали экзобиолога,— сказал Заречный, когда они тронулись в путь.— Чтобы подсказал, как бороться с этими чудовищами. Мы практически парализованы. Я запретил своим людям даже нос с базы высовывать.

— Отмерзнет,— буркнул его напарник.— За бортом стабильно минус сто шестнадцать.

— Экзобиологи здесь уже были,— ответил Антон.— Изучили и классифицировали зеркальников... Существа-гелиофиты, то есть питающиеся светом. Уровень сознания соответствует нашим человекообразным обезьянам. Постоянно находятся в угнетенном состоянии, потому что живут впроголодь... Экзобиологи, кстати, тотчас бы прогнали вас отсюда. Вы же знаете закон о конфликтах...

— Знаем,— вздохнул начальник партии.— А что в данном случае собираетесь делать вы?

Они как раз выплыли на взгорок — не вышли, не взобрались, а именно выплыли, поддерживаемые антигравитацией,— и чуть не уткнулись в один из четырех куполов базы. Ни единого огонька не проблескивало внутри куполов. Антон понял, что и здесь соблюдают светомаскировку.

— Мне поставлена задача разобраться в происходящем на Скупой и найти всему объяснение,— холодно пояснил Антон, которому за многие годы работы надоело постоянно как бы оправдываться за вынужденное вторжение в чужие дела и судьбы.— Так что считайте, что я одновременно и следователь, и экзобиолог, и психолог, и даже сенсуал.

— Это нечто новое,— удивился спутник Заречного. Только теперь Антон разглядел, какие у него добрые и усталые глаза.— Вы читаете мысли? Животных и людей?

— Ни то, ни другое,— улыбнулся Антон.— Мне доступны только ощущения, да и то в зашифрованном, образном виде. Мозг во время Контakta дает зрительный ряд, чувственный фон и отдельные ассоциации. Например, любовь может представляться в виде полета или падения с башни, чувства опьянения или, скажем, многоголосых воплей о пожаре.

— Мудрено,— сказал Заречный и остановился перед входом в шлюз.

Антон глянул влево — и вздрогнул. Там, за неглубоким оврагом, сплошь заросшим полупрозрачным кустарником, похожим на саксаул, вздымались громады зеркальников. Пять или шесть дисков медленно то ли катились, то ли плыли вдоль косогора, бесшумно и грозно, будто исполинские медузы, поставленные на ребро.

Но что поразило Антона больше всего, так это изображение рыжебородого человека с разинутым в крике ртом и безумными глазами, которым был украшен каждый белесый диск.

Тишина за обеденным столом была такая зловещая и непрочная, что когда Антон случайно звякнул ложкой, к нему будто по команде обратились все взгляды.

— Я ничего пока не понял,— сказал он, принимая эти вопрошающие взгляды.— Мне нечего вам сказать, друзья.

— А вы хороший сенсуал? — без всякого подтекста спросил спелеолог Лео.— Я не хочу вас обидеть. Я хочу понять как специалист специалиста. Вот мы, там — они,— спелеолог махнул в сторону зашторенного окна.— Вы умеете слушать души... За чем же остановка?

— Я хороший сенсуал,— подтвердил Антон.— И уже выяснил одно чрезвычайно важное обстоятельство. Зеркальники абсолютно неагрессивны. У них, образно говоря, души ангелов. Значит, виной всему либо люди, либо недоразумение.

— Какой-то бред! — воскликнул пораженный спелеолог.— Хищники и убийцы вдруг объявляются ангелами, а мы, получается, варвары, которые не позволяют, чтобы аборигены ими закусывали.

— Вы утрируете,— Антон поморщился и отыскал взглядом Фей. Вдова Балькарселя недвижно сидела у края стола и, не поднимая глаз, слушала их перепалку. Золотистый суп в ее тарелке оставался нетронутым.— Вы прекрасно знаете, что зеркальники — гелиофиты, почти что растения, только движущиеся. Они не обращали на исследователей ровным счетом никакого внимания, жили в горах и пребывали как бы в анабиозе. Почему они проснулись и спустились с гор — я пока не знаю. Но они очень заинтересовались людьми. Их примитивное рефлекторное сознание полностью поглощено образом Человека. Они фетишизируют нас и наши постройки. Любят нас более преданно, чем самый преданный пес... Во время одного из сеансов я видел аллегорический сюжет: в горах идет исполинский человек — без скафандра, босой, — а зеркальники стелются ему под ноги, будто листья. И все на камни, на острия, чтобы человек не поранился... Зеркальники вообще почему-то связывают с людьми выживание своей породы, даже процесс размножения.

— Непостижимо,— пробормотал Заречный, который до сих пор в разговоре не участвовал.— Ваши утверждения и наши... факты. Наши боль и утраты...

— Да, гибель ваших товарищей и результаты моих сенсуальных исследований пока не согласуются,— Антон горестно развел руками.— Они

противоречат, противостоят друг другу. Но дайте мне несколько дней — и я найду разгадку.

Фей молча встала из-за стола.

Лишь на долю секунды, на миг встретились их взгляды, но Антон понял, что вдова Балькарсель не поверила ни единому его слову и что Фей если не ненавидит его, то во всяком случае презирает.

В комнате для гостей было неуютно, как и в каждом временном жилище.

В который уже раз за два дня работы на Скупой Антон включил видеозапись трагедии — ее сделали автоматы базы. Вот она — первая загадка, выстрел Эмили Нэмура, о котором столько говорили на базе.

...Темно-фиолетовое небо, темные скалы. На их фоне четко выделяется женская фигурка в легком серебристом скафандре. Зеркальников пока еще не видно, они за скалой, но Эмилия, по-видимому, поняла, что ее преследуют, и спешит к базе. Она так и передала по радио. Вот бросила мешок с образцами, чтобы не мешал. Слева из полутьмы выплывает несколько дисков. Эмилия сворачивает вправо. Она знает о загадочной гибели Яноша Форреста и, понятное дело, побаивается зеркальников. Но диски определили девушку — они один за другим выкатываются ей навстречу из расщелины. Эмилия вскидывает бластер. Даже на полукилометровом расстоянии видно, что ствол излучателя направлен в сторону от зеркальников. Ясно: решила отпугнуть преследователей. Вспышка выстрела, уходящая в ночь, в никуда. И тут же ближайший из зеркальников делает невообразимо быстрый рывок навстречу выстрелу, ответная вспышка — и Эмилия падает замертво...

Антон остановил изображение. В случае с Балькарселем все ясно: он объявил им войну, сознательно шел на уничтожение зеркальников, те парировали лучевые удары... Что любопытно, никто из них от бластера Николая не пострадал. Зеркальники парировали... Последнее слово чем-то заинтересовало Антона. Он пропустил часть записи и включил ее страшный финал.

...Вот, мигнув малиновым огнем, раскрылся вход шлюза. Балькарсель бежит к телу Эмили, на ходу срывая с себя бластер. Зеркальники как бы «ожили» — на всех их плоскостях испуганное лицо Эмили, но к девушке не приближаются, окружили полукругом, замерли в каком-то транс-е. Николай вскидывает раструб излучателя. Семь вспышек атомного огня — он стреляет очередь, семь — вот оно! — ответных вспышек, и на живых экранах вместо лица Эмили начинает вырисовываться рыжебородое лицо Балькарселья...

Антон выключил запись. Нет сомнений, зеркальники не стреляли, они всего лишь париро-

вали лучевые удары. Непонятно, правда, почему зеркальный принцип сохранен и в случае с Эмилией, но в обеих ситуациях они только повторили действия человека. Возвратили их ему. Кстати, кто вообще сказал, что зеркальники умеют стрелять?

Он поспешно связался с кают-компанией, где чаще всего проводил время Заречный. Пусть помогают, пусть думают вместе с ним, а не требуют истины и порядка извне.

— Иван Карлович, — спросил он. — Кто у вас врач? Кто осматривал погибших?

От группы геологов, которые стояли у камина, отделился невысокий человек с усталыми добрыми глазами — вот кто, оказывается, встречал его вместе с Заречным.

— Я врач, — сказал он. — А в чем дело? Мы с вами уже подробно обо всем беседовали.

— Да. Вы сообщили, что и Янош, и Эмилия, и Николай погибли от лучевых ударов. Балькарсель буквально сгорел, а у Форреста и Нэмура степень поражения соответствует примерно паданию из бластера.

— Примерно, — согласился доктор.

— А теперь, если вас не затруднит, вспомните энерговооруженность организма зеркальников.

— Ничтожная. Они едва передвигаются, практически не размножаются... О, я, кажется, начинаю понимать...

— Иван Карлович, — обратился Антон к начальнику партии. — Я произвел простейший подсчет. Даже суммарная энерговооруженность всех зеркальников, обитающих на планете, меньше одного импульса из бластера. Зеркальники не стреляли первыми. Они вообще не умеют стрелять.

— Это еще ни о чем не говорит, — возразил Лео. — Если хищник слабый, то он призывает на помощь хитрость и коварство. Вы можете объяснить, за что они убили Эмилию? Ведь она в них не стреляла! Всего-навсего хотела отпугнуть... Если зеркальники в самом деле только «отражают» действия людей, то делают они это чересчур странно, криво. Это кривые зеркала, сенсуал, черные. Вы приглядитесь к ним получше.

«Кто знает — кривые ли? — подумал Антон, отключая связь. — Все, может, обстоит как раз наоборот...»

Из далекого детства пришло воспоминание. Когда ему было лет шесть или семь, он впервые попал в комнату смеха. Городок аттракционов уже закрыли на ночь, в залах, где стояли игровые автоматы, было пусто и гулко, погасла разноцветная мозаика огней и экранов, но дед Егор, который командовал в том волшебном царстве, пропустил его, крикнув вдогонку не очень понятное предостережение: «Гляди только, не обижай зеркала». Он ворвался в зал, со смехом

скорчил рожу первому попавшемуся нелепо перевернутому своему отражению, завопил что-то победное, стал надувать щеки, приседать, показывать язык, выделять невообразимо что руками, ногами, всем телом. Уродцы в зеркалах тоже пришли в движение, повторяя его кривлянья. Он захохотал и стал еще пуще дразнить кривые зеркала. Так продолжалось до тех пор, пока он не увидел в одном из них жуткую картину: свое плоское, будто высушенное, тело и отдельно от него тонкий блин головы, разорванный пополам улыбкой. Он умолк и перестал кривляться, но похаживать на него уродцы продолжали бесноваться во всех зеркалах. Антон испуганно попятился к выходу. Его кошмарные отражения кинулись за ним вслед, стали окружать. Еще миг — и они спрыгнут со стен, набросятся, растерзают. Он сжался, закрыл глаза и заорал от страха и отчаяния, глотая слезы, натываясь руками на холодные стеклянные тупики. Прибежал дед Егор, вывел его, ослепшего от слез, из комнаты смеха и еще долго не мог успокоить, унять его внезапный страх...

«И все-таки поведенческие мотивы зеркальников остаются загадкой,— подумал Антон.— Почему они любят нас и одновременно... убивают? И как понимать их любовь — что за ней? Может, за ней, как говорит Лео, в самом деле «гастрономический» интерес?»

Летели недолго.

Скалы здесь, километрах в двадцати от базы геологов, вместо бурого приобрели серовато-зеленый оттенок, густые тени легко было спутать с трещинами и разломами, изуродовавшими этот горный массив, а на склонах и осыпях колыхались, будто водоросли, диски зеркальников.

— Вот это место,— сказал Заречный, и гравилет аккуратно и точно опустился на скальную площадку.

Начальник партии первым выпрыгнул из машины, подошел к плоскому обгоревшему камню. Бока его кое-где расплавились в плазменном огне, потекли. Камень напоминал черного осьминога, выброшенного на сушу и припавшего в растерянности к земле.

— Янош как раз переговаривался с дежурным,— пояснил Заречный.— Затем вскрикнул, как бы от испуга, и связь прервалась... Поисковая группа нашла его здесь. То, что от него осталось... Неподалеку околичивалось несколько зеркальников. И на каждом из них светило...

— Ясно,— кивнул Антон.— Лицо Яноша Форреста. Такое, каким оно было перед смертью.

— Да. Испуг и непонимание. Лучше и не вспоминать.

— А это что? — Антон показал на металличе-

ский оплавленный цилиндр, который валялся возле камня-осьминога.

— Сейсмодатчик. Янош в тот день устанавливал их в предполагаемых активных зонах.

— Здесь не было никаких приборов наблюдения? — спросил Антон.— С Форреста все началось, а как, что — неизвестно.

— К сожалению,— Заречный развел руками.— Думаете, мы не интересовались обстоятельствами гибели Яноша... Увы, вокруг одни камни. Мрак и неподвижность...

— Не скажите,— Антон поднял взгляд к небу, и губы его дрогнули в едва заметной улыбке.— А вон та звездочка, которая движется? По-видимому, спутник? И, наверное, напичкан всевозможной регистрирующей аппаратурой?

— Вы гений, Антон! — воскликнул начальник партии.— Если, конечно, спутник в тот момент был в зоне визуальной видимости. Я сейчас...

Пока он связывался с дежурным и объяснял ему, какие записи проверить, Антон отошел к краю площадки, где кончалась скала и начиналась ее тень. Только в полуметре от края скалы он вдруг сообразил, что вместе с ней кончается и твердь. Тень уходила в пропасть, и Антон в который раз удивился: как мало в природе определенного и однозначного, точнее, как еще несовершенно наше умственное зрение, которое, увы, не видит сути явлений и вещей.

— Антон, есть запись,— обрадованно позвал его Заречный,— сейчас техник пришлет голограмму. Прямо сюда.

В следующий миг камень-осьминог вздрогнул и как бы расправился, а возле него появился человек в легком скафандре. Он наклонился, стал укреплять знакомый цилиндр сейсмодатчика. Почти одновременно с его движением из-за скалы выплыл белесый диск зеркальника, изогнулся, потянулся краями к человеку, то ли пытаясь обнять его, спеленать, то ли скрутить и задавить. Вот край диска коснулся Форреста. Янош отскочил в сторону камня, выхватил бластер, обернулся. Трепещущие края летающей медузы вновь потянулись к нему, чтобы... Янош выстрелил. Выстрел и вспышка-отражение слились в одно. Плазменный огонь наполовину испепелил человека, камень засиял расплавом, потек...

— Все ясно,— пробормотал сенсуал, еще находясь под тягостным впечатлением географической записи.— Ты прав, Иван. Испуг и непонимание — с этого все началось.

«Положим, фетишизацию человека зеркальниками, их «любовь» объяснить просто. Кто-то из геологов точно подметил: им катастрофически не хватает тепла и света. Но почему, почему они «возвращают» нам выстрелы? Ведь по странной логике этого мира луч бластера должен восприниматься зеркальниками как милость, не-

виданная щедрость — целый водопад дармовой энергии... В чем же суть недоразумения? Почему зеркальники нарушают поведенческую аксиоматику?»

Так размышлял Антон, готовясь к очередному сеансу сенсуальной связи. Он давно уже приметил одного из зеркальников — более крупного, чем остальные, со следом лучевого ожога — и решил сосредоточиться сегодня только на нем: авось что прояснится.

Он глянул на экран обзора. Купола базы отсюда, с командного пункта, выглядели абсолютно безжизненными — время за полночь да и светомаскировка, зато зеркальники как бы воспрянули духом, ожили и то приближались к базе, буквально облепляя купол энергостанции («Тепло, там больше тепла», — подумал Антон), то снова медленно катились прочь, пропадали в вечных сумерках Скупой. Меченый зеркальник не приближался и не уходил, а как бы наблюдал со стороны за происходящим или чего-то дожидался.

Антон несколько минут напряженно вглядывался в «меченого», затем прикрыл глаза, привычно повторил про себя формулы самовнушения, раскрепощающие психику сенсуала.

...Огненный водопад обрушивается внезапно и радостно. Боги, как вы щедры!.. Пил бы и пил животельный свет, но есть Закон... Больше, чем надо, — нельзя. Тело переполнено, безудержно раздается вширь, вспухает. Антон уже не знает, сколько рук у него, сколько ног, все двоятся, множится... Ощущать это страшно и одновременно неизъяснимо приятно. И вдруг боль, будто молния, раскалывает его, тело наконец обретает прежние формы, а рядом — чудо из чудес! — плянется на него другой Антон, его двойник, точнее — половинка. **[Это зрительный ряд, который на сей раз идет вместе с чувственным фоном.]** Облегчение, радость, чувство исполненного долга — свершилось! — похожее по описаниям на ощущения роженицы... **[Это все еще чувственный фон.]** И голрса, советы, сентенции: «Истинно щедр тот, кто дает из того, что принадлежит ему самому... Не бери больше, чем можешь унести... Поделись, поделись, поделись...» **[Спорадические ассоциативные понятия.]** И снова — огонь, режущий глаза свет красного фонаря... Что бы это значило? Такой реальный страшный свет...

Антон потряс головой, поморщился, как от зубной боли. Что-то прервало контакт, вторглось извне — явно знакомое ему и очень опасное. Он глянул на экран и все понял: над шлюзом горел красный плафон — кто-то выходит с базы наружу. Однако Заречный категорически запретил покидать базу. Значит... Антон, не сводя глаз с экрана, бросился к аварийному шкафу, стал на ощупь натягивать легкий скафандр. Двери шлюза растворились...

— А, черт,— прошептал Антон, увидев на поясе у неизвестного бластера.— Что они здесь — с ума посходили, что ли?!

Он выскочил из рубки, побежал к шлюзу. В коридоре было пустынно, и он только теперь сообразил: база спит, уже далеко за полночь.

В шлюзе, дожидаясь пока сработает автоматика, Антон вызвал Заречного:

— Слушай, Иван, кто-то из твоих вышел с базы. С оружием. Я в шлюзе — догоню и верну.

— Будь все время на связи,— ясным голосом, будто вовсе и не спал, попросил Заречный.— Объявляю тревогу. Сейчас мы все выясним.

Открылся выход. Нарушитель уже отошел шагов на двести — он направился к оврагу, на противоположной стороне которого шевелились «листья» зеркальников. Антон побежал.

Только здесь, на поверхности Скупой, почти голый в своем легком скафандре, Антон понял, каким безнадежно мертвым казался этот сумрачный мир геологам. Казался... В том-то и дело, что человека привязывают к земным стереотипам тысячи нитей — память, привычки, логика, наконец, чувства, чей голос обычно громче голоса разума. Никогда, наверное, ни ему, ни геологам не понять внутренней красоты и целесообразности этого заколоченного от холода мира, не узнать, в чем его боль и радость, а значит, они навсегда останутся чужими друг для друга... Ну, что ж. Чужими — не значит врагами...

Нарушитель снял с пояса бластер.

— Стой! — зло крикнул ему в спину Антон.— Опомнись! Хватит уже трупов...

Человек вздрогнул, но не остановился.

В три прыжка Антон догнал его, ударил по руке, в которой тот сжимал бластер, и, не удержавшись, покатился вместе с оружием по земле.

Он тут же вскочил и чуть не вскрикнул от удивления: на него глядели темные, сожженные горем глаза жены Балькарсея.

— Фей,— сказал он негромко и проникновенно, пытаясь пробиться к ее разуму.— Ты что надумала? Ты решила отомстить? Но ведь это глупо, Фей. Это невозможно. Отомстить можно равному, сознательно причинившему тебе вред. Мстить им,— Антон махнул рукой в сторону зеркальников, которые медленно катились по косогору навстречу людям,— это все равно, как если бы Николая убило срубленное им дерево, а ты сожгла весь лес. Возвращайся на базу, Фей.

Женщина молча, как и шла, повернулась, побрела к базе. Движения ее были полуавтоматические, совершенно бездумные, и Антон окончательно утвердился в своем решении: Фей как можно скорее должна вернуться на Землю, только там ее душа оттает...

— Антон, почему вы не возвращаетесь на базу? — ворвался в его мысли встревоженный голос начальника партии.— Вас окружают.

— Я пойду к ним,— сказал Антон, поворачиваясь лицом к оврагу.— Грош цена сенсуалу, который не верит самому себе. Они обожают нас, даже обожествляют... Я наконец должен выяснить причину недоразумения.

— Чем мы можем помочь вам? — спросил Заречный после продолжительной паузы. Он и сам не заметил, как снова перешел на «вы».

— Ровным счетом ничем. Смотрите и слушайте. Я постараюсь все время находиться в поле зрения приборов дальнего видения и, кроме того, буду комментировать все, что увижу.

Неожиданное решение облегчило душу, разом разрешило все сомнения. Антон вздохнул и зашагал к ближайшему зеркальнику — то ли по прихоти судьбы, то ли в результате подсознательного выбора им оказался «меченый».

«Пообщаемся лучше конкретно,— подумал Антон, разглядывая полупрозрачный гигантский диск.— А то придумал: агитирует меня размножаться путем деления...»

Зеркальник катился ему навстречу. Вот уже до него десять шагов, семь, пять, три... Антон остановился, закинул за спину оба бластера — пусть подальше будут — и стал ждать. На какой-то миг из глубины души, будто из болота, вынырнул чертенок страха, прошамкал беззубым ртом: «Шьедят они тебя, шьедят!» — и исчез. Антон старался не глядеть.

Край зеркальника потянулся к нему, коснулся тонкой ткани скафандра. Ничего не произошло.

Антону показалось, будто в разреженной атмосфере Скупой родился ветерок и погладил его... Вот именно: не коснулся — погладил! Подкатило еще одно огромное колесо, накрыло невесомым краем плечи, тут же передало свое прикосновение третьему — поменьше.

— Бессмертные звезды! — воскликнул Антон, обращаясь к геологам базы.— Смотрите, они делятся моим теплом! Они жмутся ко мне, как замерзшие зверьки. Вы же знаете: на Земле в особо лютые зимы зверье приходит к человеку...

Антон, расталкивая неуклюжих зеркальников, спустился к зарослям неземного «саксаула», отстегнул один из бластеров, перевел регулятор излучения на минимум.

Он рубил лучом корявые деревца и швырял их в кучу, пока сам не разогрелся, а куча не поднялась вровень с зеркальниками. Их на склонах оврага собралось уже около сотни. Из-за скал выкатывались новые и новые диски.

Вконец умаявшись, Антон присел на первый попавшийся камень и, сфокусировав бластер, поджег костер. «Саксаул» из-за нехватки кислорода разгорался плохо. Но затем красноватые язычки пламени запрыгали по веткам, странным образом обволокли их, и те засветились, будто и не сгорали вовсе, а стали нитями накаливания.

Зеркальники «заволновались», окружили костер тесным кольцом. От дисков, находящихся вблизи источника тепла и света, во все стороны пошло веселое пересверкивание.

— Они делятся теплом,— повторил Антон, как бы продолжая свой репортаж.— Они вообще поделываемые— это, по-видимому, одно из условий выживания. Час назад, во время сенсорального сеанса, я уловил еще один важный нюанс: они берут всего ровно столько, сколько нужно для жизни и продолжения рода. Остальное, излишек энергии, они отдают другим или возвращают... Какое трагическое недоразумение,— прошептал он, горестно покачивая головой.— Они брали от щедрот стреляющих самое необходимое, а остальное возвращали. Вы понимаете теперь, что значит стрелять в них?!

Антон носком ботинка пододвинул в костер несколько откатившихся веток, улыбнулся.

— Грейтесь, ребята, грейтесь...

Затем, повинувшись какой-то подсознательной идее, заглянул в ближайший диск. Несколько секунд поверхность его оставалась без изменений, потом вдруг изображение лица Балькарсея заколебалось, расплылось, будто по экрану прошла рябь, и на Антона из глубины зеркальника глянуло его собственное лицо— заросшее щетиной, с темными мешками под глазами.

— Ничего себе физия— испугаться можно,— смущенно пробормотал Антон, прикидывая, что зеркальникам не так уж трудно будет помочь: энерговооруженность базы колоссальная, да и зарослей «саксаула» здесь хватает.

— Смотрите, что происходит!— позвал его Заречный.

Лицо Антона пошло по рядам зеркальников, как раньше пересверкивание, стирая изображение погибшего Балькарсея.

Но не это удивило Антона. Будто в комнате смеха, с его изображением внутри зеркальников происходили удивительные метаморфозы. Только если кривые зеркала его детства обезображивали, уродовали лицо до неузнаваемости— он, помнится, даже заплакал, испугавшись их недоброго волшебства,— то здесь...

Невероятно! Быть такого не может!

...Сперва исчезла противная трехдневная щетина. Затем по изображению лица как бы прошла кисть реставратора и омолодила его: не стало мешков под глазами, разгладились морщины, глаза приобрели былую глубину и блеск. Всего этого зеркальникам, очевидно, показалось мало. После паузы— совещались они, что ли?— шрам на правой скуле сначала потемнел, потом стал быстро светлеть, пока не исчез вовсе.

Антон не мог знать, что чуждые выдумке зеркальники вовсе не улучшали изображение его лица. Они всего-навсего зафиксировали изменившуюся реальность...

1984, февраль. Журнал «Найт лайф», опубликовав интервью с Нитой Крибберт, тем самым благополучно завершил прошлогоднюю (см. хронику 1983 года) историю с воздушной рекламой в Сан-Франциско (А. Нельсон. Мыльная опера. Рус. перевод—1973).

1984, 12 марта. Взрыв горы Фудзи оповестил о новой серии геологических катаклизмов в Японии (см. хроники предыдущих лет). 3 апреля. Началась эвакуация японцев. Сентябрь. От затонувшей Японии осталось лишь несколько островков (С. Комацу. Гибель Дракона. 1973. Рус. перевод—1977).

1984, 19 марта. Пятьдесят лет назад отправилась с дружественным ответным визитом на Марс первая делегация землян (А. Абашели. Женщина в зеркале. Рус. перевод—1961).

1984, март. Атмосферными аномалиями открылся ряд чрезвычайных происшествий на Земле, вызванных экспериментами, которые в течение полугода проводили ученые Урана, выяснявшие степень разумности землян (А. Моруа. Из «Жизни людей». 1964. Рус. перевод—1967).

1984. На всех граждан Швеции заведены карточки в электронно-следающей системе (У. Палмстрем. Система-84. Рус. перевод—1983).

1984, 3 мая. Вследствие реализации закона «проницаемости одного физического тела сквозь другое» стала возможной переброска людей в будущее (М. Лейнстер. На двенадцатый день. Рус. перевод—1977).

1984, 4 июня. Прошло двадцать пять лет со дня создания всемирного правительства и провозглашения Единой Республики Человечества (Г. Уэллс. Освобожденный мир. 1913).

1984. Тяжелоатлет Мишукин, будущий первый венерианский тракторист, установил мировой рекорд, толкнув штангу весом в 220 кг (И. Забелин. Пояс жизни. 1960).

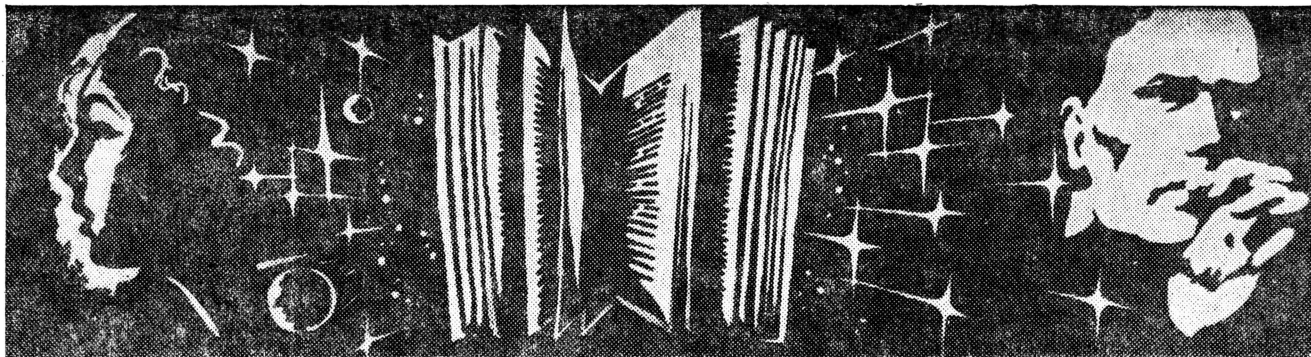
1984. Англия включена в состав тоталитарной— с «полицией мысли», с «вечным отпечатком сапога на человеческом лице»— империи Океании, превращена в ее «Взлетную полосу № 1» (Д. Оруэлл. «1984». 1949).

1984, «половина восьмого, вечер субботы». С этого дня начал принимать телепередачи из будущего аппарат, который чисто эмпирически «состряпала» домохозяйка Аннабел, жена специалиста по электронике (Р. Прессли. Прерванный сеанс. Рус. перевод—1964).

1984, 2 декабря. Земля принята в Почтовый Союз Галактической Конфедерации (Х. Пирс. Почтой—срочно. Рус. перевод—1981).

Кроме того, продолжают спать, замерзнув, во льдах и снегах герои книг «33 марта» В. Мелентьева (1957), «Внуки наших внуков» Ю. и С. Сафроновых (1958), «Прыжок в послезавтра» П. Воронина (1970) и многих других.

Кроме того, по-прежнему находятся в пути туда и обратно многочисленные путешественники во времени...

Фантастика под микроскопом

**Виталий
БУГРОВ**

...Будет приискана математическая формула для того, чтобы в огромной книге нападать именно на ту страницу, которая нужна, и быстро расчислять, сколько затем страниц можно пропустить без изъяна...

В. Одоевский. 4338-й год

ФИНИШИРУЕТ ДЕСЯТАЯ (В КАКОЙ-ТО СТЕПЕНИ — ЮБИЛЕЙНАЯ) НАША ВИКТОРИНА, А ФОРМУЛЫ, ОБЕЩАННОЙ В. ОДОЕВСКИМ, ДО СИХ ПОР — НЕ ПРИИСКАНО. И ПО-ПРЕЖНЕМУ ЧИТАТЕЛИ НАШИ, ОЗАБОЧЕННЫЕ СРОКАМИ, ПЕРЕРЫВАЮТ НАОБУМ, НАУДАЧУ МОНБЛАНЫ КНИГ И ЖУРНАЛОВ, ЛИХОРАДОЧНО СООБРАЖАЯ: ЧЕМ БЫ ЭТАКИМ ПОРАЗИТЬ ПРИВЕРЕДЛИВУЮ РЕДАКЦИЮ?... ВПРОЧЕМ, ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ ВСЕ УЖЕ В ПРОШЛОМ; ПРОВЕРЯЯ И ПЕРЕПРОВЕРЯЯ ОПРОКИНУТЫЕ НА НАС ДАЖЕ НЕ МОНБЛАНЫ, А САМЫЕ НАСТОЯЩИЕ ЭВЕРЕСТЫ РАЗНООБРАЗНЕЙШИХ СВЕДЕНИЙ И ФАКТОВ, О РАЗВИЛКЕ ВО ВРЕМЕНИ, ГДЕ МОЖНО БЫЛО ОТСИДЕТЬСЯ, ДАБЫ ЭТИ ФАКТЫ И СВЕДЕНИЯ МАЛО-МАЛЬСКИ ПЕРЕВАРИТЬ, МЕЧТАЕМ ТЕПЕРЬ МЫ — РЕДАКЦИЯ... ПОТОМУ МЫ ОСОБЕННО ПРИЗНАТЕЛЬНЫ ТЕМ ИЗ УЧАСТНИКОВ ВИКТОРИНЫ, КТО, ОТКЛИКНУВШИСЬ НА НАШУ ПРОСЬБУ, УКАЗЫВАЕТ В СВОИХ ОТВЕТАХ НЕ ТОЛЬКО ИСТОЧНИК, НО И ИЗДАНИЕ, И СТРАНИЦУ, НА КОТОРОЙ УПРЯТАНА ЗАВЕТНАЯ ЦИТАТА.

ОТМЕТИМ, ЧТО В ЭТОМ ГОДУ МЫ ПОЛУЧИЛИ РЕКОРДНОЕ ДЛЯ ВИКТОРИН КОЛИЧЕСТВО ИЛЛУСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА, КОТОРЫЙ С УДОВОЛЬСТВИЕМ — В МЕРУ ВОЗМОЖНОСТЕЙ — ИСПОЛЬЗОВАЛИ ДЛЯ ОФОРМЛЕНИЯ НАШЕГО ОБЗОРА.

ЭПИГРАФЫ К ОТВЕТАМ НАМ ПОМОГЛИ ПОДОБРАТЬ НА ЭТОТ РАЗ Р. АРБИТМАН И В. КАЗАКОВ (САРАТОВ), С. ВАРТАНОВ (МОСКВА), В. ВОРОБЬЕВ (ПОЛТАВА) И Б. РИФТИН (СУМЫ), Т. И. О. КОЛЕСОВЫ (САРАТОВ), М. МИРКЕС (НОВОСИБИРСК), В. МОЛЧАНОВ (ПЕРМЬ), Г. ФАТЕЕВ (ЛУНГА МССР) И С. ХОМЕНКО (НОВОЧЕРКАССК).

В СВЯЗИ С ВЫРОСШИМ ОБЪЕМОМ ВИКТОРИНЫ ОТВЕТ НА ШЕСТОЙ ВОПРОС ПЕРВОГО ТУРА («ИНОПЛАНЕТЯНЕ, ИГРАЮЩИЕ В ФУТБОЛ») ОТЛОЖЕН НАМИ НА БУДУЩЕЕ. ОТВЕТЫ НА ОСТАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ — ПЕРЕД ВАМИ.

ПЕРВЫЙ ТУР

1. «ПОГОДИ, АНДРЕЙ... ПОСМОТРИ, КАК ОН БЕЖИТ... ОН НЕ МНЕТ ТРАВЫ. ОТ НЕГО НЕ ОСТАЕТСЯ СЛЕДОВ. ОН БЕЖИТ ПО ВОЗДУХУ...» О КОМ ИДЕТ РЕЧЬ? И НЕ ПРИПОМНИТЕ ЛИ ВЫ ДРУГИХ «НЕОЩУТИМОК», ПРИОБРЕТШИХ ЧУДЕСНОЕ СВОЕ СВОЙСТВО ПРИ ПОМОЩИ НАУКИ!

«Итак, я человек-призрак, всюду проникающий, неуловимый и неуязвимый. Я почти «дух» и

все же я человек из плоти и крови», — думал профессор Вагнер, проходя сквозь стену камина...

А. Беляев. Гость из книжного шкафа

Подобно Беляевскому Вагнеру, неуловим, неуязвим, вездесущ и псевдо-Джордж из рассказа М. Емцева и Е. Парнова «На Зеленом Перевале» (другое название — «Не оставляющий следа»), цитату из которого опознали, правда, не четыре четвертых, как предположили

В. Воробьев (Полтава) и Б. Рифтин (Сумы), но, во всяком случае, добрых две трети участников викторины.

Что же касается общей части вопроса... Читатели исследовали, прежде всего, сам термин «неощутимка». Приведем соображения Ю. Олдаковского (Петропавловск КазССР): «Объект неощутим, то есть не обнаруживается нашими органами чувств, а их у нас всего пять. Но! На вкус мы никого не пробуем, обонять для нас тоже довольно затруднительно, ну, а двигаться бесшумно можно и без помощи науки. Значит, останавливаемся на двух. Зрение: объект неощутим зрительно, то есть невидим. Осязание: объект неосязаем».

О невидимках мы уже дважды писали в прошлом году (см. №№ 9, 10), да и формулировка вопроса, по резонному замечанию Г. Прокопика (Вязники), диктует важное ограничение темы — **видимый** «неощутимка». Другое ограничение — неощутимость достигается с помощью науки, почему мы и не приводим здесь солидный экскурс в историю привидений, проделанный, скажем, рязанцами А. Павленко и С. Тютюнником.

Наиболее, пожалуй, глобально проработал эту поисковую часть нашего вопроса В. Молчанов (Пермь), классифицировавший «граждан престранного вида» по способам достижения неощутимости. Его классификация впечатляет, но, в силу объема, решительно не укладывается в наш обзор.

Чаще же всего в ответах на викторину варьировалось следующее:

1) реальные существа и объекты,

в результате эксперимента или по стечению обстоятельств ставшие полностью или частично проницаемо-проникающими по отношению к окружающему физическому миру (Е. Войскунский, И. Лукодянов. Экипаж «Меконга»; М. Эме. Человек, прошедший сквозь стены);

2) «неощутимки» пространственно-временного характера (Р. Брэдбери. Ночная встреча; С. Снегов. Дом с привидениями);

3) видеофантомы, стереовизажения и т. п. имитации (К. Булычев. Великий Дух и близнецы; А. Азимов. Обнаженное солнце);

4) существа и объекты, являющиеся сгустками полей и потому не имеющие вещественной структуры (В. Кайдош. Игра с призраком; А. Якубовский. Прозрачник).

2. ИЗВЕСТЕН ЛИ ВАМ КОСМОНАВТ ШОРИН!

Искусство, жизнь и природа обладают одним свойством: они не любят копий. Плохо быть двойником, однофамильцем...

Г. Гор. Имя

Чувствуете, насколько эмоционален эпиграф, подобранный к этому вопросу, расцененному между тем участниками викторины как самый-самый легкий? С одной стороны, кому же из любителей фантастики в самом деле не известен герой рассказа Г. Гуревича «Функция Шорина», в переработанном виде вошедшего и в роман «Мы — из Солнечной системы»? Девять из десяти ответили на этот вопрос! Но ответили — на внешнюю, очевидную его часть, потому что было у него и «второе дно». Догадаться-то об этом без особого труда догадались многие («Такое чувство, будто на мину наступил...»; «Вопрос очень прост, как бы не оказался ловушкой?»; «В нем так и чувствуется ехидная ухмылка...»), однако найти второго Шорина удалось лишь пятой части отвечавших. К слову сказать, эмоциональный наш эпиграф был подкреплен не менее эмоциональной репликой: «Честно говоря, мы уже устали от однофамильцев: не тот Привалов, не тот Ложкин, не тот Шорин...» К сведению эту реплику мы приняли, но напрочь отказываться от однофамильцев в НФ все-таки не намерены и в будущем — при условии их «прописки» не в серых унылых однодневках, а в произведениях, которые можно считать вошедшими в «рабочий» фонд нашей фантастики.

Второго Шорина зовут Юрием Федоровичем, живет он в рассказе В. Журавлевой «Поправка на икс» и должен бы быть не менее знаменитым, чем Герман Шорин Г. Гуревича: ведь он — президент Академии наук, конструктор межпланетных кораблей, участник Лунной экспедиции!

3. ЧЕЛОВЕК ВХОДИТ В КАРТИНУ, И... ВСТРЕЧАЛАСЬ ЛИ ВАМ ПОДОБНАЯ СИТУАЦИЯ? В ЧАСТНОСТИ, С КАРТИНОЙ В. ВАСНЕЦОВА «АЛЕНУШКА»!

— Так просто взял и вошел!..

— Да, но это было в легенде. В жизни такого не бывает.

Г. Гор. Геометрический лес

В жизни — да, не бывает. Но ведь фантастика — особая страна, в ней, как пишет А. Григорян (Ереван), на картину не повесишь табличку «Вход запрещен»...

«Живопись издавна привлекала к себе внимание писателей, — пишет Л. Абдулин (Казань). — Дьявол пытается с картины заключить сделку с героем рассказа Г. Уэллса «Искушение Хэррингея». Портрет стареет за героя романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея». Сходят с картин герои повести Н. Гоголя «Портрет», неоконченного романа М. Лермонтова «Штосс», а герой рассказа В. Иванова «Поединок» даже дерется на дуэли с сошедшим с картины Георгием Победоносцем. Однако входить в картины начали позже, почему-то более популярны были зеркала, но это отдельная тема...»

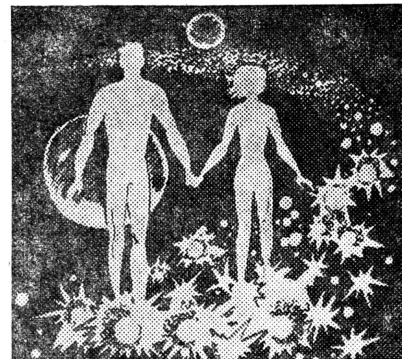
Согласимся с автором письма: зеркала в данном случае — это действительно «совсем другая история», и отправимся на поиски чудесных полотен...

Целую россыпь их мы обнаружим в повестях и рассказах Г. Гора «Имя», «Сад», «Детство Смита», «Картина», «Геометрический лес», «Изваяние»; персонажи трех последних в разной степени успешно попадают в «закартинный» мир.

Входит в картину героиня рассказа Л. Панасенко «Итальянский пейзаж»; в нарисованном светлом мире спасается от деспота-хозяина мальчик Мигель в рассказе того же автора «Одинокий всадник», переработанном позже в повесть «Залив Недотроги».

Проникают в «Закартинье» персонажи повестей С. Гансовского «Шесть гениев», С. Кольцова «За Магнитной Стеной» и Ю. Медведева «Чаша терпения», рассказов А. Грина «Фанданго», М. Веллера «Все уладится», З. Гендерсон «Что-то блестящее». Живут в нарисованных ими мирах художники в рассказах К. Абэ «Волшебный мелок», А. Декле «Картина», Д. Толкина «Лист работы Мелкина», В. Грачева «Крестики Сентеми».

А в материализованном мире «Аленушки» В. Васнецова навсегда остается герой рассказа С. Могилевцева «Преддипломная практика». Об этом рассказе, опубликованном в сборнике «Фантастика-81», знают две трети участников викторины.

4. НЕ ПОПАДАЛИСЬ ЛИ ВАМ В НФ [А НЕ В СКАЗКЕ Э. УСПЕНСКОГО!] КРОКОДИЛ ГЕНА И ЧЕБУРАШКА!

— Чем вы занимались сорок дней!.. Позор! Ни одного толкового ответа...

А. и Б. Стругацкие. Полдень, XXII век

Признаемся сразу: не обнаружив стопроцентно пригодного эпиграфа, из пристрастия к парадоксам провокационно поставили вышеприведенный. Ибо ответами вот на этот вопрос мы как раз более чем довольны...

Прежде всего, хотя и пришлось нашим читателям, по выражению одного из них, листать фантастику в данном случае буквально «под электронным микроскопом», общими усилиями была-таки набрана целая группа произведений, в которых вместе или порознь упоминаются герои Э. Успенского. Это — «Быстрые сны» и «Дарю вам память» З. Юрьева, «Фазтон» М. Чернолуцкого, «Странник» С. Абрамова, «Почти невероятные приключения в Артеке» П. Аматыни, «Горький напиток «Сезам» Ф. Дымова, «Не смей!» А. Смоляна, «Сны семиклассника» А. Моргуна и другие. Чаше же всего (в каждом втором ответе) называлась «Экспедиция в преисподнюю» С. Ярославцева с ее Ятуркенженсирхивом — уже фигурировавшим однажды в нашей викторине симпатичным маленьким негодяем, внешне вылитым Чебурашкой, «только белым, как снег, и с красными глазами».

И не только называлась! Из Саратовата мы получили бандероль с приложением к ответу — самим Ятуркенженсирхивом, материализованным: а) «из извечной женской любви к рукоделию» и б) потому что «он давно перевоспитался и, по его собственному заявлению, уже три года, как годяй»... Прежде чем поместить его в создающийся при редакции музей фантастики, мы попросили

фотографа запечатлеть и для журнала этого действительно до крайности симпатичного сапиенса (в событиях печатавшейся у нас заключительной части «Экспедиции...», увы, уже не участвовавшего), а его творцам, сестрам Татьяне и Ольге Колесоным, без раздумий начислили тут же сразу пять дополнительных баллов! Сообщаем о том не без намека: в музее нашем есть книги, есть многочисленные фото и рисунки, плакаты, проспекты, листовки, билеты, даже марки, значки и экслибрисы есть, но вот объемных экспонатов — ох, как не достаёт их для наших экспозиций...

Однако вернемся к викторине.

Во всех перечисленных произведениях, даже и в повести С. Ярославцева, упоминания о крокодиле Гене и Чебурашке все-таки слишком мимолетны. Полновесный ответ на первую половину нашего сверхкорварного вопроса нашел лишь каждый четвертый участник викторины, а на вторую — и вообще лишь каждый шестой: вопрос-то был задан по произведениям автора, возвращенного нашим журналом, а потому выявлял и степень знакомства с «Уральским следопытом» (как-никак, хозяином викторины!)...

Крокодил Геннадий фигурирует в рассказах Сергея Другала «Тигр проводит вас до гаража» и «Светлячковая поляна», опубликованных соответственно в № 1, 1977 и № 12, 1980 нашего журнала. «Ну, а какой же крокодил Гена без Чебурашки? И вот уже в Институте Реставрации Природы выводят новый вид — чебурашку пятнистую многочисленную...» К этим словам нынешнего

трио из Горловки добавим, что в нашем, журнальном варианте рассказа С. Другала «Экзамен» (№ 6, 1979) упоминания о «новом виде» нет: искать его нужно в другом варианте рассказа — в сборнике «НФ-21».

5. КАКИЕ НФ ПРОИЗВЕДЕНИЯ НАЧИНАЮТСЯ СО СЛЕДУЮЩИХ ФРАЗ: А) «ПЕРЕД ТЕМ, КАК ВОЙТИ В ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ БОКС, Я ВЗГЛЯНУЛ НА ИНДИКАТОР ЛИЧНОГО СЧАСТЬЯ»; Б) «КНИГУ Я НАПИСАЛ ЗА ОДНУ НОЧЬ»; В) «СОЗДАТЕЛЕМ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ МУЗЫКИ ОБЩЕПРИЗНАН МИХАИЛ ПОТАПОВ»!

Лиха беда — начало...

Народная мудрость

По полученным нами ответам можно было бы составить три небольших новеллы, причем — с эффектнейшими эпиграфами!.. Ограничимся, однако, тем, что воспроизведем готовый рассказ о поисках ответа на второй пункт вопроса, который...

«...непросто оказалось найти. Пришлось подумать, в каких произведениях такое может произойти: у героя или необходимость (то ли перед смертью, то ли перед тем, как на что-то решиться), или возможность справиться с написанием книги за одну ночь.

Мы подумали сперва о необходимости. Например, у героя «Клиники «Сапсан» Г. Альтова было всего три часа, чтобы отчитаться перед нами. А герой «Рассказа с витаминами» С. Минкова написал роман за 16 дней (чего не сделаешь за 300 000 левов).

Подход от необходимости ничего не дал, и мы подумали о возможности. Возможность написать книгу за одну ночь будет у героя, если он или автор что-то проделал с ночью. Например:

— герой пишет на ночной стороне планеты, повернутой к светилу одной стороной,

— в его распоряжении полугодовая полярная ночь,

— есть возможность активизировать способности на короткое время (как раз на одну ночь)

— или ускорить время героя, пока все спят.

Нам почему-то понравился последний вариант, и мы полезли в «Темпоград» Г. Гуревича. «Темпоград» не начинается с такой фразы, но он навел нас на повесть Гуревича со сходной идеей — «Делается открытие», последняя глава которой начинается похожей фразой: «Книга эта написана за одну ночь». Блиско! А точный ответ — «Открытие секунды» Г. Гуревича («УС», 1977, № 3).

Мы привели этот рассказ уже упоминавшегося трио из Горловки, дабы показать: в поисках ответов на подобные вопросы вовсе не обязательно механически перерывать всю доступную литературу, можно ведь руководствоваться и заключенным во фразах смыслом...

Так или иначе, первая из фраз (начало рассказа В. Колупаева «Разноцветное счастье», тоже печатавшегося в нашем журнале, — 1973, № 5) найдена каждым третьим, вторая — каждым вторым, а третью (ею начинается рассказ С. Снегова «Огонь, который всегда в тебе») успешно «вычислили» две трети отвечающих.

7. «...И ВДРУГ Я ВСПОМНИЛ, ЧТО КОГДА МОЙ ДРУГ... УЛЕТАЛ С ЗЕМЛИ, ОН ДАЛ МНЕ СВОЙ ЛЕГКОЗАПОМИНАЮЩИЙСЯ ТЕЛЕФОН... ДОБЕЖАВ ДО БЛИЖАЙШЕГО АВТОМАТА, Я ВОШЕЛ В БУДКУ И НАБРАЛ НА ДИСКЕ ОДИННАДЦАТЬ ЕДИНИЦ И ПЯТЬ ПЯТЕРОК». ГДЕ ПРИВЕДЕН ЭТОТ ОБРАЗЕЦ МЕЖПЛАНЕТНОЙ СВЯЗИ? КСТАТИ, НЕ ПРИПОМНИТЕ ЛИ, В КАКИХ НФ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ГЕРОИ ЗВОНЯТ САМОМУ СЕБЕ? А В ПРОШЛОЕ? ВОЗМОЖНО, ВАМ ИЗВЕСТНЫ И ИНЫЕ НЕОБЫЧНЫЕ СИТУАЦИИ, СВЯЗАННЫЕ С ТЕЛЕФОНОМ!

Телефон — необыкновенно удобная штука. Стоит и прямо так требует: позвони кому-нибудь...

Р. Брэдли. Убийца

Отложив на будущее подробный разговор о многообразных взаимоотношениях телефона и персонажей фантастики, коротко уведомим: цитата, приведенная в вопросе, взята из повести В. Шефнера «Человек с пятью «не», или Исповедь простодушного». Вася-с-Марса (а на самом деле пришелец из далекой Загалактической туманности X-51719), которому столь запросто звонит герой повести, оказался известен каждому второму участнику викторины.

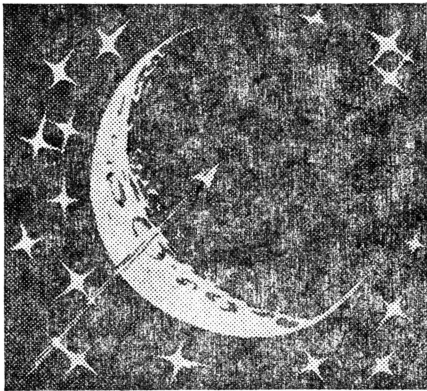
ВТОРОЙ ТУР

Рассказ из названий

**А наш роман — и не роман,
А так, одно заглавие!**

Песня из кинофильма

Вначале — еще одна микроновелла горловского трио.

«Есть названия, которые часто употребляются, но «Возвращение» бьет все рекорды — 10 раз! А если добавить «Возвращение олимпийца» (И. Росохватский), «Возвращение Сухарева» (В. Щербаков), «Возвращение героев» (Рю Мицусе), «В бухте Возвращения» (И. Росохватский)... Видно, есть особый «Аромат возвращений» (И. Мынзкуртэ), даже «Пчата за возвращение» (В. Щербаков) фантастов не пугает...»

Маленькое уточнение: «Возвращения» оказалось даже больше. Кое у кого из читателей к этому названию подобрано по 11 авторов. Особой заслуги в этом мы, впрочем, не усмотрели: как выяснилось, в предыдущих наших заданиях подобного рода фигурировала пятая часть употребленных на сей раз названий, в том числе — и «Возвращение» со списком в девять авторов.

Сожалею также, что не оговорили заранее приемлемость лишь тех авторов, чьи произведения, во-первых, относятся к художественной литературе (из рассмотрения исключаются сугубо очерковые вещи, а также произведения иных видов искусства: живопись, кино, музыка...), а во-вторых, печатались на русском языке.

Отметим, что авторов ко всем названиям рассказа подобрали 59 наших читателей. Сюда мы включили и тех, кто название «Человек на Луне» разбил на два: «Человек» (Г. Диксон) и «На Луне» (К. Циолковский).

А теперь — расшифровка...

Полет на Луну (В. Морозов, Н. Эрдман; В. Чухров). 13 июня, пятница (М. Грешнов). Летнее утро (К. Бульчев). Космодром (Е. Сурдыковский; К. Фиалковский). Ракета, красивая как мечта (О. Лукьянов). Третья экспедиция (Р. Брэдбери). Путешествие будет долгим (А. Иннес). Каким ты вернешься? (И. Росохватский). «Дрион» покидает Землю (А. Ломм). Путешествие на Луну (С. Граве; Ж. Ле Фор; А. Графинья; К. Мейер-Лемго). В этот исторический день (Л. Розанова);

Человек на Луне (Ф. Годвин). Лунная пыль (А. Кларк). Чужая планета (С. Гансовский). Станный, незнакомый мир (Я. Зайдель). Где не ступала нога человека (Р. Шекли). Уже 30 минут на Луне (В. Фирсов). Южнее залива Астронавтов (Э. Махмудов). В серебристой лунной мгле (Р. Брэдбери). Парчовая скала (В. Колин). Миллионы в пещере (М. Лилина). Ведро алмазов (К. Саймак). Удача (В. Михановский; Л. Панасенко). Подарок селенитов (Г. Арельский). Бесконечная ночь (П. Буль). На серебряной планете (Е. Жулавский). Диковинное диво (Р. Брэдбери). Изумрудные (Б. Зубков, Е. Муслин). Цветы лунной ночи (Д. Биленкин). Ясное утро после долгой ночи (Г. Мельников). Возвращение (Ч. Ван де Вет; И. Варшавский; М. Гарсиа-Виньо; Х. Голд; А. Грин; А. Дончев; С. Касымкулова; М. Мамонова; В. Сапарин; А. и Б. Стругацкие; А. Томилин). На двенадцатый день (М. Лейнстер). 31 июня (Д. Пристли). Под ногами Земля (И. Варшавский). Как здорово вернуться (Р. Хайнлайн).

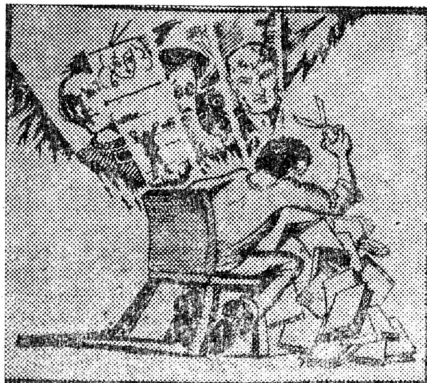
ТРЕТИЙ ТУР

1. ПОПЫТАЙТЕСЬ СОСТАВИТЬ КОРОТКИЙ РАССКАЗ ИЗ ЧЕТЫРЕХ-ПЯТИ ЦИТАТ, ВЗЯТЫХ В НФ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РАЗНЫХ АВТОРОВ.

— Если бы губы Никанора Ивановича да приставить бы к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазарыча, да, пожалуй, прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича...

Н. Гоголь. Женитьба

«Задание это показалось нам не вполне этичным, — пишут Р. Арбитман и В. Казаков (Саратов). — Одно дело — рассказ из названий, другое дело — окрошка из цитат. Не уподобимся ли мы, взявшись за такое задание, персонажам рассказа С. Лема «Сделай книгу сам», не превра-

тим ли любимые произведения в своего рода литературный конструктор?.. Нам, честно говоря, совсем не хочется, скажем, скармливать Максима Каммерера динозавру или приставлять голову профессора Доуэля Человеку-невидимке. Пусть уж лучше все останется как есть...»

Пожалуй, и впрямь есть резон в этой реплике...

2. НАПИШИТЕ ЛАКОНИЧНЫЙ, НЕ БОЛЕЕ ОДНОЙ-ДУХ СТРАНИЦ, АРГУМЕНТИРОВАННЫЙ ОТЗЫВ ОБ ОДНОЙ ИЗ НФ НОВИНОК 1982—1983 гг.

— Пардон! — потребовал Витька. — Я желаю, чтобы в газете был отдел литературной критики. Я хочу писать критические статьи. Я вас всех раздолбаю!

А. и Б. Стругацкие. Понедельник начинается в субботу

Хотя и встречались нам подчас жестковатые, не без доли предвзятости, отзывы (неизбежные, впрочем, как и завышенные порою оценки весьма средних произведений), в целом ответы свидетельствуют, что читатели наши, к счастью, достаточно далеки от амбиций беспардонного Витьки Корнеева. Стремления во что бы то ни стало «раздолбать» не ощущается, пожалуй, ни в одном из отзывов.

Полученный материал мы непременно используем в одном из номеров будущего года; пока же сообщаем, что отзывами охвачено почти семьдесят произведений. Жаль, конечно, что в их числе оказались и переводные произведения: с давних пор печатая предпочтительно фантастику отечественных авторов, мы предполагаем следовать тому же принципу и в обзорах читательских отзывов о новинках. Но тут уж наша собственная вина: нечеткая формулировка вопроса...

3. «МАССАРАКШ». «ЧЕПЬЮВИН»... НАБЕРИТЕ С ДЕСЯТОК ПОДОБНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ, ПО КОТОРЫМ МОЖНО БЫЛО БЕЗОШИБОЧНО ОПРЕДЕЛИТЬ ИХ АВТОРОВА.

Я с двенадцати лет начал составлять словарь, который называл СОСУДОМ...

В. Шефнер. Девушка у обрыва

Не впервые заводим мы в своих викторинах речь о неологизмах в фантастике — и вновь бессильно опускаем руки, в очередной раз получив от читателей не поддающийся

ся ни осмыслению, ни механической обработке, попросту неподъемный массив слов, изобретенных писателями-фантастами. Не помогла и маленькая хитрость — требование безошибочной, без «мозгового штурма», привязки неологизма к его автору, ибо (правы читатели!) у каждого свои воспоминания и ассоциации, свой уровень начитанности, свои пристрастия, и очевидное для одного вовсе не бесспорно для другого. Даже и приведенные нами словечки А. и Б. Стругацких (из «Обитаемого острова» и «Жука в муравейнике») и В. Шефнера (из «Девушки у обрыва») оказались крепким орешком для тех, кто лишь начинает свое знакомство с НФ...

Между тем эта тема — неологизмы в фантастике — бесспорно, интереснейшая, в этом с нами согласны и многие из участников викторины. Но в одиночку не справиться с нею даже и Матвею Ковригину, столь истоиво и самозабвенно собиравшему свой «Словарь Отмерших Слов, Употреблявшихся Древними»... Нет, работать тут нужно сообща, большим коллективом! Но каким образом организовать эту работу? Ждем ваших предложений!

ЧЕТВЕРТЫЙ ТУР

1. «АХ, ТЕТУШКА, ЭТО ВЫ! — ОБРАДОВАЛАСЬ ЮНАЯ БАБА-ЯГА.— А ДЕДУШКА ОТДЫХАЕТ. ОН ТОЛЬКО ЧТО ВЕРНУЛСЯ СО СТАДИОНА НА ЛЫСОЙ ГОРЕ. ТАМ, ГОВОРЯТ, БЫЛ ГРАНДИОЗНЫЙ ШАБАШ! С ТАНЦАМИ И ФЕЙЕРВЕРКОМ...» ОТКУДА ЭТО! В КАКИХ ЕЩЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ФИГУРИРУЕТ МЕСТО, НАЗЫВАЕМОЕ ЛЫСОЙ ГОРОЙ!

— Не советую, гражданин... мнэ-э... не советую. Съедят.

А. и Б. Стругацкие. Понедельник начинается в субботу

Не любят фантасты летать хотя бы мысленно на Лысую гору, помнят, знать, приведенную нами рекомендацию кота Василия из НИИЧАВО!

Любители-то покопаться в истории вопроса, рассмотреть его всесторонне, пожалуй, нехватки в материале не испытывают, поскольку охотно уведят нас, с одной стороны, к «Фаусту» Гёте, к повести О. Сомова «Киевские ведьмы» (1833), а с другой стороны — через роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» к «совершенно потрясающему», по оценке Г. Прокопика, рассказу Л. Андреева «Иуда Искариот» и еще дальше — к Библии (естест-

венно, именуя ее при этом одним из древнейших фантастических произведений)...

Но вот улов в современной фантастике откровенно не богат.

Правда, две трети отвечавших с нескрываемым подчас удовольствием вспомнили развеселый «Понедельник...» А. и Б. Стругацких — с телефонограммой для гражданки Горыныч Наины Киеваны («Первая встреча... состоится... на Лысой горе. Форма одежды парадная...»), с отчетом об этой «встрече» («Вчерашней ночью на Лысой горе состоялся традиционный весенний слет. Участники вели себя крайне безобразно...»).

Многие вспомнили и телевизионный фильм «Чародеи» — песню «Ведьма-речка» из него, со словами «Как на Лысой горе черный камень лежит»...

Треть отвечавших нашла и источник цитаты, приведенной в вопросе, — тоже не грустную и тоже сказочную повесть Г. Садовникова «Продавец приключений». По словам трио из Горловки, упомянутой в отрывке дедушка «был джинном, тетушка — ведьмой, кроме того упоминаются и черти. Наряду с этим джинн пользуется нуль-транспортной, есть и реактивные метлы...»

Почти все остальное из собранного участниками викторины представляет либо сугубо частные упоминания Лысой горы («Рабочее место превратили в Лысую гору», — негодует, к примеру, герой рассказа Р. Подольного «Дальнейшему хранению не подлежит»), либо к этой конкретной горе никак не привязано (скажем, в повести С. Слепынина «Звездные берега»: «Солнце скрылось за Лысой горой...»), а то вообще и звучанием своим лишь напоминает об этом названии: Лысая грива (В. Корчагин. Астийский эдельвейс), Лысая сопка (О. Гурский. Ближе, чем думают люди)...

Оттого нетрудно понять эмоции девятиклассника из Горького Александра Трухина: «Нет, бывает же такое! Где угодно, только не в фантастике!.. Это я про место, называемое Лысой горой. Во-первых, у Мурсорского есть «Ночь на Лысой горе» (это произведение фигурирует в повести В. Соколовского «Облако, золотая полянка», публиковавшейся в «Следопыте» в 1979 году). А во-вторых, в романе Л. Толстого «Война и мир» имение старого князя Болконского называется Лысые горы...»

Кстати... Сестры Колесовы, помимо Ятрукенженсирхива, приложили к ответам фотографию из книги «Туристские маршруты Саратовской области». Приложили не без умысла, ибо подписи под фотографией гласит: «Склоны Лысой горы в Саратове — излюбленное место тренировок туристов». Вот так-то!.. В письме

они пишут: «В районе нашего города имеется Лысая гора, а в области — даже Лысогорский район с райцентром Лысые Горы, где есть еще одна Лысая гора...»

2. ВЕЛИКОЕ КОЛЬЦО ИЗ РОМАНА И. ЕФРЕМОВА. ВСТРЕЧАЕТСЯ ЛИ ОНО В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДРУГИХ ПИСАТЕЛЕЙ-ФАНТАСТОВ!

— Мы зовем вас — сливайтесь с нами в Великом Кольце, чтобы нести во все концы необъятной вселенной могучую силу разума...

**И. Ефремов.
Туманность Андромеды**

Начнем с того, что мысль о Великом Кольце Милов появилась, конечно же, не на пустом месте. Не случайно читатели, отвечая на наш вопрос, вспоминали и Джордано Бруно с его идеей населенного космоса, и К. Циолковского с провидческим: «...объединяются также ближайшие группы солнц, млечные пути, эфирные острова...», и В. Брюсова, утверждавшего в поэзии космическое предназначение человечества, и другие славные имена.

Идея объединения разумных миров с помощью информационных передач от одной населенной планеты к другой, выраженная в произведениях Ефремова в виде эффектного образа, прозвучала мощно и широко, ведь первое из этих произведений — роман «Туманность Андромеды» — появилось практически одновременно с первым искусственным спутником Земли, оповестившим о вступлении человечества в космическую эру. Участники викторины, разумеется, собрали целую группу романов, повестей и рассказов, в которых упоминается Великое Кольцо (Г. Альтов. Порт Каменных Бурь; Л. Панасенко. Диалог; Г. Шах. Нет повести печальнее на свете...; Р. Агисhev. Руэлла; Б. Гурфинкель. Черный гребень Чолпонбая; К. Сошинская. Космотехника; О. Ларионова. Сказка королей; М. Пухов. Станет светлее; А. Полещук. Ошибка Алексея Алексеева; А. Казанцев. Купол Надежды; О. Гурский. Звездная ветвь Прометеев; ряд других произведений). Однако и нас, и читателей наших несколько озадачило, что эта группа вовсе не столь обширна, как думалось...

Впрочем, если разобраться, ничего удивительного в том нет.

Как всякая по-настоящему большая и плодотворная идея, мысль о Великом Кольце Милов распахнута в будущее. Именно поэтому, только-только появившись, она тут же стала предметом полемики. Перечитаем «Порт Каменных Бурь» Альтова: «Допустим, Великое Кольцо создано.

Что это даст? Каждое сообщение будет идти десятки, сотни, может быть, тысячи лет... Установление контактов, если принять идею Великого Кольца, ничего не меняет: все, как и раньше, остаются на своих островах...» А теперь вспомним ефремовского Мвена Маса: разве не сам Ефремов стоит за его неистовым стремлением прикоснуться вплотную к невероятно далекому иному миру? Связь по Кольцу и для Ефремова — лишь необходимая первая ступень в общении разумных миров, и Ефремова не устраивают «черепашьи» скорости радиоволн, тяготит вынужденная зависимость от конечной скорости света!

Перед нынешними фантастами — в отличие от первопроходцев, к которым, безусловно, должно отнести Ефремова, — даже не встает необходимость самых минимальных научных обоснований для всевозможных «проколов» пространства: усилиями первопроходцев (и в немалой степени — именно Ефремова) неизменно изменилась и сама фантастика, и требования к ней стали иными. Развивая, в сущности, идею Кольца, выводя ее на новую ступень, фантасты в век звездолетов запросто создают на страницах своих книг объединения галактических и едва ли не вселенских масштабов, вовсе не обязательно — и даже не слишком часто — прибегая для этого к идее Звездных Городов, на которой настаивал Альтов. Свободно оперируя пространством-временем, моментально перемещаясь из одного конца галактики в другой, они, наши сегодняшние фантасты, словно эстафету, несут в безбрежности космоса великую идею Содружества Миров — ту самую первооснову, которая и была прежде всего заложена Ефремовым в его Великое Кольцо. И пусть эти объединения называются у каждого автора по-своему (Межзвездный Союз, Совет Миров, Космическое Содружество, Кольцо Миров, Галактический Союз Систем, Межзвездная Федерация, Галактическая Конвенция, Звездное Содружество, Ассоциация Свободных Планет, Галактический Совет, Союз Тысячи Планет, Вселенское Содружество Разума, Союз Коммунистических Планет и еще многие другие наименования перечислены нам участниками викторины) — важно, в конце концов, не название, а то, что за ним стоит. И если стоит за ним идея Содружества Миров — значит, воплощаются автором те самые заветные мысли, которые вынашивал Ефремов, придумывая свое Великое Кольцо...

3. «ПЬЮ СТАКАН АПРЕЛЯ, — ОТВЕТИЛ ОН... — Я ВСЕГДА НЕ РАВНОДУШЕН К АПРЕЛЮ. МАЙ НА НЕГО ПОХОЖ, НО НЕМНОГО ТЕП-

ЛОВАТ. НУ, А ИЮНЬ, ИЮЛЬ И АВГУСТ ВЫЗЫВАЮТ У МЕНЯ ТОЛЬКО ЖАЖДУ ЗОЛОТОГО ВИНА ОСЕНИ...» ИЗ КАКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЭТА ЦИТАТА! А ВОТ ЭТА: «ВИНО ИЗ ОДУВАНЧИКОВ. ЕСТЬ В НЕМ И НЕМНОГО СОКА ЛОПУХА. СЛИШКОМ УЖ ХЛОПОТНО ВЫБИРАТЬ НЕ-НУЖНУЮ ТРАВУ, КОГДА НАРВЕШЬ БОЛЬШУЮ ОХАПКУ...»

— Дайте мне только одну минуту, и я отвечу...

Г. Уэллс. Машина времени

Подтвердим, чтобы оправдать эпиграф: и отвечали! Не задумываясь!.. Добрая треть участников викторины если не прямо, то предположительно связала авторство обоих отрывков с именем Брэдли...

Что ж, резон — был. Уж очень напоминает первый отрывок (как и все, что печаталось у Роберта Янга на русском языке) писательскую манеру, стиль Рэя Брэдли. К тому же у Брэдли — нескрываемая тяга к описанию времен года, месяцев, особенно же любовно описывает он именно апрель. Трио из Горловки, специально исследовавшее эти пристрастия писателя, даже выразило автору вопроса свою признательность за него. Второй же отрывок... О чем речь?! Хорошо тому, кого он «провокационно заставил перевернуть «Вино из одуванчиков» Р. Брэдли и развести руками» (по словам М. Шора из Тирасполя). А те, кто ни на минуту не усомнился в собственной эрудиции?..

Словом, в связи именно с этим вопросом девятиклассник из Москвы Андрей Комельков сформулировал такое правило: «Когда рассматриваешь фантастику под микроскопом — не торопись!»

По этим-то вот причинам лишь пятая часть отвечавших определила, что первый отрывок взят из рассказа Р. Янга «Любовь в XXI веке» (другое название — «Механический фиговый листок»).

Второй отрывок — из рассказа К. Саймака «Сделай сам». Саймака у нас знают лучше, потому на этот подвопрос ответила правильно целая треть участников викторины.

Кстати... Оба рассказа, в переводе Д. Жукова, помещены в вышедшем совсем недавно сборнике «Паломничество на Землю»...

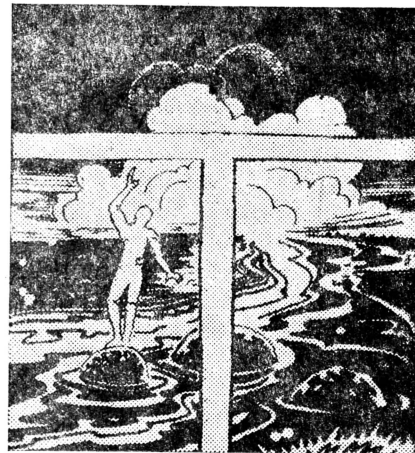
4. «В ОКНО БЫЛА ВИДНА РЕКА. ИЗ ВОДЫ ТОРЧАЛИ КАМНИ. С КАМНЯ НА КАМЕНЬ ПРЫГАЛ КАКОЙ-ТО ЧЕЛОВЕК, А ОДИН РАЗ СМЕШНО ПОСКОЛЬЗНУЛСЯ И УГОДИЛ НОГОЙ В ВОДУ. КОГДА БЫ

Я НИ ПОДОШЕЛ К ОКНУ, Я ВСЕГДА ВИДЕЛ ОДНО И ТО ЖЕ». ОТКУДА ВЗЯТ ЭТОТ ОТРЫВОК! ПОПАДАЛИСЬ ЛИ ВАМ В ФАНТАСТИКЕ ДРУГИЕ ПОДОБНЫЕ ОКНА!

— В старые времена во всех комнатах были подобные штуки. Их называли окнами. Вы слышали об этом!

А. Азимов. Стальные пещеры

Ответ на конкретную часть вопроса («Синее окно Феокрита» Г. Гора) нашли около ползины участников викторины. Что же касается общей его части — оставим ее на потом. Ведь, по словам того же Андрея Комелькова, «окно (казалось бы, самая обыденная вещь!) в НФ часто имеет дополнительные качества, делающие возможным, например...» В этом «например» и загвоздка, благодаря которой о них — окнах в фантастике — настоятельно необходимо (а главное, и возможно!) отдельный трактат...

5. ВУЛКАНЫ В БУДУЩЕМ. «ВЕЗУВИЙ БЫЛ НА РЕМОНТЕ...»; «ГОЛОС ПРЕПОДАТЕЛЯ ПРИНЯЛСЯ РАССКАЗЫВАТЬ О ТОМ, КАК БЫЛ ПОГАШЕН ВУЛКАН СТОМБОЛИ...» ОТКУДА ЭТИ ЦИТАТЫ! СУМЕЕТЕ ЛИ ВЫ ДОБАВИТЬ К НИМ ИДЕНТИЧНЫЕ!

...Везувий уже выгорел... Но Этна еще горит...

В. К.

До знакомства с ответами на наш вопрос мы и не представляли, сколь же часто фигурирует Везувий в фантастике! Теперь — представляем. И потому вынашиваем сверхковарную мысль: поскольку произведение, в котором «Везувий был на

ремонте», оказалось известным лишь десятку отвечающих (правда, и еще десяток бродил в своих поисках совсем-совсем рядом), то... Не будем-ка мы пока рассекречивать ни это произведение, ни наш эпиграф, а вот возьмем да и повторим в следующей же викторине вопрос о Везувии! И как вам это понравится?

Что касается второго вулкана, Стромболи,— с ним особых хлопот у читателей не было: повесть А. и Б. Стругацких «Полдень, XXII век (Возвращение)» безошибочно назвали более половины отвечающих.

6. «МЫ СЕГОДНЯ ВИДЕЛИ ЧЕТЫРЕ ВОСХОДА...»; «ОДНАЖДЫ Я ЗА ОДИН ДЕНЬ ВИДЕЛ ЗАХОД СОЛНЦА СОРОК ТРИ РАЗА!» ГДЕ ЭТО ПРОИСХОДИЛО? ВСТРЕЧАЛИСЬ ЛИ ВАМ ИНЫЕ ПОДОБНЫЕ СИТУАЦИИ!

— Сколько солнц светит над твоим домом? — спросил я, подумав немного.

— Два.

— Только — два!

С. Лем. Магелланово облако

Удивление рассказчика из романа С. Лема явно сквозило и в ответах. «Сорок три заката за двадцать четыре часа — не предел,— пишет, например, киевлянин В. Кобычев. И поясняет: — На экваторе линзоподобной планеты Месклин из повести Х. Клемента «Экспедиция «Тяготение» за одни земные сутки можно увидеть 160 восходов и столько же закатов. Ведь Месклин делает один оборот за 18 минут да к тому же находится в системе двойной звезды...»

Приведем и ответ В. Воробьева и Б. Рифтина — по ситуации в целом. «Что значит «сегодня»? За сутки? За чьи сутки? Если «сегодня» — это время от восхода до заката, то, пока в Заполярье пройдет день, у нас их будет 180. Это только на Земле, а что говорить о других планетах! Поэтому примем, что в сутках — 23 часа 56 минут 24 секунды (сутки — звездные, мы все-таки астрономы).

За это время можно увидеть несколько восходов (закатов), если: а) передвигаться по поверхности планеты быстрее линейной скорости вращения последней в данной широте (это бывает не только в фантастике, но и в жизни);

б) если время обращения планеты переменное (пример — «Планетат — безумная планета» Ф. Брауна) либо меньше, чем у Земли;

в) находиться на космическом корабле, обращающемся вокруг крупного тела, которое периодически

ски закрывает светило (пример — наши «Салюты»);

г) находиться на корабле (комете, астероиде и др.), обращающемся аналогично пункту «б».

Да, чуть не забыли. Космонавт в скафандре в открытом космосе — тоже своего рода планета (корабль, комета, астероид...) — см. пункты «б», «в» и «г»...»

Других ответов приводить не будем. Добавим только, что: д) наличие нескольких солнц у планеты естественным образом влияет и на количество восходов-закатов (как в случае с Месклином); е) это количество возрастает буквально до бесконечности при путешествиях во времени (см., например, классическую «Машину времени» Г. Уэллса); ж) книга второго космонавта планеты Земля, в полном соответствии пункту «в», имеет название «Семнадцать космических зорь», и вот как он, абсолютно реальный наш современник Герман Степанович Титов, об этом пишет: «Ночь набегаёт, как тьма туннеля, в который въезжаешь на автомашине. День — свет появляется так, будто его включают через реостат. Как люстру в театре... Космические сутки текут одни за другими...»

И закончим: первую цитату — из «Далекой Радуги» А. и Б. Стругацких — идентифицировал каждый пятый участник викторины, примерно столько же (чуть-чуть побольше) и тех, кто «признал» вторую — из «Маленького принца» А. Сент-Экзюперри.

7. КТО ЯВЛЯЕТСЯ АВТОРОМ БРОШЮРЫ «СПОСОБ СТЕРЕТЬ ВСЕЛЕННУЮ В ПОРОШОК И НЕ ПОГИБНУТЬ В ТО ЖЕ ВРЕМЯ!»

Ник и Джейн были очень рады, что съездили посмотреть конец света, потому что об этом можно было рассказать на вечере у Майка и Роби...

Р. Силверберг. Конец света

При чтении газет порою кажется, что ради подобного эффекта готовы приблизить конец света и иные заокеанские политики... Впрочем, не будем отвлекаться, вернемся к викторине.

Автором названной брошюры является некто Вильям Болваниус, перу которого принадлежит также труд «Существовала ли Луна до потопа? Если существовала, то почему же она не утонула? По причине малой известности этого автора (на вопрос ответила лишь девятая часть участников викторины) поясним: он фигурирует в рассказе А. П. Чехова «Летающие острова», представляющем собою пародию на романы Жюль Верна.

Кое-кто очень эмоционально упрекает нас: брать — в качестве задания для НФ викторины — Чехова?! Да еще рассказ, не входивший ни в одну из НФ антологий, печатающийся лишь в собраниях сочинений?!

— Но позвольте! — разрешим себе воскликнуть и мы. — Почему любитель НФ может (и даже вроде бы должен) помнить любую строчку не только из уважаемых, конечно же, и нами А. и Б. Стругацких, но и из переводных фантастов (лучших из них, разумеется) — и не обязан знать свою, отечественную классику (Гоголь, Достоевский, Салтыков-Щедрин, Чернышевский, Чехов, Куприн...), пусть даже в НФ антологиях и не печатающуюся?!

Право, в этом плане нам более по душе позиция любителей фантастики из Горловки.

«В анкете нашего клуба, — пишут они, — есть вопрос: назовите писателя-классика, не имевшего отношения к фантастике. Поскольку никто не хочет огульно заносить автора в такой список, то прежде доводится разобраться в его творчестве... Чехов — один из самых популярных авторов, он был рассмотрен в первую очередь...»

Нам очень хотелось бы, чтобы и другие наши читатели все-таки заглядывали порою в историю отечественной литературы...

ПЯТЫЙ ТУР

«Я КИНУЛСЯ К НЕМУ... МИСТЕР УЭЛЛС УЧИВО ОСВЕДОМИЛСЯ, КАК МОЯ ФАМИЛИЯ... ОН НЕ БЫЛ ПОХОЖ НА СВОИ ПОРТРЕТЫ...» ОТКУДА ЭТИ СТРОКИ? КСТАТИ, В КАКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ МАРСИАНЕ РАЗЫСКИВАЮТ УЭЛЛСА, ЧТОБЫ РАСКВИТАТЬСЯ С НИМ ЗА ТО, ЧТО ОН ИСКАЗИЛ МАРСИАНСКУЮ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ!

Два смысловых слоя я уловил, но, по-моему, там был еще и третий...

А. и Б. Стругацкие.
Жук в муравейнике

Мы не стали повторять здесь полностью отрывки, составившие это задание для микроколлективов в 2—3 человека, а дали лишь начальные фразы этих отрывков. Первый из них взят из рассказа И. Хобаны «...Своего рода пространство», второй — из романа К. Приста «Машина пространства», третий — из рассказа В. Малова «Интервью».

Роман Приста, опубликованный отдельной книгой, и рассказ Малова из «Юного техника» (1976, № 2)

одинаково известны примерно четвертой части всех участников викторины,— на этот вопрос попутно (необязательные ответы «так и лезли на глаза!») отвечали и читатели-одиночки. Но вот рассказ румынского фантаста («Нева», 1974, № 8) оказался действительно крепким орешком: менее тридцати отвечавших нашли его. Правда, еще столько же читателей предложили — «взамен» — сходно звучащий отрывок из рассказа Н. Курочкина «Безумная идея» (новосибирский сборник «Собеседник», вып. 5), в котором изобретатель машины времени отправляется к Уэллсу, чтобы убедить не выпускать в мир эту взрывоопасную идею (которую, как выясняется, сам же и «подбрасывает» будущему писателю)... Но те, кто следит за нашими викторинами, должно быть, заметили, что вот уже не первый год мы сознательно избегаем давать конкретные задания по произведениям, появившимся на свет вне Москвы и Ленинграда; единственным (полагаем, вполне понятным и закономерным) исключением из этого правила служит наш собственный журнал.

Ну а «мстительные» марсиане, разыскивающие Уэллса, взяты нами из рассказа С. Комацу «Хаотическая комедия». Кстати, они не более известны нашим читателям, чем рассказ Хобаны, а потому были привлечены и другие марсиане. Из рассказа Э. Гамильтона «Невероятный мир», в котором, опять-таки мстя землянам, заселившим Марс порождениями своей фантазии, и сами переходят к делу: с помощью собственных сочинений наводняют Землю разнообразными чудищами. Из рассказа А. Кларка «Из контрразведки», в котором пытаются арестовать героя, ни разу не покидавшего Земли, за «разглашение» секретных сведений о Марсе...

— Я сделал бы из нее два таких тома, как этот,— добавил иезуит. И в порыве вдохновения он хлопнул по фолианту своего Иоанна Златоуста, под тяжестью которого прогибался стол...

А. Дюма. Три мушкетера

Дай нам волю — подобное проделали бы и мы со своей викториной!

Как всегда, за рамками обзора осталась масса интереснейших замечаний и предложений. Все они нами изучены и приняты к сведению, а кое-что уже и реализовано.

«Хотелось бы, чтобы вопросы викторины были более разнообразными и неожиданными,— пишет М. Миркес.— Фантастические ребусы, кроссворды...» Что-то по-прежнему не лежит у нас душа к кроссвордам... А разнообразие, неожидан-

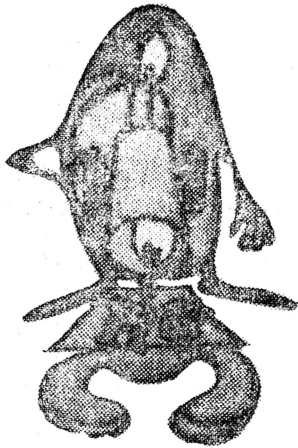
ность вопросов — разве же это так-таки не зависит и от вас самих, поставляющих нам эти вопросы?

Кстати, о вопросах... Шестой тур дал необычайный разброс мнений. Судите сами. Самыми интересными признаны: второй тур (30 голосов), седьмой вопрос первого тура (23), второй вопрос третьего (17). Самыми трудными — седьмой вопрос четвертого тура (32), первый третьего (21) и пятый тур (19). Самыми легкими — второй (69!), седьмой (24) и первый (19) вопросы первого тура. Цифры невелики, но голосовали не мы, а участники викторины...

Разумеется, мы продумаем еще раз структуру викторины в целом.

Ну, а что у нас в итоге получится — вы увидите через месяц. В январском номере.

В оформлении обзора использованы рисунки участников викторины Л. Турченко (Каракулино Удмуртской АССР), Р. Арбитмана (Саратов) и С. Хоменко (Новочеркасск). Фото В. Коблова.

ИТОГИ ВИКТОРИНЫ-84

Согласно условиям (см. январский номер), в викторине-84 были введены очковая система и промежуточные финиши, а на результаты групп в 2—3 человека ощутимо влияла успешность их выступления в специальном пятом туре.

Итоги викторины таковы.

Победители викторины в целом — В. МОЛЧАНОВ (Пермь, 41,2 очка), С. ИВАНОВ, Е. КУЛИНИЧ и В. ЧЕРНИК (Горловка, 39,9), М. ДАГАЕВ (Москва, 39,3), А. ПОЧУЕВ (Донской Тульской области, 37,3), Г. ФАТЕЕВ (Лунга МССР, 37,3), А. ФИСЕНКО (Липецк, 34,0), А. БОРДЮГОВ, А. ХОРУЖЕВ и А. ЛЯПУСТИН (Новочеркасск, 33,4), В. ГУРЕВИЧ (Комсомольск-на-Амуре, 33,2), Г. ПРОКОПИК (Вязники Владимирской области, 31,9), В. ВЕЛЬЧИНСКИЙ и Л. ФИЛАТОВ (Москва, 31,7) и девятиклассник Андрей КОМЕЛЬКОВ (Москва, 28,7).

Победители I—III туров — Ю. КОВАЛЕВ (Баку, 23,2 в трех турах), И. ДОМБРОВСКАЯ (Баку, 22,7), С. ВАРТАНОВ (Москва, 22,2), А. НИКИФОРОВ (Павлодар, 22,2), Т. и О. КОЛЕСОВЫ (Саратов, 21,9) и восьмиклассник В. ЛОБАНОВ (Севастополь, 13,5).

Победители I—II туров — Р. АРБИТМАН и В. КАЗАКОВ (Саратов, 17,4), В. КОБЫЧЕВ (Киев, 16,3), А. ЗАГУДАЕВ (Куйбышев, 16,1), Л. АБДУЛИН (Казань, 14,9), Ю. ФЛЕЙШМАН (Ленинград, 14,7) и семиклассник Вадим ЦЫПЛЯЕВ (Тольятти, 8,7).

Победители I тура — М. МИРКЕС (Новосибирск, 11,5), В. КОЛЯДИН (Рязань, 11,0), В. КУТУКОВ (Баку, 10,8), Е. ЛАДЫГИН и А. и В. ГУМЕННЫЕ (Усть-Каменогорск, 10,4), А. ПАВЛЕНКО и С. ТЮТЮННИК (Рязань, 10,3) и девятиклассник Олег КОСТЕНКО (Ленинград, 6,5).

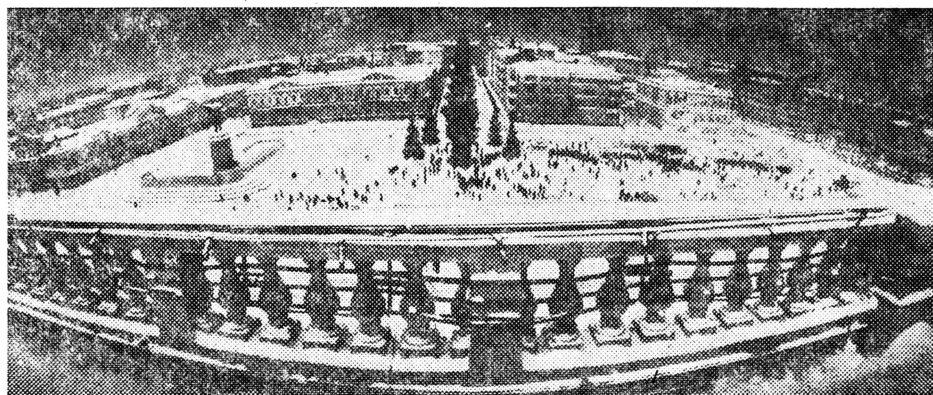
Всем названным здесь читателям, а также Василию ЙОРГОВУ, нашему подписчику из г. Русе (Болгария), набравшему в викторине 8,0 очков, высылаются книги с автографами советских писателей-фантастов.

Народный
календарь

Фото А. Лысякова

З И М А

❶ Месяцеслов

Введение — 4 декабря.
Прокоп — 5.
Екатерина — 7.
Юрьев день — 9.
Парамон — 12.
Андрей — 13.
Варвара — 17.
Савва — 18.
Николай Зимний — 19.
Анна — 22.
Спиридон — 25.
Аггей — 29.
Петр — 3 января.
Рождество — 7.
Анисья — 12.
Василий — 13.
Крещение — 19.
Емельян — 21.
Григорий — 23.
Татьяна — 25.
Афанасий — 31.
Макарьев день — 1 февраля.
Аксинья — 6.
Ефрем — 10.
Трифон — 15.
Никола Студеный — 17.
Прохор — 23.
Власий — 24.

Поговорки, присловья, приметы, относящиеся к зиме:

Зима в одну ночь становится.
Зима ночью во двор крадется.
После большого урожая строга зима.
Если зимой сухо и холодно, то летом будет сухо и жарко.
Зимой вьюги — летом ненастье.
Облака идут против ветра — к снегу.
Облака плывут низко — жди стужу.
Дым из трубы столбом — к холодам.
Туманный круг около солнца или разорванный круг около луны — к метели.
Красный огонь в печи и дрова горят с треском — к морозам.
Гром зимой к сильным морозам.
Перед холодом заря яркая.
Днем был сильный мороз, а к вечеру потеплело — жди длительную стужу.

Больше снега — больше хлеба.
Снег глубок — будет хлеб и дожди летом.

Декабрь год кончает, зиму начинает.

Декабрь и замостит, и загвоздит, и саням ход даст.

Придет Варвара — заварварят и морозы.

Варвара мосты мостит.
Варвара мостит, Савва гвозди острит, Никола прибывает.

Трещит Варюха, береги нос да ухо.

Варвара ночи урвала, дни притачала.

Подошел бы Николин день, будет и зима.

Хвали зиму после Николина дня.

Коли зима на Николин день дорогу заметает, дороге не стоять.
Иней на Николу — к урожаю на следующий год.

Куржевина на деревьях — к урожаю.

Откуда ветер в день Спиридона-солнцеворота, оттуда он будет дуть до равноденствия.

Аггей иней сеет.

Коли сильный мороз на Аггея — стоять ему до Крещения.

Ясные дни в рождественскую неделю к хорошему урожаю.

На Рождество иней — к урожаю на хлеб, метель — пчелы будут хорошо роиться.

Темные Святки — молочные коровы, светлые Святки — ноские куры.

Пять раз в году солнце играет: на Рождество, на Богоявление (19 января), на Благовещенье (7 апреля), в светлое воскресенье и в Иванов день (7 июля).

Трещи мороз не трещи, а минули водокрещи (на Крещение).

На Богоявление день теплый — хлеб будет темный (густой).

В Крещение метель и на пасху метель.

Крещение под полный месяц — быть большой воде.

В Крещение прорубь полна — большой разлив будет.

На Крещение снег хлопьями — к урожаю, ясный день — к урожаю.

На Григория иней на стогах — к мокрому снегу.

Федосеево тепло (24 января) на раннюю весну пошло.

В Татьянин день проглянет солнышко — к раннему прилету птиц; в этот день снег — лето будет дождливое.

Афанасий да Кирилл забирают за рыло.

Коли 1 февраля погода ясная — весна будет ранней.

Если на Ефимия (2 февраля) в полдень солнце — к ранней весне, если метель — вся масляная неделя будет метельной.

Какова Аксинья, такова и весна.

Вьюги да метели по февраль налетели.

Длинные сосульки в конце февраля — к долгой весне.

Как в феврале аукнется, так осенью откликнется.

На Трифона звездисто — к поздней весне.

На Сретенье кафтан с шубой встретились.

Какова погода на Сретенье, такова и весна.

На Сретенье утром снег — к урожаю ранних хлебов, если в полдень — средних, если к вечеру — поздних.

На Сретенье снежок — весной дождок.

На Сретенье цыган шубу продает.

На Сретенье капель — урожай на пшеницу.

Если на Сретенье дорогу переметает — весна будет поздняя и холодная, если тепло в этот день, весна будет ранняя и теплая.

Коли Дмитриев день по снегу, то и пасха по снегу.

Никольские морозы не чета введенским.

На Николу зима с гвоздем ходит.

Новый год — к весне поворот.

На Ефрема ветер — к сырому году.

Пролет Власий маслица на дороге — зиме пора убирать ноги.

Если вечером 1 февраля на небе много звезд, то зима еще долго продержится.

Теплый февраль обманчивый: будет холодная, с заморозками, весна.

Туманы в феврале предвещают дождливый год.

Продолжение. Начало в № 6, 9 1984 г.

Холодные северные ветры в феврале — к урожаю.

Когда зима случится летом, а лето — зимою, хороших хлебов не жди.

Зима без снегу — не быть хлебу.

Снег идет хлопьями — к доброму урожаю.

Если снег плотный и мокрый, будет дождливое урожайное лето.

Если снег сухой и легкий, будет сухое лето.

Если снег мелкий и не скоро сходит, будет дождливый год.

Если большой иней на деревьях висит гладко, лето будет плодородным, с хорошей погодой.

Если в начале зимы был сильный снег, то в начале лета будет сильный дождь.

Зимние вьюги принесут летнее ненастье.

Плохие зимние дороги к урожайному лету.

Если ночью был иней, то днем снега не будет.

Шумит дубравушка к погодушке.

Зимой лес шумит к оттепели.

Зима без трех подзимков не становится.

Первый снег за 40 дней до зимы выпадает.

Первый прочный снег падает в ночи, денной снег не лежит.

Не тот снег, что метет, а что сверху идет.

На Введенье случается и толстое леденье.

Первые морозы — никольские, за ними пойдут рождественские, крещенские, афанасьевские, сретенские, власьевские, благовещенские.

Коли на Михайлов день закует, то на Николу раскует.

Зимою тулуп всякому люб.

Зимнее солнце что мачеха: светит, да не греет.

Если снег выпадает, когда лист с дерева не спадает, то зима будет лютой.

Евдокия красна — весна красна.

На Евдокию курица напестя — весна теплой будет.

Если зимой рекостав шершавый, торосистый, то лето будет хорошим. Рекостав с польнями к мокрому лету.

Не было зимы настоящей — не будет и лета желанного.

На скорый, близкий снегопад указывают:

бледная окраска солнца,
туманный круг около солнца,
кольцо вокруг солнца и луны,
месяц в кругу,
прерванный круг около луны,
положение месяца на спинке —
рогами вверх,
звезды в тумане,
ясный восход солнца, вскоре за-
крывающийся облаками,
гром и молния в зимнее время.

Морозы сохранятся или усилятся, если:

месяц, луна в рукавицах (с боковыми столбами),
около луны два красных круга или один тусклый,
луна круглая, полная, месяц на копытцах, его рога круты и яркие, солнце с «ушами»,
у солнца белые круги и столбы, звезды частые (говорят: «вызвездило небо»),
заря ясная,
на небе мелкие барашки облаков,
на деревьях пушистые инеи,
лучина трещит, а пыл пробегает по ней зигзагом,
много нагару на фитиле и на лучине, а уголь на ней крупится, дым из трубы поднимается столбом.

Морозы спадут, потеплеет, а с потеплением может пойти и снег, если:

молодой месяц лежит на спинке, лес шумит,
ночью раньше обычного, не во время, запоет петух,
у окон заскрипят ставни,
рамы или оконницы отпотеют,
домовой наук к вечеру опустится на шаутине к полу.

Белые облака зимой — к стуже.

Низкие облака — к стуже.

Облака идут против ветра — к снегу.

Если морозный день к ночи теплеет — к долгой стуже.

Солнце в тучу садится — к бурю.

Уголь в затопке сам загорается к морозам.

Зола в печи скоро гаснет к оттепели.

Деревья в лесу трещат перед сильной стужей.

Жди оттепели, если:

во время мороза зашумел лес,
во время снегопада белка покидает гнездо и спускается с дерева,
дружно расширились воробьи, снегирь прилетел под окно,
туман опустился к земле.

О перемене погоды извещают и живые барометры:

кошка ищет тепло, «кошка в клубок — мороз на порог».

К морозу также:

куры хвостами крутят,
гуси хлопают крыльями, поджимают под себя одну ногу,
комнатные птицы сидят тихо,
утром сильно пищит синица,
ворона прячет клюв под крыло,
вороны раскаркались всей стаей.

Вороны устроили в небе хоровод — к снегопаду, на земле сидят — к оттепели, расселись на нижних ветках деревьев — к ветру.

Садится ворона всегда клювом к ветру.

Сорока летает близ жилья, лезет под стреху — к вьюге.

Курица то и дело ощипывается — к снегопаду.

Если мухи проснулись среди зимы, к продолжительной оттепели.

Если зимой воробьи начинают гнезда вить — через два-три дня будет большой мороз.

России на века

Марлис
РАФИКОВ

Фото на 4-й стр. обложки
А. Лысякова и автора

В фондах Государственного архива Свердловской области обнаружены до сих пор не известные документы, относящиеся к созданию отцом и сыном Черепановыми первого русского паровоза: подлинный чертеж этого «пароходного делижанца» или «пароходки», как тогда его называли, и письмо Д. Белова, одного из управляющих Нижнетагильскими заводами.

Архив словно бы сделал подарок 150-летию первого паровоза в нашей стране, отмеченному осенью этого года.

Найденные документы заставляют иначе смотреть на некоторые факты биографии Черепановых, истории «пароходки»; чертеж, в частности, меняет сложившееся представление о внешнем виде машины, а письмо Д. Белова заводладельцу П. Демидову уточняет дату рождения «делижанца».

Ефим

В один из дней 1774 года в Нижнем Тагиле (тогда город назывался Нижне-Тагильском), в поселке Выйского завода, на свет появился мальчик, которого назвали Ефимом. В ту пору его отцу, Алексею, стукнуло двадцать четыре. В семье Черепановых радовались рождению первенца. Алексей видел в нем будущего помощника.

Жизненный путь Ефима, как и большинства его ровесников, был заранее известен. Это — поденщина. Работа на заводе, в нее мальчики впрягались с 8—10-летнего возраста. Ребятишкам поручали уборку цехов и территории завода. После такого «крещения», когда они немного подрастали и крепли, пацанов допускали к перевозке медных чушек и руды на вагонетках. Попасть в подмастерье, затем стать мастером — такая судьба светила немногим.

Алексей Петрович Черепанов даже в мыслях не допускал, что его сын Ефим когда-то станет мастером. Ведь он сам, сын дровосека, специальности не имел. Для того, чтобы прокормить семью, не чурался никакой работы: валил лес на дрова, которые затем сжигали в уголь; копал землю,

подвозил руду и уголь на заводе. Когда сын подрос и созрел для заводского труда, отец стал брать его с собой, чтобы приобщить к тому, что сам неплохо умел делать.

Ефим свою трудовую жизнь начал с «мусора». Бывало, когда подбирал окалину с пола цеха, невольно задерживал внимание на машинах и механизмах, сколько бы возможно с интересом и любопытством следил за их работой. Хотелось познать эти громоздкие, словно живые, машины, которые легко, будто тесто, мяли металл, точили запросто железо и чугун. Уже с малых лет Ефима тянуло туда, где что-либо делали кузнецы, слесари, плотники, столяры. И он сам, подражая им, мастерил то, на что хватало его детской фантазии.

Время, совпавшее с детством и юностью Ефима, было особенное. Он рос в окружении замечательных мастеров, предки которых по указу Петра Первого были призваны «строить заводы на уральских землях и делать пушки, мортиры, шпаги, сабли, тесаки, фузеи, палаши, копыя, латы, шишаки, проволоки, сталь и иные снасти». И они быстро научились строить не только добротные заводы и машины, добывать руду, плавить металл, ковать оружие, но и делать прекрасные «иные снасти». Уральские мастера создавали передовую для того времени технику, были специалистами.

Ефим Черепанов, вероятно, знал талантливого слесаря Егора Григорьевича Кузнецова (Жепинского). Наверное, любознательный подросток видел и восхищался оригинальными «астрономическими часами» тагильского умельца, которые были изготовлены в 1775 году. Они показывали время суток, положение солнца, фазы луны, год, месяц, число...

Известно, что Кузнецов сделал и музыкальные дробки. На изготовление их умелец потратил шестнадцать лет.

В Нижнем Тагиле жил почти ровесник Ефима племянник Е. Г. Кузнецова — Артамон Елизарович Кузнецов (родился в 1778 году), которому в последнее время стали приписывать авторство создания первого уральского велосипеда.

История сохранила имена только самых знаменитых мастеров-умельцев. Можно предположить, что их тогда было гораздо больше, и своим талантом эти самородки, естественно, оказывали влияние на развитие технической мысли.

Навсегда запомнился Ефиму тот день, когда отец привел его в «меховую фабрику». Так называлась фабрика по выделке воздухоудвнных мехов, куда Алексею удалось устроить сына учеником.

Первой в своей жизни специальности Ефим учился не только по принципу «делай, как я». В эти годы он, по-видимому, и обучился грамоте. При Нижнетагильском заводе существовала цифирная школа для служительских детей, переведенная из Невьянска. Дети, несмотря на сословное различие родителей, могли общаться друг с другом, как говорят теперь, обмениваться информацией. Или кто-то из грамотных по просьбе отца мог научить Ефима читать и писать. И, как одаренная личность, он самостоятельно познавал азы книжной мудрости. В ту пору в Нижнем Тагиле было сравнительно много книг по механике, в домах служащих имелись журналы и книги, выписанные из Петербурга и Москвы.

О том, что Ефим был прилежным учеником, говорит то, что к двадцати годам его уже поставили мастером на этой же «меховой фабрике». Через четыре года «мехового мастера» направили на строительство железодзделательного завода на Карельском перешейке, где он пробыл три года. На возведение этого завода Демидов послал самых лучших специалистов. Хотя Ефим был молодым мастером, ему поручили ответственное дело — сооружение воздухоудвов, с чем Черепанов справился успешно. Здесь же, поскольку железодзделательный завод строили с нуля, Ефим познал искусство возведения плотины. Это и послужило, видимо, толчком к тому, что после приезда в Нижний Тагил он высказал желание обучаться мастерству строительства плотин. Но только в 1806 году его приняли в плотинные ученики. Видать, он и здесь, на новом поприще, быстро сумел доказать, на что способен, потому что уже через год Ефима Черепанова назначают плотинным мастером.

Как подтверждают факты из дальнейшей жизни Черепанова, он не успокоился на этом. Плотинный мастер имел доступ ко всем машинам, и это позволяло ему изучать их, уметь их налаживать. В 1812 году Ефима направили на Нижнетуринский завод, где он «устроил катальные машины». Все это говорит о широте его интересов.

Плотинный мастер все чаще задумывался над тем, как сделать работу завода независимой от уровня воды в реке, от погоды, то есть хотел силу воды, дающую жизнь машинам и механизмам, заменить силой пара, которого можно иметь сколько угодно.

Алексей

В претворении в жизнь задумки Ефима заметную роль сыграл его брат Алексей, хотя он и был на двенадцать лет младше.

Они росли вместе. И после женитьбы Ефима братья жили в одном доме с родителями. Характер у Алексея, в отличие от старшего брата, был веселый и озорной. Грамотой Алексей овладевал легко, особую склонность проявлял к черчению и рисованию. Рисунки и чертежи, которые он делал с натуры, зримо и точно передавали конструкцию машины. Радовался его успехам и Ефим, потому что ему нужен был толковый помощник.

Умение прекрасно рисовать и чертить помогло Алексею совершить первую в жизни поездку по России. Его мастерство привлекло внимание начальства, и в 1813 году Алексея направили в Петербург, чтобы искусный чертежник при знакомстве с тамошними заводами скопировал новинки оборудования. Именно во время этой нежданной поездки Алексей первым из семейства Черепановых встретился и беседовал с Демидовым.

Педантичному заводоладельцу не сразу понравился весельчак Черепанов-младший. Но все же проницательный Демидов оценил его, доверил ответственные дела.

Вторая встреча Алексея Черепанова с Демидовым произошла через год, снова в Петербурге. Она в некоторой степени повлияла и на судьбу Ефима Черепанова. Демидов хотел внедрить на своих заводах паровые машины, которые уже начали появляться на Урале. Надо полагать, заводчик интересовался и тем, есть ли в Нижнем Тагиле мастера, способные соорудить такие устройства. По всей видимости, Алексей рассказал ему о своем старшем брате. И Демидов вручил Алексею письмо: «По просьбе подателя сего Алексея Черепанова и в надежде на будущие его заслуги, сделайте прибавочку жалования брату его Ефиму по соразмерности... Алексей сказывал, что он получает только 70 рублей, то для чего не прибавить, если он усердный».

Демидов пишет в Нижний Тагил, что можно построить паровую машину в том случае, если дать в помощь «хороших мастеров, знающих каждый свое дело». И далее: «Черепанов поможет и другие плотинные». Здесь речь, скорее всего, идет о Ефиме Черепанове.

Мирон

Мирон стал помощником отца — главного механика, как только Е. А. Черепанова назначили на эту должность. Девятнадцатилетний, коренастый, небольшого роста, полный сил и энергии, он брался за любую работу.

С малых лет Мирон интересовался техникой,

с удовольствием бывал с отцом на заводе. Став плотинным учеником, полюбил шум машин и грохот молотков. Заводскую школу он не посещал, читать, рисовать, считать и чертить его научили отец и дядя.

«Сын его (Е. Черепанова.— М. Р.),— писал Демидов,— имеет наклонность к познанию устройств заводских и самой химии и может быть отцу помощником для черчения планов. Практика его сына нужна очень, как собственно для него, равно и для моих польз... Со временем может исправлять должность отца своего, которая требует большой опытности и познания заводских устройств». А о Ефиме Черепанове заводоладелец говорил, что «другого человека ему подобного на заводах нет...» Самому Ефиму Демидов писал: «Старайся заблаговременно приучить своего сына к тому, что тебе сейчас известно, дабы, когда ты не в силах будешь действовать, он мог занять твое место».

Мирон с жадностью и с увлечением перенимал отцовское многосложное искусство. В свои двадцать два года он получил назначение на должность плотинного мастера Выйского завода. А вскоре, в 1825 году, ему выпало отправиться сначала в Петербург, а затем вместе с отцом в Швецию «для просмотра машин, коими вытягивается вода из рудников».

Возвратившись из этой «командировки», Е. А. и М. Е. Черепановы составили чертеж совершенно новой паровой машины, строительство которой было успешно закончено в декабре 1827 года, а с февраля следующего года насос, подсоединенный к ней, стал выкачивать воду из Апатольевской шахты.

«...Труды мои и сына моего увенчались, и даже сверх чаяния моего, совершенно успехом! Она пошла в действие, как лучше нельзя желать»,— написал Черепанов после этого Демидову.

Первый паровоз

После такого успеха Мирон окончательно увлекся паровыми машинами. «А ежели котел поставить на колеса, и чтобы их крутила сила пара? Ведь отец как-то рассказывал, что видел такую подвижную паровую машину в Англии, которая перевозила каменный уголь, двигаясь по колесопроводам»,— рассуждал Мирон. Его единомышленником стал Фотий Швецов, который в 1830 году встал во главе Медного рудника.

Еще в 1828 году Швецов указывал петербургским приказчикам Демидова на необходимость устройства «хотя бы на небольшом расстоянии чугунной дороги». Со временем он окончательно убедился в верности своей мысли и в письме от 1 января 1830 в Петербург выразил просьбу: «...предоставить нам необходимые для этого средства и материалы. Я выберу для нее место

от нового медного рудника до Выйского завода...»

Мирон, держа совет с отцом, решал множество проблем. Что сделать, чтобы паровой двигатель стал легким? Какими должны быть колеса? А рельсы, по которым станет двигаться «паровая телега»? И вообще, как она должна выглядеть? И однажды Мирон прочитал в газете «Северный муравей» любопытное выступление профессора Н. П. Щеглова, в котором и нашел первые ответы на свои вопросы. Это была обзорная статья о существующих в России и за рубежом железных дорогах. Автор подробно описал Змеиногорскую дорогу на конной тяге, построенную на Алтае.

Не исключено, что в одном из журналов Мирон мог встретить рассказ о Стефенсоне, который положил начало железнодорожному транспорту в Англии.

Начатую Мироном работу по созданию «паровой телеги» прервала срочная поездка в Англию, куда его направили в 1833 году для ознакомления с достижениями английской металлургической промышленности.

Путешествие стало толчком для строительства паровоза. Видимо, в Англии М. Е. Черепанов познакомился с паровозами, видел «Ракету» Стефенсона. Ведь к тому времени, когда Мирон путешествовал, железная дорога вошла в жизнь англичан.

На Урал М. Черепанов вернулся с письмом из петербургской конторы: «Здесьняя контора признала справедливым за усердие оказываемое Мироном Черепановым по части своей и для поощрения к трудам на будущее время наименовать его механиком Нижне-Тагильских заводов, так чтобы отец его почитался при оных впредь первым, а он вторым.

...Между тем он, по пристрастию своему, как и отец его, к паровым машинам, надеется быть в состоянии устроить паровые телеги для перевозки тяжестей. А поэтому дать ему способ таковые из-за нужнейших работ приготовить — одну для употребления при заводах, а другую для присылки сюда на показ. К чему, может быть, пригодится и давно Черепановым уже начатая».

Естественно, потребность в создании паровозов была вызвана производственной необходимостью, требованием времени. Для их строительства, кроме желания, в Нижнем Тагиле имелась техническая база — «механическое заведение» Черепановых.

Словом, у Черепановых для воплощения идей в металл была передовая техническая основа. И работа по созданию паровоза закипела. О некоторых этапах сооружения детища Черепановых можно проследить по рапортам в Главную заводскую контору, которые уходили из Нижнего Тагила в Петербург каждые две недели. Рапорт 24.12.33—07.01.34 гласит: «Ко вновь строящемуся

пароходному делижанцу готовятся деревянные модели, по коим отливаются чугунные и железные припасы...»

В рапорте 13.02.34—04.03.34 сообщалось: «...оного парохода паровой котел лопнул».

Рапортом 24.06.34—08.07.34 в Петербург доносят: «Вновь строящийся пароходный делижанец с успешностью отстройкою оканчивается...»

В следующем рапорте 05.08.34—19.08.34 записано: «Пароходный делижанец отстройкою совершенно окончен, а для ходу оного строится чугунная дорога...»

Вот как описывает известный советский историк профессор В. С. Виргинский первый рейс первого русского паровоза «по чугунке». Это было в начале сентября 1834 года.

«Из деревянного сарая выехал «пароходный делижанец». Густой дым валит из высокой трубы приземистого, короткого паровоза, блестящего на солнце ярко начищенными медными частями. На узкой площадке за паровозной топкой стоял сосредоточенный, проникнутый сознанием важности происходящего события Мирон. Правая рука его крепко сжимала рычаг механизма управления. К паровозу был прицеплен небольшой «фургон» (тендер) с запасом дров и воды, а также открытая повозка, в которой могли разместиться желающие прокатиться по черепановской «чугунке».

...Этот день был днем рождения русского парового сухопутного транспорта».

Первый рейс в описании Б. Федоровой: «В сентябре 1834 года первый русский паровоз пробежал по чугунным «колесопроводам» свои первые двести сажен. Это расстояние паровоз пробежал в полторы минуты».

А вот новый документ — обнаруженное в архиве письмо, которое уже выше упоминалось, — утверждает, что самый первый пробег «пароходки» состоялся чуть раньше.

«Пущена парходка...»

Новые, до сих пор неизвестные документы, найденные в Государственном архиве Свердловской области, о которых говорилось в начале повествования, проливают свет на события, связанные с завершением строительства первого паровоза Черепановых.

Обнаруженное письмо, о наличии которого никто, нигде и никогда не упоминал, раскрывает глаза на многое. Это письмо, написанное 29 июня 1834 года и подписанное управляющим Д. Беловым, свидетельствует о том, что П. Н. Демидов лично и живо интересовался ходом строительства «пароходки» (так назван паровоз в письме) и при этом не доверялся только «двухседмичным сведениям», а сам писал письма.

Вот строки из нового архивного документа:

«На письмо ваше от 8 июня имеем честь уведомить: сего дня (т. е. 29 июня 1834 года — 12 июля по новому стилю.— М. Р.) пущена парходка в действие (разрядка моя.— М. Р.), устраиваемая Мироном Черепановым, которая может ходить по чугунной и деревянной дорогам и по последней пробежала до 25 сажен (или до 62 метров.— М. Р.)».

Если такой факт стал причиной для срочного написания письма заводовладельцу, то он, можно смело утверждать, был значительным и долгожданым. Ведь «пущена парходка в действие», которая «оживла» впервые и поехала сама по дороге, значит, родилась. Потому, со ссылкой на новый документ, 11 июля можно назвать днем рождения первого русского паровоза Черепановых.

Ход рассуждений приводит к мысли, что деревянные рельсы, по которым впервые пробежал «пароходный делижанец», представляли собой участок дороги для испытаний. И не только. Поскольку паровоз строили на Выйском заводе в «механическом заведении» Черепановых, то его еще нужно было затем оттуда вывезти на большую дорогу, то есть на ту, которая в это время сооружалась тут же, рядом с заводом, на Выйском поле. А участок полотна длиной 50—60 метров вполне мог «дотянуться» до первой тагильской «чугунки».

Следующие строки письма сообщают: «Черепанов утверждает, что за всем его старанием окончить парходку устройством всех принадлежностей ранее января месяца следующего года не может потому, что нужно переделать котел, вновь сделать насос для накачивания воды и другие нужные к оной вещи...»

Выходит, что после первого пробега обнаружили дефекты. Не без этого. Ведь паровоз-то первый раз сделал свои «шаги». К первому испытанию, очевидно, был построен только паровоз, без вагончиков. В письме есть слова, косвенно подтверждающие это предположение: «...окончить парходку устройством всех принадлежностей». Под «принадлежностями» можно предполагать фургон-тендер для дров и воды, а также повозку для пассажиров. Тем более для первого опытного пробега — расстояние-то короткое — они, в общем-то, были ни к чему.

Это же письмо подтверждает тот факт, что первый паровоз делался для показа в столице: «По мнению нашему отправить оную можно следующей весной на караване, ибо если отправить оную сухопутно, то она в Петербурге не ранее может быть первых чисел марта. Доставка же оной будет стоить довольно дорого потому, что оная весит около 150 пудов (около 2,4 тонны.— М. Р.)».

Таким образом, благодаря письму впервые стал известен вес изобретения Черепановых. Первенец России на паровой тяге оказался удивительно

легким. Напомним, что первый английский паровоз был в два с лишним раза тяжелее — 5 тонн. Не легче были и творения отца и сына Стефенсонов.

В последней архивной находке самое бесценное — хорошо сохранившийся подлинный чертеж паровоза Е. А. и М. Е. Черепановых. Он меняет наше сложившееся представление о первом «пароходном делижанце» России.

С листа слегка пожелтевшего ватмана перед нами во всей своей первоначальной красе предстает легкое и изящное сооружение, отличающееся от того, что мы привыкли видеть в музеях, на фотографиях, на картинах художников, в учебных пособиях и на страницах книг за подписью: «Первый русский паровоз Черепановых».

Чертеж выполнен в двух проекциях: вид сбоку и вид спереди. Чувствуется, что изобретатели проявляли заботу о том, чтобы их техническая мысль была воплощена в металле красиво. Во всем чувствуется соразмерность, гармония, что придает конструкции легкость и красоту. Сразу бросается в глаза, что у паровоза разные по величине колеса: передние меньше, чем задние — ведущие, соединенные через передаточный механизм с цилиндрами, в которых пар задает движение, которое передается затем на колесную пару.

Решетка ограждения площадки перед топкой имеет круглую форму, вернее, представляет собой отрезок круга, соединенного с центром тонкими железными прутьями.

Дымовая труба паровоза заканчивается своеобразной короной.

Но что поражает при первом же взгляде на чертеж — это его красочность. Он выполнен разноцветными красками. Паровоз предстает серо-желто-голубым и зеленоватым. Чертежники того времени применяли прием красочного выделения деталей, изготавливаемых из разных материалов.

Кто же был чертежником? Об этом гласит надпись: «С натуры снимал и чертил Аммос Черепанов».

Оригинальный чертеж сообщает интересные и значительные подробности. По нему мы представляем не только внешний вид «пароходного делижанца», но и его точные размеры. Они даны в футах (фут = 30,48 см).

В. С. Виргинский писал, что, «к сожалению, в нашем распоряжении нет пока подлинных чертежей «сухопутных пароходов», а потому о деталях их устройства можно судить лишь по моделям и реконструкциям». В музее Управления Тагильских заводов вплоть до начала XX века хранилась модель паровоза Черепановых. Петербургский инженер Н. Р. Тонков снял тогда чертеж с этой модели, вскоре отправленной в Петербург. Тонков составил на основе чертежа модели схему-реконструкцию паровоза, восполнив недостающие, по его мнению, детали на основе лите-

атурных данных, и опубликовал эту схему в «Горном журнале» за 1902 год. Она и была до сих пор единственной известной схемой паровоза Черепановых.

Конечно, сейчас, когда имеется подлинный чертеж, снять точные размеры и восстановить первоначальный вид первого «пароходного делижанца» — дело нехитрое. Давайте это интересное и полезное занятие оставим специалистам. А нетерпеливым и любознательным читателям можем назвать некоторые размеры паровоза (для удобства запоминания цифры округлены):

Длина паровоза (от переднего до заднего буфера) — около пяти метров.

Высота дымовой трубы почти три метра.

Длина котла немногим меньше двух метров.

Диаметр котла около метра.

Диаметр заднего колеса почти 1 метр.

Диаметр переднего колеса 0,8 метра.

На чертеже Аммоса шпала делит длину рельса пополам, а концы чугуна «бруса» также опираются на шпалы, образуя небольшой стык между следующими «чугунками». Отрадно отметить, что паровоз по черепановской дороге двигался плавно в отличие от его английских собратьев, потому что путь имел меньше стыков. К тому же уральская железная дорога была более устойчивая для состава — ее колея шире, чем в Англии.

Аммос

Каким он был, Аммос Черепанов, который донес до нас образ первого русского паровоза? Он сын младшего брата Ефима Черепанова — Алексея, о котором выше уже было сказано. Аммосу не стукнуло даже года, как неожиданно скончался его отец (1817 год). Историки предполагают, что Аммос воспитывался под благотворным влиянием Ефима и Мирона. Его, как сына «служителя», приняли в 1825 году в Выйское заводское училище. Из «заводских письменных дел» Аммосу больше всего нравились рисование и черчение. Правда, он и по другим дисциплинам преуспевал.

В тринадцать лет младший из семейства Черепановых успешно закончил это учебное заведение и, как записано в его послужном списке, был принят помощником к механикам Черепановым, которым, по всей видимости, нужен был специалист, умеющий хорошо чертить и рисовать. Надо полагать, что Аммос принимал активное участие в разработке чертежей паровых машин, станков, механизмов. О том, что он был толковым и способным специалистом, говорит тот факт, что уже в 1833 году (в 17 лет) вместе со своим двоюродным братом Мироном Аммос совершает поездку в Петербург, в Москву и в Ярославль, где посещает промышленные предприятия и знакомится с техническими новинками. И в

том же году, осенью, Нижнетагильская контора назначает Аммоса Черепанова младшим помощником механика по Выйскому заведению.

Уже менее чем через два года Черепанов-младший получает назначение на должность помощника приказчика на Медный рудник. Затем ему предлагают новое дело: Аммос начинает «заведовать механическими постройками» на Нижнетагильском заводе, значит, становится механиком. Толчком к этому назначению, возможно, послужил разработанный им проект оригинального комбинированного металлообрабатывающего станка, на котором можно было производить токарные, сверлильные и виторезные операции.

После одиннадцатилетнего перерыва Аммос снова возвратился в Выйское заводское училище. На этот раз уже преподавателем, чтобы передать свой опыт молодому поколению.

Аммос Черепанов, как донесли до нас документы, являлся одним из крупных и значительных специалистов по машиностроению, особенно после смерти своего дяди и двоюродного брата (Е. А. Черепанов скончался в 1842 году, а через семь лет, в 1849 году, — М. Е. Черепанов).

Смекалистый, к тому же технически грамотный, Аммос уже в начале 30-х годов принимал активное участие в создании паровозов, став первым помощником своих старших родственников. Ведь прежде чем что-либо строить, непременно нужно было иметь проект и смету на будущее сооружение, которые утверждались заводской конторой. Это было неукоснительным правилом, которое соблюдалось строго. Естественно, старшие Черепановы не обходились без помощи чертежника Аммоса.

Первый или второй?

Некоторые читатели могут выразить сомнения: а вдруг изображенный на найденном чертеже паровоз — не первый, а второй? Ведь был и второй. Давайте разберемся...

Не буду описывать, как создавали второй паровоз. К его строительству, как утверждают «двухседмичные сведения», на Выйском заводе приступили в сентябре 1834 года, и грузовой «делижанец» был построен в следующем году, то есть в Нижнем Тагиле стало два паровоза. Сомневаться в этом теперь, когда у одного из них появился достоверный чертеж, а у другого имеется модель, нет смысла. Но который же из них был изобретен первым? Пассажирский или грузовой?

Последние архивные находки — чертеж и письмо — покоились столь долгое время не только в одной папке, но и рядом. Чертеж был вложен в письмо. Этот факт подтверждают и небольшие желтые пятна (видимо, когда-то в папку попала вода) по краям того и другого документа.

Возможно, оба документа были вложены в

папку в одно и то же время, скорее всего, в том же 1834 году. Можно уверенно сказать, что это — архивные экземпляры чертежа и письма. Первые экземпляры несомненно были отправлены адресату, то есть Демидову. Очевидно, письмо ушло вместе с чертежом «пароходки» в подтверждение того факта, что она действительно построена и выглядит вот так. То есть в письме говорится о паровозе, изображенном на чертеже. Но если наши рассуждения верны, тогда выходит, что паровоз, который считали первым, — не первый, а второй.

Чем же они отличаются друг от друга? Как уже упоминалось, размером колес: они у второго одинаковые. И труба у него сделана солиднее.

Видимо, дело вот в чем. Не нужно забывать о том, что Демидов давал указание построить «паровые телеги»: «...одну для употребления при заводах, а другую для присылки сюда (в Петербург. — М. Р.) на показ...»

Первым, как мы теперь уже знаем, был построен паровоз «для показа» и «для присылки» в столицу. Потому он выглядит изящным и стройным. И мощность его не такая уж большая. Ведь «пароходный делижанец» был рассчитан на транспортировку всего-то трех тонн груза. Если принять во внимание, что за ним тележка с дровами, а также, к примеру, вагончики для пассажиров — паровоз был выполнен в «прогулочном» варианте, — и вычтешь вес этих дополнительных принадлежностей, то можно предположить, что первый паровоз России мог возить одновременно человек двадцать.

Но попал ли он «для показа» в Петербург, — об этом никаких сведений, к сожалению, нет. Правда, в одном рапорте Нижнетагильской конторы, относящемся к началу 1835 года, есть фраза: «...пароходный делижанец разбирается и переправляется». Но, к примеру, Ф. И. Бойко — один из исследователей биографии Черепановых — относит эти слова ко второму паровозу. Мне же кажется, что здесь речь идет именно о первом паровозе, потому что его, судя по тексту найденного письма, должны были отправить весной 1835 года «на караване» по рекам. Но паровоз нужно было доставить из Нижнего Тагила до Чусовой и погрузить в барку — «коломенку». Поскольку громадина весила 2,4 тонны, то едва ли в ту пору существовало транспортное средство, способное выдержать и перевезти такую тяжесть. Наверное, потому и пришлось «делижанец» разобрать на части, сделать его удобным для перевозки по земле и «переправить» на Усть-Уткинскую пристань Демидова. Остается только предполагать, что «пароходка» была доставлена в Петербург (ведь не могли ослушаться заводладельца), но собирать там по какой-то причине ее не стали. Или паровоз просто утонул? Коломенки часто разбивались о прибрежные скалы бурной Чусовой.

Может оказаться истиной и та, и другая версия. Во всяком случае «Горный журнал», выходящий в Петербурге, обмолвился следующим заявлением: «В «Горном журнале» сего года № 5 было напечатано известие о том, что в Нижнетагильском заводе гг. механики Черепановы устроили сухопутный пароход, который был испытан неоднократно, причем оказалось, что он может возить более 200 пудов тяжести, со скоростью от 12 до 15 верст в час.

Ныне гг. Черепановы устроили другой пароход большего размера, так что он может возить за собой до тысячи пудов тяжести. По испытанию сего парохода оказалось, что он удовлетворяет своему назначению, почему и предложено и ныне же продолжить чугунные колесопроды от Нижнетагильского завода до самого Медного рудника и употребить пароход для перевозки медных руд из рудника в завод».

Как известно, следующий раз о «сухопутном парохоме» «Горный журнал» сообщил только через 67 лет, в 1902 году. Думается, что если бы первый паровоз Черепановых появился в Петербурге, такой солидный журнал непременно отдал бы свою страницу сообщению о «пароходке».

Куда делся первенец российского паровозостроения? А где модель первого паровоза уральских механиков? Ведь в найденном письме от 29.06.34 года сказано: «Мы полагаем сделать с той пароходки модель в три аршина, которая может быть и в действии, но опять ранее как к последнему зимнему пути следующего (т. е. предполагается, видать, февраль — март 1835 года. — М. Р.) готовую быть не может».

А теперь о паровозе «для употребления при заводах» — о втором детище Черепановых. Чем он отличается от первого, пассажирского варианта?

Второй «делижанец» был предназначен для завода в качестве грузового локомотива, был больше, в пять раз мощнее. Все это повлияло на вес паровоза, а в связи с этим стала больше сила сцепления колес с рельсами. Изменились размеры колес: стали одинаковыми, но массивными. Спиц в них меньше. Дымовая труба сморится внушительнее, стала длиннее, увеличилась в диаметре. Ясно, что это сделано для улучшения тяги. О существовании второго паровоза красноречиво говорят два факта: первый из них — упомянутая выше модель паровоза и второй — скорее всего, та же модель, которая зафиксирована на снимке, сделанном в одном из залов «Горнозаводского музея» Нижнетагильских и Луньевских заводов (был учрежден в 1891 году).

Существуют три макета паровоза. Один из них в 1948 году по заказу Центральной студии документальных фильмов был сделан в Нижнем Тагиле, на заводе имени Куйбышева. Второй макет создан к столетнему юбилею Свердловской железной дороги, в 1978 году, и установлен на высоком постаменте у Дворца культуры железно-

дорожников в Свердловске. А третий макет изготовлен к 150-летию первого русского паровоза по заказу Нижнетагильского историко-революционного музея.

Макет 1948 года изготовлен грубо, как говорится, топорно, потомки явно «недотянули» до мастерства своих предков. Как видно из чертежа первого паровоза, а также модели, выставленной в музее Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта, части «пароходок» выглядят обработанными до высокого класса точности и чистоты.

Ведь опять-таки в том самом письме от 29.06.34 подчеркнуто: «...употребить все возможное внимание на аккуратную отделку...»

Какова история обнаружения ранее неизвестных документов?

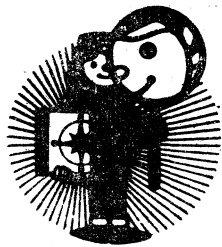
Архивное дело Демидовых, которое сначала хранилось в Нижнем Тагиле, а лет десять назад было перевезено в Свердловск, в областной архив, содержит множество сведений, фактов. Исследователи уже несколько раз пролистали тропутые желтизной страницы. Но каждый ищет что-то свое...

И вот, в очередной раз перебирая архив Демидовых, тагильчанка С. А. Клат обнаружила чертеж и письмо. Поскольку они не имели отношения к ее теме, Светлана Адольфовна сообщила о находке своей коллеге Л. П. Малеевой. Людмила Павловна и оценила ее значимость.

Вообще, забытые в царское время имена талантливых изобретателей Черепановых были восстановлены благодаря уральским краоведам. Особенно мы должны быть благодарны человеку, который почти пятьдесят лет назад первым обратил внимание на эти имена. К сожалению, никто из исследователей в своих работах не называет его. Первооткрыватель Черепановых — тагильчанин Александр Петрович Сухов. В 1935 году он, машинист паровоза, по болезни оставил любимую профессию. Вскоре Александр Петрович нашел занятие по душе — стал заведовать городским архивом. Приводя в порядок запыленные папки и бумаги, он наткнулся на упоминание о паровозах Черепановых, о чугунной дороге. Сухов заинтересовал документами писателя А. Г. Бармина, который подготовил публикацию для уральских газет.

Думается, что тагильские художники первыми подхватят эту мысль... Почему не нарисовать картину, где был бы изображен подлинный паровоз Черепановых?

Наверное, была бы полезна для воспитания подрастающего поколения небольшая действующая железная дорога в Нижнем Тагиле, по которой «бегал» бы первый паровоз Черепановых. А обслуживание ее можно было бы поручить юным железнодорожникам.

МИР НА ЛАДОНИ

● Еще на 1 700 лет назад отодвинулась граница возможного возобновления некогда процветающей, но затем замершей жизни. В США найдены споры бактерий, которые, будучи помещенными в богатую питательными веществами почву, стали бурно расти. Их возраст, как оказалось, 7 500 лет.

● На юге Италии строители откопали гробницу 6-метровой длины, 3-метровой ширины и почти такой же высоты. Ученые предполагают, что это — захоронение вестготского короля Алариха I. Аларих I родился около 370 года н. э., он покорил со своим войском Фракию, Македонию, Грецию, в 410 году захватил Рим.

● Очень долго считалось, что все молнии заряжены отрицательно. Однако сначала швейцарские, а затем и американские исследователи установили: молнии с положительным зарядом бывают. Их мощность в десять раз больше. Они могут перемещаться от облака к облаку на большие расстояния, а потому — опасны для авиации.

● Крупная международная научная экспедиция совершила подъем на загадочную гору Неблина в Венесуэле. Гора поднимается отвесными стенами над окружающим тропическим лесом на высоту 1 800 метров, ее даже называют «островом в облаках». На обширном вершинном плато этого «острова» сохранилась жизнь тех времен, когда африканский и южноамериканский материки еще не были разделены океаном. На Неблине обна-

жены доисторические остромордые лягушки, летучие мыши, гигантские тарантулы. 98 процентов встречающихся на горе растений — уникальны.

● Американский физик Р. Мюллер утверждает, что Солнце — часть двойной звезды. Другую, пока не известную часть он назвал Немезидой. Периодически, через каждые 26 миллионов лет, Немезида врзается в облако комет, вращающихся вокруг Солнца, считает ученый, и тогда пыль обволакивает планеты Солнечной системы, погружает их в темноту, а это ведет к гибели растительности и животных на Земле. В один из таких моментов и могли погибнуть динозавры.

● По расчетам Р. Мюллера, Немезида вновь столкнется с кометами через 15 миллионов лет.

● Случай вывел в рекордсмены жителя Челябинска В. Степанищева. Отправился он на рыбалку на Шершневское водохранилище. Опустил в лунку блесну, и... лишь с помощью других рыбаков удалось извлечь из-под льда сазана весом в 13 килограммов!

● Многие не верили рассказам новичка, пока сами не увидели на его балконе замороженного великана.

● Маленькие дельфины, рождающиеся в неволе, часто гибнут — у матерей в непривычных условиях пропадает молоко. Теперь опасность гибели устранена: специалистам удалось создать синтетическое молоко, которое уже используется для выращивания молодняка в некоторых морских аквариумах и зоопарках Японии.

ПТИЦЫ ЛЕКАРИ

Когда на море непогода, страдают не только корабли, но и птицы.

Каждый день на английском побережье Северного моря, на мысе Флампоро, можно встретить двух мальчиков, которые ищут ослабевших птиц. Это 13-летний Нейл и 11-летний Марк. Они спасают большое число пернатых путешественников, пострадавших от холода и голода.

Братья Нейл и Марк Пирсоны — члены молодежного орнитологического клуба. «Морские птицы постоянно живут на воде, — со знанием дела объясняет Нейл, — на берег они садятся только тогда, когда им нужно выводить птенцов. Во время урагана, когда высота волн достигает нескольких метров, им целыми днями невозможно найти пропитание, они слабеют, с перьев пропадает естественный жир, предохраняющий птиц от холода. В таком состоянии они не могут лететь, и совсем ослабевших волны выбрасывают на берег. Без нашей помощи они бы погибли». «Мы научились оказывать помощь птицам в прошлом году, когда на нашем побережье находились в бедственном положении 250 тысяч птиц, — добавляет Марк. — Птиц мы вначале помещали в клетку, чтобы они оправались от шока. Затем держали их две недели в большом гараже. Поскольку морские птицы питаются рыбой, у нас возникла с этим проблема. Кормить их нужно четыре раза в день, карманных денег не хватало... Тогда торговец рыбой сжалился над нами и снабжал наших пациентов за чисто символическую цену».

«Птицам в среднем требовалось три недели, чтобы оправиться. Все эти дни мы купали их в кадushке с соленой водой, как бы заставляя заново привыкать к обычной для них среде, — продолжает Нейл. — Кроме того, мы следили, когда на теле птиц появится жир и холодная вода станет им больше не страшна. Окончательно поправившихся птиц мы обычно выпускали в полет ночью. Нам удалось спасти около ста птиц...»

Марк и Нейл стали популярными людьми не только в своем городе, им пишут орнитологи со всех концов Британии.

Ф. ГЕОРГИЕВ

ЕСТЬ «ПЯТЕРКА»!

Уже пятая по счету магистраль в системе трансконтинентальных газопроводов из Сибири досрочно вступила в строй действующих. Это магистраль Уренгой — Центр-1.

При переходе через Уральский хребет строителям нового газопровода пришлось переработать 2,5 миллиона кубометров скальных пород. 900 километров труб проложено по болотам. Магистраль «перешагнула» через 560 рек.

Впереди у строителей газовых трасс сооружение еще более сложной магистрали Ямбург — Центр. Небольшой заполярный поселок Ямбург в будущем обеспечит основную прирост добычи сибирского газа. Ямбургское месторождение расположено среди сплошь заболоченной тундры, и в этом — основная трудность прокладки от него газопроводов.

Сейчас в нашей стране с использованием природного газа вырабатывается более 90 процентов чугуна и стали, минеральных удобрений. Природным газом пользуются в быту более 200 миллионов жителей наших городов и сел.

В. АЛЕКСАНДРОВ

КРИК В НОЧИ

В глухом уголке Великобритании, вблизи Девона, в местах, которые известны своей идиллической тишиной и красивыми пейзажами, несколько месяцев царило осадное положение. В лесах и полях, вблизи домов, стоя для скота, конюшен днем и ночью дежурили люди с ружья-

ми наготове. Тут были и полиция, и военные патрули, которые прочесывали все графство площадью около 500 квадратных километров. Жителей окраин, владельцев магазинов и ресторанов, фермеров охватила тревога. Ничего удивительного: ведь где-то поблизости бродило неведомое существо, кровожадное и неуловимое.

Началось все с того, что весной прошлого года фермер Эрик Лей обнаружил в своей овчарне растерзанную овцу. Это не очень удивило его, поскольку в окрестностях водились волки. Но не прошло и двух недель, как овцы начали исчезать одна за другой, по три каждую ночь.

Местные фермеры начали формировать вооруженные группы добровольцев. Набралось 150 человек, которые прочесывали окрестности. Но все было бесполезно. Полиции пришлось просить помощи у армии. Военные кроме обычного патрулирования организовали несколько постоянных, хорошо замаскированных постов наблюдения. Мобилизованы были и члены местного общества охотников, специализирующихся в охоте на волков.

Под выстрелы, которые гремели над спящими ночными лугами, чаще всего попадали собаки. Один местный врач, чтобы защитить своего лабрадора, даже написал на его спине флюоресцентной краской слово «собака». То, что от охотников страдали собаки, было не случайно. На основании скурых показаний людей, видевших чудовище, рисовался портрет существа, напоминавшего собаку невероятных размеров.

«Меня больше всего смущало,— рассказал фермер Линн Лох,— что существо не лаяло, не мяукало, не фыркало, не выло. Но от его хриплого, раздававшегося издали крика даже у самых храбрых волосы на голове шевелились...»

Многие предполагают, что чудовище сбежало из какой-нибудь научно-исследовательской лаборатории, где было выведено. Пока охота на него оказалась безрезультатной.

Факты, о которых рассказано выше, почерпнуты в европейской прессе. Они вызывают, естественно, чувство удивления, а вместе с тем и недоверия. Но вот еще одно сообщение: в результате экспериментов по слиянию зародышевых клеток исследователи института физиологии животных в Кембридже получают ягнят от коз и козлят от овец; уже существуют козы с участками шкуры, покрытыми овечьей шерстью, и наоборот; один гибрид имеет в крови как овечьи, так и козьи белки. Подобные опыты проводят и в ФРГ.

Похоже, появление неведомого существа не так уж и невозможно.

Г. ФРОЛОВ

ШТРАФ... ЗА ШПАРГАЛКИ

Шесть месяцев тюремного заключения или штраф в 500 рупий ожидают уличенного в списывании или другом жульничестве на экзамене студента университета в индийском штате Махараштра. Депутаты законодательного собрания штата, решившие покончить со шпаргалщиками, предусмотрели также вдвое более строгое наказание для преподавателя, разгласившего содержание экзаменационных билетов.

Д. МЯСНИКОВ

ЗАПЛЫВ СЛОНОВ

Два слона проплыли за 13 часов 40 километров по озеру Кариба.

Дело было так. Охранник национального парка в Зимбабве Грехем Хелль заметил необыкновенное явление: по озеру в направлении порта Кариба плыли три слона. Сев на лодку, Хелль устремился наперерез животным, пытаясь направить их к берегу, но это ему не уда-

лось. Через несколько часов летчик самолета-амфибии заметил в водах озера Кариба уже двух слонов. Один из слонов либо все же повернул к берегу, либо утонул.

Тем временем Грехем Хелль организовал операцию по спасению животных. На этот раз удалось направить животных к ближайшему берегу. Но почему слоны бросились в воду, что заставило их отправиться в опасное плавание?

Я. КУНИН

КАК КЕНГУРУ...

Четырехлетняя немецкая овчарка по кличке Чарли сумела побить рекорд 1950 года по прыжкам в длину среди собак. Прыжок над девятью пластиковыми контейнерами составил 4 метра 94 сантиметра, что на 44 сантиметра больше предыдущего рекорда. Владелец собаки австриец Манфред Масат не без оснований надеется, что его четвероногий друг попадет в знаменитую Книгу рекордов Гиннеса.

Д. ЯКОВЛЕВ

ЦВЕТУТ ЯГОДЫ... ЗИМОЙ

Если за окном метет январская метель, а вам вдруг предложат пойти за ягодами, вы, по крайней мере, воспримете это как шутку. Хотя на Крайнем Севере, где на бескрайних просторах тундры остается под снегом добрая часть урожая клюквы, брусники, морошки, ежевики, такое возможно. Но все равно человек — не олень, не станет, даже при особой нужде, добывать ягоды из-под полуметрового слоя снега.

Но когда помбур с буровой Р-103, что на Тарасовском нефтяном месторождении, которое раскинулось за рекой Таз, в Красноселькупском районе Тюменской области, сказал, что заодно можно посмотреть, как зимой цветет клюква, тут уж шуткой не пахло.

Действительно, километрах в трех от буровой, на небольшой, метров восемь в диаметре, поляне зрела и... цвела клюква. Почти ведро спелых ягод увозили мы домой. Объяснить этот редкий случай можно вроде бы просто: неподалеку вздымался вверх факел природного газа, он согревал землю. И все же множество таких вот факелов еще освещают тундру, но такого чуда пока что не встречалось.

В. БЕЛОУСОВ

Фото автора

«Уральский следопыт» в 1984 году

ПРОЗА

Гольд А. Северный репортаж. № 7.
Еловских В. Лесная встреча. № 12.
Иванов В. Принцесса и Раб. № 11.
Кодочигов П. Второй вариант. № 4, 5.
Матвеева Е. Остров. № 7.
Мезенина М. Кленовые листья. Сказка и хлеб. Хоровод. № 4.
Пашин В. Зависть. № 2.
Пятков Г. Коля-слепой. № 6.
Соколовский В. В четырнадцать лет... № 2.
Сузин Ф. Первое письмо. № 10.
Фомин Л. Солнце красно поутру... № 3.
Шапко В. Подсадная утка. № 11, 12.
Юзефович Л. Песчаные всадники. № 8, 9.

ПОЭТИЧЕСКИЕ МАРШРУТЫ

Балдин П., Бобылев В., Вагин Г., Мустафин К., Накоскин В., Уланов В., Федотова Л., Чистяков В., Чубатова Г., Шанбатуев М., Шаронов В. И сейчас я спешу на свет... № 9.
Батраченко Е., Карасев Е., Карпенко Б., Котов Ю., Разумов Е., Рахвалов А., Шимко Л., Юргалевич Р. И это было высшим открытием. № 11.
Галюдкин В., Застырец А., Карпенко Б., Малов И., Матвеева А., Машин В., Шамсутдинов Н., Чесноков В. При свете дня, под блеском звезд. № 1.
Карпенко Б., Конечный Ю., Кирст Г., Лаптев В., Разумов Е., Смолин Г., Толокнов В., Тулин В., Унжалов В. Былая боль у нас не за плечами. № 5.
Кердан А. Небо — трудная работа... № 2.
Лившиц Д. Ода барабанщику. № 1.
Лившиц Д. Где синий горизонт... № 10.
Мережников Н. И все село отозвалось... № 6.
Найдич М. Июнь. № 12.
Поскребышев О. Рябина. № 3.
Румянцев Л. Такое время — думать о живом. № 8.
Севак П. Золото золотом осталось. Корни и пальцы. Лицо и изнанка. Карусель. Умоляю. № 12.
Сахновский И., Сибирев В., Ткаченко А., Шербаков А. Как на празднике ярком живу!.. № 4.
Чечулин А. Быть миру, травам, птицам, океану!.. № 6.
Шитин С. Черновиков у жизни не бывает. Идет минувшее за мною вслед. Мурцовка. № 2.

МОЙ ДРУГ ФАНТАСТИКА

Амнуэль П. Через двадцать миллиардов лет после конца света. № 5.
Беляева С. Воспоминания об отце. № 3.
Беляев А. В трубе. Заочный инженер. № 3.
Больных А. Библиотека. № 11.
Георгиев С. Камертон. № 11.
Грешнов М. Несси. № 9.
Денисова И., Матвеев С. Эхо. № 10.
Другаль С. Дела земные, дела небесные. № 4.
Коблева И. Природа. № 11.
Костин А. Звездный час. № 8.
Крапивин В. Праздник лета в Старогорске. № 1, 2.
Панасенко Л. Плач в комнате смеха. № 12.
Худяков В. Догнать человека! № 9.
Чебаненко И. Феномен сочувствия. № 11.
Ярославцев С. Экспедиция в преисподнюю. № 6, 7.
Калейдоскоп. № 1, 2, 3, 4, 6, 12.

ЮНОШЕ, ОБДУМЫВАЮЩЕМУ ЖИТЬЕ. НАЙТИ СЕБЯ. ТРЕБУЮТСЯ СПЕЦИАЛИСТЫ. ДАЕМ АДРЕСА РОМАНТИКАМ. ЮНОСТЬ ОТЦОВ. ЛЮДИ ПОДВИГА. ДЕЛАТЬ ЖИЗНЬ С КОГО? ТОВАРИЩ ВРЕМЯ.

Абрамов А. Часы спасли жизнь. № 5.
Абрамов А. Тайна погибшего самолета. № 8.
Алан Ю. Дорога на пьедестал. № 4.
Андреева Н. Разведка, вперед!.. № 5.
Бусыгин А. Он вечно молод... № 10.
Вайсберг Б. Маленькая хозяйка большого цеха. № 9.
Верниковская М. Первопроходец. № 4.
Гришин Э. Педагогика коллективной увлеченности. № 1.
Дебердеев В. Полет «двойной тягой». № 9.
Дорошенко Е. Фронтовая песня. № 3.
Дорошенко Е. «Король эксперимента» на Южном Урале. № 4.
Ефимов Б. Место встречи — Эльба. № 3.
Ефремов Б. Хлебом едины. № 2.
Зиновьев А. «Ильич просит передать...» № 11.
Иванов И. На серебряном меридиане. № 3.
Иванов Б. Для фронта, не жалея сил... № 12.
Казак А. Школа Айседоры Дункан. № 3.
Колезев Е. Не для себя жил человек... № 11.

Конеева Т. Жить вместе... № 6.
Корниенко И. Три ноты в школьном хоре. № 2.
Корниенко И. «Потому что это больше, чем мы...» № 5.
Кортин Б. Маратовец. № 9.
Кортин Б. Напутствие «Авроры». № 11.
Кудрявцева В. Максимка, сын директора. № 7.
Курочкин Ю. Всею голова. № 2.
Ланской М. Интернационалисты. № 8.
Лившиц Д. Когда деревья были маленькими. № 3.
Липатников Ю. Потешный плотник. № 4.
Лычагин И. Слово о ветеране. № 5.
Матвеев В. Прыгающие мины. Яблонька. № 7.
Марков Б. Шестнадцатилетний партизан. № 11.
Новый Н. Вожатый. № 9.
Олешко В. Две жизни солдата Григорова. № 7.
Пашин В. Рассказы о Блюхере. № 8.
Пешков П. Бабушкины яблоки. № 8.
Платонов Н. Сладкий хлеб. № 8.
Попов С. Дневник Евгения Фрейберга. № 9.
Путилов Б. Зоя и Борис Леонтьевич. № 9.
Романов Г. Фонд Ильича. № 3.
Рыков С. Шувакиш: четыре года спустя... № 10.
Савельзон В. Федя-Ференц. № 3.
Сергеева Л. Уходили в поход партизаны. № 6.
Хлыстун В. «Все у нас хорошо...» № 6.
Чумичев Л. Стоянка — пятнадцать минут. № 1.
Шировков Д. В небе чистом, в небе добром... № 11.
Шумайлов Ю. Легенда об известных. № 1.
Яковлев А. На семи ветрах холодных. № 5.
**ДАВНЫМ-ДАВНО. ТРОПОЙ ПОИСКА.
ПО БЕЛУ СВЕТУ. КРАВЕДЧЕСКАЯ КОПИЛКА.
РУКОМЕСЛА. СТРАНА ТОПОНИМИЯ.
КЛУБ СОБИРАТЕЛЕЙ.**
Абрамов А. «Прошлое мы любим потому...» № 3.
Алан Ю. Земские офени. № 6.
Алан Ю. Телеграф революции. № 11.
Алебастров И. Странные совпадения. № 11.
Андаева Р., Скомоголова Н. Наш земляк Евлампий Косвинцев. № 1.
Аринин В. Портрет Пушкина. № 8.
Аринин В. Автограф А. Островского. № 9.

- Ахметов С. Демантоид из Каменного пояса. № 7.
- Баландин В. Голоса граммофона. № 6.
- Белый А. Поведал казак Иван Евсичев... № 6.
- Бердинских В. Ссылный князь. № 3.
- Бердинских В. Ермил Костров. № 4.
- Бирюков Е. Футуристы в Казани. № 3.
- Бирюков В. «...Под ногами лежит богатство». № 4.
- Бойцова С. Ящик с красками. № 5.
- Борисихин Ю. Бесконечная Арктика. № 10, 12.
- Васильев В. Такими их видели современники. № 2.
- Воронов Г., Межберг В. Помог архив. № 6.
- Голубев Л. Лакированные туфельки. № 8.
- Голубев Л. Лонжюмо, 1911 год... № 10.
- Димухаметова С. Пермские чеканные туеса. № 9.
- Долматов В., Смирных А. Сибирские робинзоны. № 8.
- Дорошенко Е. Красный композитор. № 8.
- Дорошенко Е. Говорит Федор Плевако... № 2.
- Дунаев Ю. Судьбы колоколов. № 2.
- Дунаев Ю. Как это объяснить? № 5.
- Енакиев Р. Путевка в жизнь. № 8.
- Захаров С. Из плеяды следопытов. № 1.
- Зеличенко Б. Сказы на экране. № 1.
- Зеличенко Б. В домике няни. № 4.
- Зеличенко Б. Несыгранные роли. № 7.
- Ищенко Е., Любарский М., Портрет-гипотеза. № 6.
- Казанцев П. Изобрел Иван Кулибин. № 6.
- Клочков В. В. И. Мухина на Урале. № 4.
- Коверда П. Спутник М. Горького. № 2.
- Колезев Е. Старинной музыки концерт. № 4.
- Копайский А. Шла пила за топором. № 8.
- Коробков В. «Золотой поезд», № 2.
- Коровин А. Пролетарская писательница. № 4.
- Коровин А. Дневник Семена Порошина. № 9.
- Коркин В. На «Амуре» по Турухану. № 5.
- Кузминский Н. Донесение губернатору. № 4.
- Кузнецов А. Древние дороги земли Заволочской. № 11.
- Куличкин С. Отважные всадники. № 11.
- Липатников Ю. Грани памяти. № 1.
- Липатников Ю. Оружейная палата Урала. № 5.
- Матвеев А. Воспоминания о названиях. № 9.
- Матвеев А. Язык гор. № 10.
- Молчанов Э. Где золото роют в горах... № 1.
- Молчанов Э. Легендарная сопка. № 2.
- Молчанов Э. Форпост землепроходцев. № 6.
- Моложавенко В. Суриковы и Ермак. № 10.
- Навроцкий А. Музей молота. № 8.
- Надеждин Ю. На рентгене... «пермские боги». № 2.
- Немиров Ю. Он русской музыке служил. № 6.
- Новый Н. Этот удивительный Чацкий!.. № 5.
- Новосельский К. Другини. № 11.
- Омельчук А. Что сказал неведомый Сомме. № 5.
- Омельчук А. Рай-Из на семи ветрах. № 4.
- Пашин В. Кистью И. Репина. № 6.
- Пашин В. Гордость древнего шеголя. № 6.
- Пашин В. Еще один «Апостол». № 7.
- Пашнина Г. «Знакомцы давние. Плоды мечты моей...» № 10.
- Певцов А. Сделано из фибры. № 1.
- Подгайский Н. Погода 250 лет назад. № 1.
- Получила паспорт... гора. № 1.
- Пономарев В. Сон семинариста. № 4.
- Попов В. Печать адского труда. № 4.
- Прокурова М. Веков минувших писем. № 7.
- Рафиков М. России на века. № 12.
- Резниченко А. Из рода Лермонтовых. № 2.
- Резниченко А. В роли колдуна. № 5.
- Решетников М. Маяковский в Вятке. № 7.
- Рязанов Ю. «Спешить делать добро...» № 8.
- Савченко Т. Тетка барабанщицы. № 5.
- Салихов М. Литературная карта Башкирии. № 4.
- Смирнова С. Город Березов в 1740 году. № 5.
- Станюкович А. Третья пушка. № 8.
- Сурин Л. Подарок маршала. № 10.
- Фомина Г. Память сердца. № 5.
- Чинарева Т. В гостях у Тани Сабаневой. № 5.
- Шакинко И. Пермикнана. № 11.
- Шакинко И. Проекты профессора Матвеева. № 3.
- Шаскольский А. В одиночку к Северному полюсу. № 3.
- Широкова Н. Дитя удалое России. № 7.
- Шумов В. «Ах, если бы воля...» № 2.
- Яковлев В. Псевдоним — «Дерзнувший», № 11.
- МУЗЕЙ ОДНОГО ЭКСПОНАТА. НА СЛЕДОПЫТСКОЙ ЛИНИЕЙКЕ. СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ. ИЩУ И НАХОЖУ. НАШИ ИНТЕРВЬЮ. ЧИТАТЕЛЬ — РЕДАКЦИИ, РЕДАКЦИЯ — ЧИТАТЕЛЮ. ВСТРЕЧИ С ПРЕКРАСНЫМ. СТАРТЫ.**
- Азерный М. Школа спорта и труда. № 7.
- «Ведь это значит — мы пойдем друг друга...» № 5.
- Гаряев Л. Первая высота. № 9.
- Горшкова М. Маленькие шедевры у большого павильона. № 6.
- Козинец В. Богатырская жизнь. № 2.
- Колезев Е. Кружева из бересты. № 2.
- Кому так надо? № 6.
- Крапивин В. Паруса. № 5.
- Криницин В. Тагильская Лениниана. № 4.
- Летов В. Ончков из деревни Ончково. № 6.
- Ломакин С. Предназначение. № 11.
- Лукина Н. Горы и лыжи. № 4.
- Марьяна М. Встреча. № 10.
- Медведева В. Соликамские шедевры. № 9.
- Орлянский Ю. Вдохновение. № 7.
- Случанко Б. Города у рифов. № 9.
- Снегирев В. На берегах Суи. № 9.
- Проскурин В. Вечный зов. № 12.
- Тетеркин И. Быть ли музеем И. В. Курчатова? № 10.
- Хлебникова Л. Логика мастерства. № 8.
- «Хочу помочь им...» № 11.
- Чавляна Н. В копилку Ленинианы. № 1.
- УРАЛЬСКИЕ ЗАКРОМА. НАУКА И ТЕХНИКА. НАУКИ ЮНОШЕЙ ПИТАЮТ.**
- Алан Ю. Пушка Славянова. № 2.
- Богоявленский Л. И зелен и густ на грядке куст. № 3.
- Богоявленский Л. Картофель, картошка, бульба. № 4.
- Богоявленский Л. Горнозаводский лимон. № 8.
- Зайцев Ю. На встречу с кометой Галлея. № 8.
- Клименко А. Как жил мамонтонок Дима. № 3.
- Колезев Е. Робот Миша. № 7.
- Копайский А. В небе — махолет. № 6.
- Лынев Р. Пара лыж. № 2.
- Николаев О. Будем делать чудеса! № 1.
- Пластов Ю. Мальчишечьи узоры. № 8.
- Хохлачев В. Парус надежды. № 11.
- Якубовский Э. Болотный богатырь. № 9.
- ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА. О БРАТЬЯХ МЕНЬШИХ.**
- Барков А. Вертуха. На мякине не проведешь. Звуки флейты в березах. № 7.
- Беляев И. Целебные травы с грядок. № 10.
- Гелин А. Три медведя. Сапсан. № 8.
- Зима. Народный календарь. № 12.
- Калицкий В. В когтях... улитка. Живая телеграмма. № 6.
- Капорейко О. В круге жизни. № 2.
- Капорейко О. Утки, которые живут в норе. № 9.
- Коршик В. Один на сто верст. № 5.
- Кренделев Ф. Соленные дожди над степью. № 5.
- Курбатов В. Лиса в землянке. Орел птицелов. Гусь-Дуся. № 5.
- Лето. Народный календарь. № 6.
- Осень. Народный календарь. № 9.
- Рытвина Л. Вкусный физалис. № 9.
- Рябинин Б. Зеркало чистой воды. № 6.
- Рябинин Б. Чему они учат нас. № 8.
- Сапов В. Сады Сибири. № 8.
- Фомин Л. Стрижи. № 9.

В НОМЕРЕ:

- Б. ИВАНОВ** 2 Для фронта, не жалея сил...
- М. НАЙДИЧ** 10 Июнь. Стихи
- П. СЕВАК** 11 Стихи
- В. ЕЛОВСКИХ** 12 Лесная встреча. Рассказ
- Э. МОЛЧАНОВ** 17 Яблоня
- 18 Следопытский телеграф
- Ю. БОРИСИХИН** 20 Бесконечная Арктика. Окончание
- В. ПРОСКУРИН** 32 Вечный зов
- В. ШАПКО** 33 Подсадная утка. Повесть. Окончание
- 49 Читатель — редакции, редакция — читателю
- Л. ПАНАСЕНКО** 50 Плач в комнате смеха. Рассказ
- 57 Калейдоскоп. Мой друг фантастика
- 66 Зима. Народный календарь
- М. РАФИКОВ** 69 России на века
- 76 Мир на ладони

Рисунок на 1-й стр. обложки Розы АТЛАС

Редакция

Ю. Борисихин, заведующий отделом публицистики
В. Бугров, редактор отдела научной фантастики
Л. Бударина, технический редактор
М. Бурангулова, корректор
Л. Гончарова, секретарь-машинистка
А. Кононова, заведующая редакцией и отделом писем
Ю. Липатников, заведующий отделом науки и техники
Е. Пинаев, художественный редактор
Н. Широкова, редактор отдела следопытской жизни

Адрес редакции:

620219, Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 22в

Телефоны:

51-22-40 (секретариат)
51-55-56 (отделы писем, публицистики)
51-09-71 (отделы прозы и поэзии, научной фантастики)
51-53-20 (отделы науки и техники, следопытской жизни)
54-09-69 (отдел краеведения)

Сдано в набор 31.08.84. НС 11228.
Подписано к печати 11.10.84. Формат бумаги 84×108¹/₁₆.
Бумага типографская № 3.
Высокая печать. Усл. печатных листов 8,82.
Усл. кр.-отт. 10,5. Учетно-издательских листов 11,2.
Тираж 307 000. Заказ 540. Цена 40 коп.

Типография издательства «Уральский рабочий»
Свердловск, пр. Ленина, 49.

ГДЕ НАСТОЙ- ЧИВОСТЬ, ТАМ ПОБЕДА...

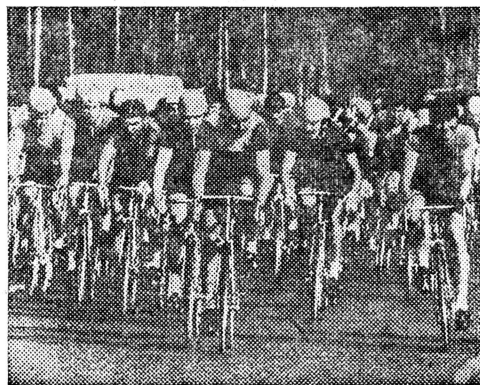
Не первый год, причем настойчиво, примериваются к пьедесталу почета в традиционной юношеской велогонке на приз нашего журнала асбестовцы. В прошлом году, например, победу в личном зачете одержал О. Брынцев; и нынче сильнейшим среди 118 стартовавших стал снова асбестовец — П. Зырянов.

Приятно называть новые имена. Тем более, что велогонка на приз «Уральского следопыта» не раз давала путевку в большой спорт. Весной из Берлина пришла радостная весть: обладатель нашего приза 1979 года Сергей Усламин в составе сборной СССР получил лавровый венок победителя велогонки Мира!

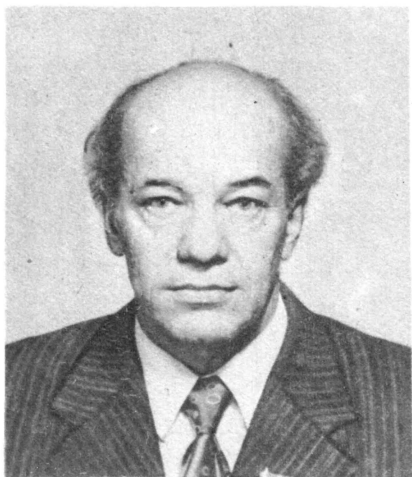
Командную победу, прервав семикратную подряд серию достижений велосипедистов города Верхняя Пышма, одержали юные спортсмены из Каменска-Уральского.

И еще: впервые велогонка прошла по новой, прямой как стрела, трассе Серовского тракта.

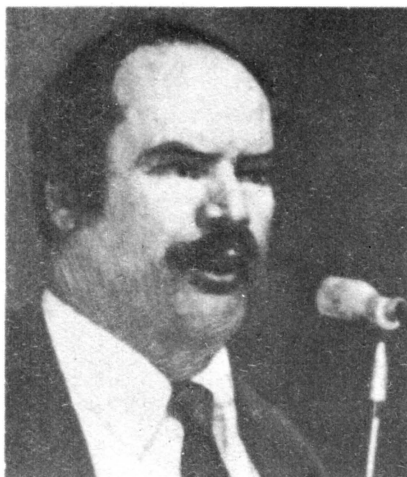
Команде-победительнице вручен кубок, а П. Зырянову — бесплатная годовая подписка на журнал «Уральский следопыт».

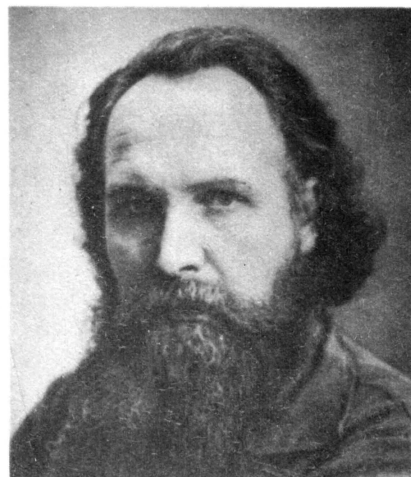
ПОЗДРАВЛЯЕМ С ТВОРЧЕСКИМ УСПЕХОМ!

П. Кодочигов

О. Поскребышев

А. Лысяков

Призами журнала «Уральский следопыт» по решению редакционной коллегии отмечаются:

посвященная Великой Отечественной войне и Победе документальная повесть свердловского писателя Павла Кодочигова «Второй вариант» (№№ 4—5);

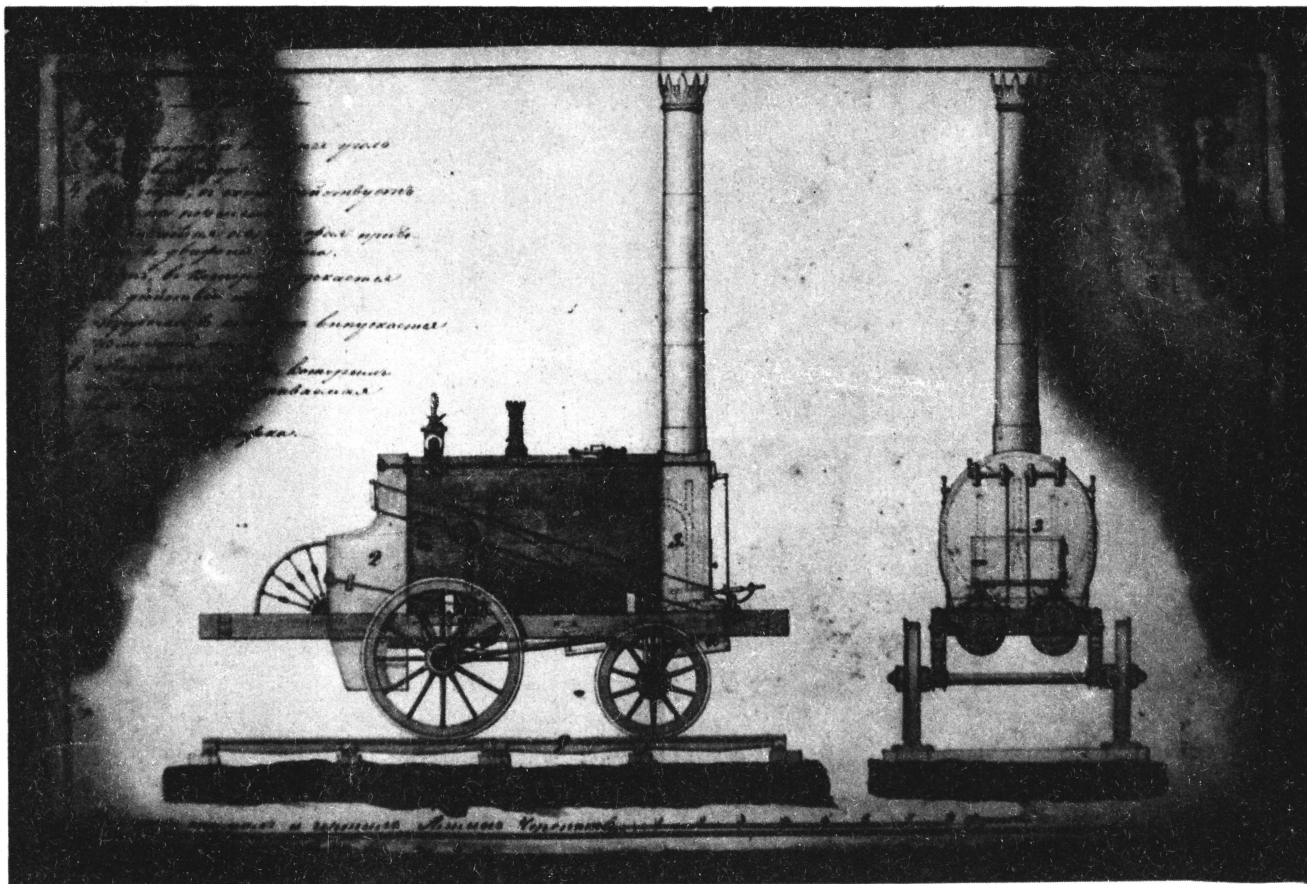
поэма удмуртского поэта Олега Поскребышева «Рябина» (№ 3);

серия обложечных фотокомпозиций свердловского фотожурналиста Александра Лысякова, рассказывающая об экспонатах уральских краеведческих музеев (№№ 1—7, 10—11).

С НОВЫМ ГОДОМ,
ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

РОССИИ НА ВЕКА

Читайте на стр. 68-й

